П. Сергѣенко.

О ТОЛСТОМЪ

pay Fr

О ТОЛСТОМЪ

ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХЪ НАЦІЙ.

Подъ редакціей П. А. Сергѣенко.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ I.

Изданіе В. М. Саблина.

Москва. — 1911.

LIBRARY
FEB 10 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3385
S392
1911
t. 1

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва.—1911.

П. Д. Боборыкинъ.

ВЪ МОСКВѢ У ТОЛСТОГО.

I

Мое личное знакомство съ Л. Н. Толстымъ относится къ пятилѣтію между концомъ 1877 года (когда я переѣхалъ на житье въ Москву) и лѣтомъ 1882 года.

Раньше, въ началѣ 60-хъ годовъ (когда я былъ издателемъ-редакторомъ «Библіотеки для чтенія»), я всего одинъ разъ обращался къ нему, письмомъ, съ просьбой о сотрудничествѣ, и получилъ отъ него въ отвѣтъ короткое письмо, сколько помнится, съ извиненіемъ, что обѣщать что-нибудь, въ ближайшемъ будущемъ, онъ затрудняется.

Въ тѣ годы, и раньше, я уже много слышалъ о немъ разсказовъ и въ литературномъ кругу Петербурга — особенно отъ А. Ф. Писемскаго — и въ семействѣ кн. Д — выхъ - К — выхъ, съ которымъ онъ сошелся за границей.

И для меня его личность, фигура, лицо, тонъ разговора, разныя особенности нрава — были уже довольно близки. Одна изъ княженъ Д — выхъ часто разска-

зывала мнѣ и представляла даже въ лицахъ — какъ онъ ходилъ къ нимъ запросто по вечерамъ (это было въ Брюсселѣ), очень часто игралъ въ четыре руки, читалъ имъ тѣ вещи для народнаго чтенія, которыя онъ готовилъ тогда для своего деревенскаго журнала. А петербургскіе писатели, въ родѣ того же Писемскаго, называли его «Левушка Толстой», распространялись больше всего о его тогдашнихъ «разносахъ» непріятной ему шекспироманіи и обличеніяхъ своихъ старшихъ собратовъ по беллетристикѣ въ напускныхъ якобы эстетическихъ восторгахъ.

Ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, отъ князя Л. И. Урусова слышалъ я разсказъ о томъ, какъ онъ ѣхалъ съ Толстымъ по желѣзной дорогѣ, какъ Л. Н. былъ отрицательно настроенъ ко всему политическому движенію тѣхъ годовъ и — между прочимъ — хвалилъ ему мой романъ «Земскія силы», оставшійся недоконченнымъ, съ прекращеніемъ «Библіотеки для чтенія», въ началѣ 1865 года.

Вотъ, вѣроятно, и все.

«Исповѣдь» его (я ее читалъ въ корректурахъ, кажется добытыхъ отъ С. А. Юрьева») впервые вызвала во мнѣ усиленный интересъ къ его задушевной жизни, привлекла меня своей искренностью, заохотила къ желанію личнаго знакомства.

Счетомъ у меня было всего три свиданія съ Л. Н. въ Москвѣ, все въ томъ же домѣ, или сначала въ наемномъ, но въ той же мѣстности, если не ошибаюсь.

Впередъ оговариваюсь, что быть можетъ хроноло-

гическая послѣдовательность этихъ трехъ свиданій и не вполнѣ точна; но они всѣ три принадлежатъ къ одной и той же полосѣ его саморазвитія, въ смыслѣ выработки религіозно-нравственнаго идеала.

Попалъ я къ Толстымъ въ пріемный день, вечеромъ, но прошелъ прямо на половину графа, и въ томъ, что происходило въ залѣ и гостиной, не участвовалъ и никому тамъ представленъ не былъ.

Засталъ я у него нѣсколько человѣкъ мужчинъ, и въ памяти моей остались два его собрата: Фетъ и Аполлонъ Майковъ. Фета я видѣлъ тутъ въ первый и единственный разъ въ жизни, и меня довольно-таки удивило, что тогдашній Фетъ-Шеншинъ оказался близкимъ пріятелемъ Льва Николаевича.

Майкова я зналъ давно, съ самаго моего пріѣзда въ Петербургъ, въ зиму 1860—61 годовъ. Я часто его встрѣчалъ у Писемскаго. Майковъ приходился родственникомъ его жены и жилъ въ томъ же домѣ, на одной площадкѣ съ Писемскимъ. Тогда Майковъ еще читалъ на публичныхъ вечерахъ либеральныя стихотворенія; а къ тому времени, когда я нашелъ его у Толстого, онъ успѣлъ уже превратиться, по своей «платформѣ», почти въ то, что теперь зовутъ «черной сотней», съ налетомъ церковности.

Признаюсь, я мечталъ не о такомъ «антуражѣ» автора «Исповѣди». Онъ тогда уже прошелъ черезъ острый кризисъ. Это могло быть въ періодъ интимнаго знакомства съ Сютаевымъ, но врядъ ли еще дальнѣйшихъ грозныхъ протестовъ противъ господствующей церк-

ви, какіе раздались позднѣе, когда происходила болѣе радикальная ломка всего, что не было чистымъ ученіемъ «Іисуса изъ Назарета».

Разговоръ шелъ о спиритизмѣ, и Л. Н., кажется, тогда интересовался имъ. Помню фразу Майкова, произнесенную съ гнилой усмѣшкой, насчетъ которой любилъ часто прохаживаться ихъ общій пріятель Григоровичъ.

— Хорошо и то, что и это приводитъ къ тому же. То-есть: къ вѣрѣ въ загробную жизнь и къ догматамъ ортодоксальнаго христіанства.

И хозяинъ, и Фетъ-Шеншинъ сочувственно улыбались.

И весь разговоръ, подробности котораго не сохранились достаточно въ моей памяти, шелъ въ такомъ же духѣ и направленіи.

Л. Н. былъ тогда по внѣшнему виду «мужчина среднихъ лѣтъ», какъ говорится въ такихъ случаяхъ, съ незамѣтной просѣдью, если она и завелась уже — лицо, неопростившееся совершенно, но ужъ съ очевиднымъ нежеланіемъ подчиняться не только модѣ, но и обязательной для хозяина открытаго дворянскаго дома корректности. На немъ, поверхъ рубашки, безъ жилета, былъ надѣтъ короткій пиджакъ. А такъ какъ въ комнатѣ дѣлалось жарковато, то онъ скинулъ его и остался въ рубашкѣ.

Какъ разъ въ эту минуту вошла къ намъ хозяйка — спросить, подавали ли намъ чаю.

Она сдѣлала шутливое замѣчаніе мужу — насчетъ его костюма, на что онъ добродушно отвѣтилъ, что въ комнатѣ слишкомъ жарко, и пиджака не надѣлъ. Кажется, это немного сконфузило графиню.

Я видѣлъ ее тутъ въ первый и послѣдній разъ. Она была тогда еще очень видная женщина, съ красивымъ обликомъ, легкой походкой и пріятнымъ тембромъ голоса, элегантная, въ туалетѣ.

Она тотчасъ же удалилась къ тѣмъ гостямъ, которые остались на ея половинѣ.

Имѣть съ Л. Н. особый разговоръ мнѣ не удалось въ тотъ же вечеръ; но его тонъ, особенно по сравненію съ его обоими пріятелями — дѣйствовалъ обаятельно. Никакихъ суровыхъ тирадъ въ смыслѣ обличенія фальши и суетности общества онъ не говорилъ и не высказывалъ еще того отношенія къ искусству, изящной литературѣ и къ своимъ собственнымъ произведеніямъ, какимъ переполнены были его рѣчи впослѣдствіи и довольно скоро послѣ этого.

Мнѣ кажется, онъ стоялъ именно тогда на перепутьѣ и къ полному внѣшнему опрощенію и къ выработкѣ себѣ полнаго credo, послѣ того, какъ окончательно стряхнулъ съ себя временное возвращеніе къ православію, съ какого онъ началъ.

Какъ проходила довольно шумная вечеринка на половинѣ графини, гдѣ была все больше молодежь, — не заинтересовало меня настолько, чтобы я рѣшился провести тамъ остатокъ вечера. Я только прошелъ по тѣмъ комнатамъ въ переднюю и могъ схватить лишь

обычную физіономію этого помѣщичьяго дома въ пріемный день.

Ничто тутъ даже не намекало на то, что вы въ домѣ великаго писателя, который выработалъ себѣ цѣлое новое міропониманіе, готовился быть вѣроучителемъ и производить въ душахъ своихъ соотичей и обитателей обоихъ полушарій ломку ихъ религіозныхъ и этическихъ исповѣданій вѣры.

Просто — дворянскій домъ, гдѣ-нибудь на Плющихѣ, или на Сивцевомъ Вражкѣ, или въ Староконюшенномъ переулкѣ, у богатыхъ помѣщиковъ, проживающихъ зимой въ Москвѣ, гдѣ много дѣтей, гдѣ собирается молодежь, музицируютъ, играютъ въ petits jeux, болтаютъ за чайнымъ столомъ.

Въ этомъ было что-то бытовое, чисто русское: полное отсутствіе того «священнодѣйствія», какимъ семья какой-нибудь западно-европейской знаменитости непремѣнно напомнила бы весь ритуалъ жизни дома въ дни пріемовъ.

Не только не отзывалось все это обиталищемъ «вѣроучителя», но и автора «Войны и мира» и «Анны Карениной».

И объ этихъ произведеніяхъ и въ кабинетѣ хозяина не было при мнѣ сказано ни слова.

II.

Второй разговоръ происходилъ также зимой, но уже въ другой обстановкѣ. Не знаю — было ли это въ томъ же самомъ домѣ; но припоминаю хорошо дворъ и—налѣво — крыльцо со двора, какъ въ старинныхъ помѣщичьихъ домахъ.

Въ сѣняхъ стоялъ почему-то самоваръ. Въ передней какой-то служитель, въ родѣ кухоннаго мужика, спросилъ меня, кого мнѣ угодно видѣть. Вошелъ въ переднюю мальчикъ подростокъ — одинъ изъ сыновей — и когда услыхалъ мою фамилію, то сейчасъ же попросилъ меня къ отцу. Вѣроятно, я предупредилъ Л. Н. о своемъ посѣщеніи.

Меня провели къ нему, въ его рабочую комнату. Надо было подняться во что-то въ родѣ антресоля. Комната была довольно просторная, съ невысокимъ потолкомъ, и смотрѣла болѣе мастерской, чѣмъ благоустроеннымъ барскимъ кабинетомъ. Окна выходили въ садъ.

Процессъ опрощенія уже сказывался во всемъ, начиная съ блузы хозяина. Писалъ онъ за небольшимъ столомъ. На ставнѣ у входа висѣло платье и еще что-то—все «простецкое», какъ бы у мастерового или зажиточнаго мужика.

Затрудняюсь сказать что, главнымъ образомъ, вызывало во мнѣ желаніе быть у Л. Н. именно въ тотъ разъ, но я отчетливо помню: это былъ визитъ ему,

только ему, я не имѣлъ намѣренія быть вхожимъ въ домъ, сойтись съ его семействомъ, посѣщать ихъ вечера.

И такъ случилось, что онъ самъ тутъ же, въ началѣ разговора, сталъ съ тихимъ юморомъ и откровенностью (которая показывала, какъ онъ сдѣлался далекъ отъ рода жизни и привычекъ своей семьи), говорить на ту тему, какъ «господа» безобразно живутъ, какъ они жестоко относятся къ своей прислугѣ, какъ вооще они «бѣса тѣшатъ».

— Я вотъ на-дняхъ говорю своимъ дамамъ: Какъ вамъ не стыдно такъ жить? Костюмированный балъ у генералъ-губернатора... Разрядятся и оголятъ себѣ руки и плечи. Имъ съ полгоря: подъ шубой и въ теплыхъ коматахъ... А кучеръ-старикъ долженъ на двадцатиградусномъ морозѣ ждать ихъ до четырехъ часовъ ночи. Хоть бы къ нему почувствовали жалость.

Это вступленіе дало тонъ и всей дальнѣйшей бесѣдѣ. Вы уже имѣли дѣло съ человѣкомъ, который, какъ разъ, въ ту полосу своей жизни, проходилъ черезъ страстное отрицаніе всего суетнаго, себялюбиваго, хищнаго и безсмысленнаго, чѣмъ сытые господа услаждаютъ свое праздное существованіе. И въ томъ, что предметомъ его обличеній явились сейчасъ же его «дамы», не было ничего удивительнаго.

Вспоминаю, что мнѣ хотѣлось слышать отъ Л. Н. о его знакомствѣ съ Прудономъ, который жилъ въ Брюсселѣ, эмигрантомъ, какъ разъ въ то время, когда Толстой и семейство кн. Д—выхъ-К—выхъ, проживали также въ Брюсселѣ.

Прудономъ я — въ первой половинѣ 70-хъ годовъ — не мало занимался, въ особенности его судьбой, личной житейской дорогой, дружескими связями и самыми кровными интересами, что такъ ярко и обильно содержится въ его обширной корреспонденціи (до 14 томовъ), которую я въ тѣ годы обрабатывалъ въ «Вѣстникѣ Европы», въ цѣломъ рядѣ статей, не подписанныхъ моимъ полнымъ именемъ.

Къ идеямъ Прудона, особенно къ его обличеніямъ буржуазнаго государства, Толстой могъ и тогда, въ Брюсселѣ, имѣть симпатію, да и къ личности Прудона, ко всему демократическому складу его натуры, къ его спартанскимъ правиламъ, къ моральному аскетизму, который сидѣлъ въ этомъ французскомъ мужикѣ.

И вотъ это именно обращеніе къ памяти о Прудонѣ (о которомъ — насколько я припоминаю — я не услыхалъ отъ Л. Н. какихъ-нибудь особенно цѣнныхъ подробностей) вызвало во мнѣ желаніе коснуться вопроса, который, позднѣе, сдѣлался камнемъ преткновенія для тѣхъ, кто хотѣлъ бы видѣть въ каждомъ поступкѣ вѣроучителя полное соотвѣтствіе съ сутью его проповѣди.

Это — вопросъ о немъ, какъ объ имущемъ, даже богатомъ помѣщикѣ, о его наслѣдственныхъ владѣніяхъ, о томъ, почему онъ — хоть самъ и опростился — допускаетъ, чтобы его семья, на его средства, проживала доходы съ земли, которая, по его убѣжденіямъ, должна была бы цѣликомъ принадлежать тѣмъ, кто ее обрабатывалъ.

Тогда уже начались въ интеллигентныхъ кругахъ такіе толки, и мнѣ, относившемуся симпатично къ его соціальнымъ протестамъ, было непріятно чувствовать и сознавать, что тутъ есть несомнѣнное противорѣчіе и что такому человѣку нельзя защищаться тѣмъ, что это его личное дѣло. Его жизнь и его поступки принадлежали уже всѣмъ, кого онъ призывалъ къ другимъ этическимъ и общественнымъ идеаламъ.

Разговоръ о Прудонѣ далъ мнѣ прямой поводъ сказать Л. Н. слѣдующее:

— Вы знавали Прудона. Въ своей семейной жизни онъ былъ настоящій французскій мужикъ. И если бъ онъ былъ вашихъ теперешнихъ взглядовъ на барскую собственность, онъ не сталъ бы отговариваться тѣмъ, что не желаетъ никакого насилія надъ близкими людьми, а заставилъ бы ихъ отказаться отъ дарового пользованія земными благами, которыя они сами не зарабатывали; не только не позволилъ бы онъ имъ проживать то, что самъ имѣлъ, да и ихъ-то наслѣдственной собственностью запретилъ бы имъ пользоваться, считая ее узурпаціей и воровствомъ.

Подлиннаго отвѣта Л. Н. я не записалъ; но онъ, вѣроятно, отвѣтилъ мнѣ такъ же, какъ и многимъ другимъ, даже и гораздо позднѣе, когда его отрицаніе всякаго имущественнаго захвата пошло еще дальше.

Онъ долженъ былъ согласиться со мною въ томъ, что Прудонъ поступилъ бы такъ, какъ я говорю, и не сталъ бы смущаться тѣмъ, что не имѣетъ якобы права лишать «своихъ» того комфорта, къ которому они при-

выкли. Прудонъ былъ настолько мужикъ, что обѣдалъ одинъ, а жена ему прислуживала.

Л. Н. принципіально не защищалъ себя, прекрасно сознавая, что нельзя этого сдѣлать безъ натяжки: онъ какъ бы признавался въ своей слабости къ близкимъ ему существамъ, хотя, какъ мы видѣли, и способенъ былъ и тогда такъ откровенно и даже безпощадно указывать на ихъ образъ жизни, который поддерживалъ вѣдь тѣми средствами, какія шли отъ него же.

Я испыталъ на себѣ обаяніе тона и манеръ Л. Н., когда онъ желалъ быть тѣмъ, что французъ называетъ: «un charmeur».

Спорить съ нимъ не хотѣлось.

Спора у насъ и не вышло. Но я вынесъ тогда такое чувство, что лучше будетъ читать то, что выйдетъ изъ-подъ его пера, чѣмъ рисковать, въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ, нежелательными ихъ осложненіями.

III.

Послѣднее мое посѣщеніе Л. Н—ча, было лѣтомъ 1882 года.

Тогда я задумалъ поѣздку на Волгу и, уже заинтересованный сектантскимъ движеніемъ, попросилъ Л. Н. дать мнѣ письма къ крестьянину Сютаеву и къ кому-нибудь изъ выдающихся молоканъ, гдѣ-нибудь на Волгѣ, съ которыми онъ находился уже въ сношеніяхъ. И они считали его тогда еще своимъ «братомъ во Хри-

стѣ». Это было еще до появленія въ печати его окончательнаго professoin de foi, гдѣ «Іисусъ изъ Назарета» является только учителемъ божественной правды, а не второй «ипостасью божества». Позднѣе, когда я подробнѣе изучалъ религіозную жизнь молоканъ (главнымъ образомъ въ Рязанской губерніи), собирая матеріалы для своей повѣсти «Исповѣдники», я нашелъ уже у молоканъ и баптистовъ совсѣмъ другое отношеніе къ Толстому. Нѣкоторые прямо считали его — «антихристомъ»

Сколько помнится, Л. Н. принялъ меня въ комнатѣ, которая напоминала ту, гдѣ я его нашелъ вечеромъ съ Майковымъ и Фетомъ. Окна выходили, кажется, въ садъ. Какъ-будто Л. Н. оставался одинъ въ городѣ. Я что-то не помню, чтобы въ домѣ была и семья его.

Онъ мнѣ далъ записку къ Сютаеву и къ одному вліятельному молоканину, въ Самарѣ. Съ Сютаевымъ мнѣ почему-то не удалось видѣться, а самарскаго молоканина я нашелъ больнымъ, въ постели, но онъ много со мной бесѣдовалъ.

Въ короткомъ письмѣ Л. Н. называлъ его «братомъ» и писалъ ему на «ты».

Тогда онъ находился, какъ мнѣ думается, въ самомъ о с т р о м ъ кризисѣ своего писательскаго «отступничества», если мнѣ позволятъ это выраженіе, которое я считаю, въ данномъ случаѣ, совершенно правильнымъ. Онъ, какъ говорится, «и слышать не хотѣлъ» о возвращеніи къ писательской работѣ художника. Не предвидѣлъ онъ тогда, сколько разъ придется ему на-

рушать этотъ обѣтъ художническаго «абсолютизма», браться и за перо автора «Анны Керениной», кромѣ своихъ поучительныхъ писаній, въ разное время давать такія вещи, какъ «Крейцерова соната», «Хозяинъ и работникъ», и, наконецъ, «Воскресеніе». Да и теперь, уже на самомъ крайнемъ склонѣ своего пути, онъ не открещивается болѣе отъ замысловъ чисто-беллетрическихъ вещей и пишетъ ихъ, вѣроятно, съ такой же любовью, какъ и въ былое время.

Тогда я и услыхалъ отъ него характерную фразу насчетъ своего писательства, которую имѣлъ уже поводъ привести въ печати.

Когда я выразилъ сожалѣніе насчетъ строгаго запрета, наложеннаго имъ на себя, онъ выразился приблизительно такъ:

— Знаете, это мнѣ напоминаетъ вотъ что: какой-нибудь состарѣвшейся француженкѣ ея бывшіе обожатели повторяютъ: «какъ вы восхитительно пѣли шансонетки и придерживали юбочки!»

При этомъ онъ передъ словомъ «француженка» употребилъ крѣпкое русское словцо.

И это было сказано въ добродушномъ тонѣ, съ такимъ спокойнымъ юморомъ, что оставалось только... принять это безъ всякаго протеста.

Но было все-таки неловко слышать отъ самого Толстого приговоръ творческой работѣ, автора «Казаковъ», «Анны Карениной» и «Войны и мира».

Если все это можно было сравнить съ кафешантан-

ными куплетами, то что же оставалось каждому изъ насъ — для оцѣнки собственной писательской работы?

Но жизнь сильнѣе, и она незамѣтно довела Л. Н. до измѣны тогдашнему своему аскетическому запрету, временно наложенному на самое великое и неумирающее, что было и есть въ его жизни и творческой душѣ, чѣмъ онъ такъ обогатилъ исторію всемірной изящной словесности.

Съ тѣхъ поръ мы не видались. Нѣсколько зимъ мы жили одновременно въ Москвѣ. Но я не ѣздилъ въ его домъ, не искалъ и бесѣдъ съ нимъ, съ глазу на глазъ. Его духовная эволюція (извиняюсь за это непріятное ему слово) пошла по такому пути, что избѣжать принципіальныхъ разговоровъ, а стало быть и преній—было бы невозможно, особенно при извѣстномъ темпераментѣ. Я уже разъ сказалъ Л. Н—чу, что спорить съ нимъ не могу и не хочу. А являться просто въ качествѣ посѣтителя знаменитости я тоже не находилъ отвѣчающимъ тому образу поведенія, какое я, въ моей долгой жизни, усвоилъ себѣ со всякими знаменитостями.

И мнѣ было часто очень непріятно за нашего великаго писателя отъ постоянной болтовни о немъ въ обывательскихъ домахъ разнаго сорта, въ Москвѣ, въ тѣ годы, отъ которой нельзя было никуда уйти. И всѣ эти, даже и самые частые посѣтители, ничего дѣйствительно цѣннаго не сообщили о немъ. А большинство воспоминаній, замѣтокъ, писемъ о посѣщеніяхъ Ясной Поляны часто носили на себѣ, да и теперь еще носятъ,

такой подслащенный тонъ, который и самому яснополянскому мудрецу врядъ ли можетъ быть пріятнымъ.

Отъ лицъ, близкихъ Л. Н., я слыхалъ, что его отношеніе ко мнѣ, какъ его младшему собрату по беллетристикѣ, оставалось сочувственнымъ и для меня лестнымъ во всѣхъ смыслахъ.

Фактическое подтвержденіе этого я получилъ тотчасъ послѣ избранія меня въ почетные академики.

Когда я дѣлалъ визитъ покойному Сухомлинову, тогда предсѣдателю «разряда изящной словесности», онъ сообщилъ мнѣ «конфиденціально», что Л. Н. на запискѣ, которую тогда подавали или посылали до баллотировки шарами, вмѣсто шести именъ, написалъ только одно — мое, сдѣлавъ, при этомъ, особенно лестное для меня замѣчаніе.

Я счастливъ тѣмъ, что могу кончить этой нотой мои слишкомъ скудныя воспоминанія. Я хотѣлъ унести изъ жизни образъ автора самыхъ прекрасныхъ произведеній родной литературы.

П. Боборыкинъ.

Москва, февраль
1908 г.

Болтонъ-Голль.
(Америка.)

ТОЛСТОЙ И ГЕНРИ ДЖОРДЖЪ.

Интересъ къ сочиненіямъ Толстого возникъ у меня, главнымъ образомъ, благодаря его увлеченію философіей Генри Джорджа. Желаніе познакомиться съ принципами мышленія, которые, приводя его къ такимъ заключеніямъ, побудили меня прочитать книгу Толстого «О жизни» съ величайшимъ вниманіемъ, какъ на французскомъ, такъ и на англійскомъ языкахъ. Почему-то именно эта одна изъ всѣхъ книгъ Толстого представляется въ чтеніи наиболѣе трудной для западника. Тѣмъ не менѣе, достоинства ея произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что я подробно и тщательно изложилъ ее подъ заглавіемъ: «Жизнь, Любовь и Смерть», и отчетъ этотъ имѣлъ большой сбытъ въ нашей странѣ.

Въ изложеніи этомъ я старался передать простымъ языкомъ, которымъ могъ бы заинтересоваться и нашъ «уличный читатель», всю жизненную философію Толстого. Для изложенія всякаго ученія необходимо присутствіе двухъ лицъ — одного говорящаго, а другого—

слушающаго. А потому возможно, что западное толкованіе будетъ нѣсколько отличаться отъ восточнаго.

Въ нашей странѣ, однако, существуетъ и все возрастаетъ большое количество лицъ, принимающихъ то, что они признаютъ за толстовскую философію, главныя черты которой, по нашему разумѣнію, заключаются въ слѣдующемъ:

Человѣческая жизнь есть стремленіе къ счастью, а просвѣщенный человѣкъ можетъ достигнуть того, къ чему онъ стремится.

Когда человѣкъ признаетъ сердцемъ, что нѣтъ ничего, что стоило бы имѣть, или давать, кромѣ любви, или проявленія любви, онъ становится любящимъ, полнымъ одной любовью, и, сдѣлавшись таковымъ, можетъ безбоязненно слѣдовать всѣмъ своимъ желаніямъ, зная, что они возникаютъ отъ любви и она ими управляетъ. Такимъ образомъ, для него начинаетъ существовать лишь одинъ законъ — любовь. Онъ поступаетъ такъ, какъ желаетъ, и такимъ путемъ находитъ доступъ къ свѣтлой свободѣ сыновъ Божьихъ. Намъ тогда уже не приходится подчиняться законамъ животной жизни: мы познали истину, и истина дала намъ свободу. Чѣмъ больше проявляемъ мы любви, тѣмъ сильнѣе получаемое нами удовлетвореніе, и чѣмъ больше мы привлекаемъ къ себѣ любви, тѣмъ больше услугъ оказываютъ намъ другіе. Это ли не заманчивое счастье?

Насъ учили, и мы сами горькимъ опытомъ убѣдились, что мы должны бороться за всякое достигаемое нами благо. Но это невѣрно. Самое лучшее и самое

высокое достается намъ, какъ ростъ и развитіе дереву, потому что оно естественно и легко, разъ мы уже узнали и научились законамъ любви.

Мы находимъ счастье въ служеніи ближнимъ, посредствомъ котораго сливаемся съ міровымъ духомъ и разумомъ; счастье это нисколько не зависитъ отъ того, замѣчаемъ ли мы какой-нибудь видимый успѣхъ въ этомъ служеніи. Самая попытка удалить причины чужихъ страданій и въ особенности помочь другимъ правильно мыслить, такъ чтобы они могли сами избѣжать зла, уже сама по себѣ является источникомъ радости.

Зло, въ лицѣ смерти и страданія, встаетъ передъ человѣкомъ, опускается до уровня звѣря, только тогда видитъ онъ смерть и страданія.

Страданія и страхъ смерти — не больше, какъ преступленія, совершаемыя человѣкомъ противъ закона въ себѣ самомъ или въ другихъ. Для человѣка, который живетъ согласно съ этимъ закономъ, не существуетъ ни смерти, ни страданія.

«О смерть, гдѣ жало твое?
О могила, гдѣ торжество твое?»

Bolton Hall.

56 Пайнъ-Стритъ.
Нью-Іоркъ.
С. Ш.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Г.

Я полюбилъ Толстого и восхищаюсь имъ съ тѣхъ поръ, какъ прочелъ его первую вещь — описаніе природы.

Я не раздѣляю его религіозныхъ вѣрованій, во многомъ не раздѣляю его взглядовъ и на различные факты жизни, но это не уменьшаетъ ни моей любви, ни моего восхищенія.

Стремленія же его я вполнѣ раздѣляю, и онъ, стоя головою выше русской современности, раздираемой дикой революціей и грубой реакціей, олицетворяетъ въ моихъ глазахъ окончательное будущее Россіи.

Бьэрнстьерне-Бьернсонъ.

Норвегія. Аулестадъ.
1908 г. 23 Іюля.

ПОПУЛЯРНОСТЬ ТОЛСТОГО.

(Посмертный очеркъ.)

Въ 80-хъ годахъ Л. Н. Толстой проживалъ зимами въ Москвѣ, близъ Дѣвичьяго поля.

Писатель любилъ бродить по городу и присматриваться къ внѣшней жизни столицы. Онъ наблюдалъ, ибо не могъ жить безъ наблюденій. Кромѣ того, какъ живой и сильный человѣкъ, нуждался въ постоянномъ моціонѣ. И онъ бродилъ по Москвѣ, вѣроятно, не замѣчая, что за нимъ часто слѣдятъ любопытные.

Можетъ быть, ему и приходилось слышать сдержанный шопотъ; «Толстой! Смотрите, Толстой». Но онъ какъ бы не слышалъ этого и ходилъ всегда быстрой дѣловой походкой.

Одинъ мой знакомый отправился на масляной недѣлѣ на народное гулянье, что на Дѣвичьемъ полѣ, чтобы посмотрѣть, какъ веселится московскій трудовой людъ. Но тамъ оказалась страшная скука.

Онъ хотѣлъ уйти домой. Вдругъ видитъ — идетъ Толстой. Онъ по фотографіи узналъ его. Настроеніе моего пріятеля мгновенно измѣнилось. Его потянуло къ писателю. И онъ пошелъ за нимъ. «И кажется, — го-

ворилъ онъ, — если бы Л. Н. цѣлый день ходилъ, я бы не отсталъ отъ него. Я былъ счастливъ, что попалъ на Дѣвичье поле».

И это разсказывалъ не юноша, а довольно извѣстный общественный дѣятель, серьезный, образованный человѣкъ. Онъ ходилъ за Толстымъ и наблюдалъ, что преимущественно интересуетъ великаго писателя на народномъ гуляньѣ.

Встрѣтились знакомые. Мой пріятель указалъ имъ глазами на Толстого и шепнулъ имъ, кто передъ ними. Къ наблюдателю присоединились другіе наблюдатели и пошли издали за Толстымъ. Писатель ходилъ быстро и легко, ко всему зорко присматриваясь. И заходилъ ли онъ въ чайную лавку, или въ палатки, гдѣ показывали всякія диковинки, — тайная свита слѣдовала за нимъ. Она все росла и увеличивалась. Наконецъ, писатель свернулъ въ Долго-Хамовническій переулокъ и направился къ своему дому.

«Мы проводили, — разсказываетъ мой знакомый, — Льва Николаевича до самаго дома и были очень счастливы тѣмъ, что хоть нѣсколько часовъ и хоть издали находились въ присутствіи великаго гражданина Русской земли. Цѣлый вечеръ затѣмъ проговорили они о немъ, о его необъятномъ значеніи въ исторіи русскаго самосознанія, и настолько увлеклись этими бесѣдами, что забыли даже о масляницѣ».

* * *

Въ 1901 г. я былъ въ Петербургѣ, когда вышло постановленіе Синода объ отлученіи Л. Н. Толстого. Какъ члену союза русскихъ писателей, мнѣ пришлось участвовать въ собраніи по поводу посылки Толстому привѣтственной телеграммы.

Телеграмма, составленная Н. Ф. Анненскимъ, была принята единогласно при бурныхъ рукоплесканіяхъ. Едва ли это не было самое единодушное изъ всѣхъ собраній союза русскихъ писателей...

Весною того же года я встрѣтилъ Л. Н. въ Москвѣ, на Петровкѣ. Онъ былъ въ поношенномъ осеннемъ пальто, сѣрой войлочной шапочкѣ и домашнихъ вязаныхъ перчаткахъ.

Мы поздоровались. Л. Н. спросилъ:

— Куда вы идете теперь?

— Въ театръ — на съѣздъ актеровъ, — сказалъ я.

— Ну, что тамъ интереснаго? — проговорилъ онъ дружелюбно. — Пойдемте лучше со мной... Вы такъ расголстѣли, что вамъ необходимо ходить.

Я, конечно, согласился и почти сейчасъ же заговорилъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела на меня телеграмма, посланная союзомъ писателей. Л. Н. все время молчалъ, слушая меня, не выражая ни сочувствія, ни порицанія. Наступила пауза. Я спросилъ его, какое впечатлѣніе произвело на него постановленіе Синода?

Онъ улыбнулся и свелъ разговоръ на другую тему.

Мы шли по Столешникову переулку въ гору къ Тверской улицѣ и заговорили о нашемъ общемъ знакомомъ

П. (нынѣ умершій), который въ молодости не разъ охотился со Л. Н.

Писатель оживился и спросилъ:

— Что же дѣлаетъ теперь П.? Какъ поживаетъ?

Я сказалъ, что П. одинокъ и молится Богу, но живетъ съ француженкой, привезенной имъ изъ Парижа, женщиной, которая не можетъ быть ни другомъ, ни женой.

Л. Н. задумался, затѣмъ вздохнулъ и сказалъ:

— Какъ жаль! П. могъ бы много сдѣлать добра.

И время показало, что Толстой былъ правъ...

Мы подошли къ дому московскаго генералъ-губернатора.

Стоящій на дежурствѣ полицейскій приставъ сдѣлалъ Л-у Н-у подъ козырекъ. Писатель отвѣтилъ легкимъ наклоненіемъ головы. Мы свернули на Тверскую. Было очень людно. Около церкви Дмитрія Солунскаго послышался шопотъ въ толпѣ:

— Толстой! Толстой!

Я оглянулся.

Невдалекѣ отъ насъ молчаливо подвигалась толпа молодежи обоего пола, провожая жадными глазами Толстого. Онъ, кажется, не замѣчалъ этого.

Когда мы подошли къ Никитскимъ воротамъ, Л. Н. встрѣтилъ знакомую даму, остановился и началъ разговаривать. Я попрощался съ нимъ. Л. Н. снялъ вязаную перчатку и громко сказалъ, прощаясь:

— Кланяйтесь П.

Я повернулъ къ Страстному монастырю, и когда

поравнялся съ толпой остановившейся молодежи, ко мнѣ обратились со словами:

— Кому, кому онъ велѣлъ кланяться?

— Своему старому знакомому по охотѣ,—сказалъ я.

Молодежь продолжала смотрѣть въ сторону Толстого. Выраженіе лицъ у большинства было восторженное и благородное.

С. Васюковъ.

Архипоосиповка. Черное море.

Петръ Веригинъ.
(Канада).

ИЗЪ ПИСЕМЪ.

Такъ мало я встрѣчался со Львомъ Николаевичемъ, что боюсь, чтобы не сказать чего-либо лишняго о его личности.

Первое знакомство со Львомъ Николаевичемъ было черезъ моего родного брата Василія. Это случилось, кажется, въ 1889 или 90-мъ гому. Меня въ ссылкѣ перевозили изъ Архангельской губерніи въ Березовскій округъ, и надо было ѣхать черезъ Москву. Брату моему пришлось увидѣться со Львомъ Николаевичемъ. Изъ Москвы на Челябинскъ въ пути съ братомъ въ арестантскомъ вагонѣ мы часто видѣлись, и братъ и еще нашъ другъ, Василій Верещагинъ, много разъ разсказывали мнѣ объ этой знаменательной встрѣчѣ. Тутъ впервые фигура Льва Николаевича какъ бы обрисовалась передо мной. Брата моего Василія и Верещагина очень удивило, что во Львѣ Николаевичѣ они мало замѣтили «графскаго», такъ какъ слышали, что Левъ Николаевичъ имѣетъ титулъ графа.

Встрѣча въ гостиницѣ, въ Москвѣ: ихъ поразила

простота обращенія и пріятная, какъ бы душевная осанка Льва Николаевича. Заговоривъ, онъ первымъ долгомъ высказалъ имъ: «Что брата вашего ссылаютъ въ Сибирь, это хорошо».

Не будь мой братъ и Верещагинъ настроенными согласно словъ Льва Николаевича (онъ какъ бы отгадалъ ихъ мысли), такой комплиментъ былъ бы далекъ отъ пріятности.

Братъ мой сказалъ:

— Да, это къ лучшему, — подразумѣвая выгоду духовную. Вѣроятно, и Левъ Николаевичъ сказалъ также въ духовномъ интересѣ.

Съ этихъ поръ началась моя переписка со Львомъ Николаевичемъ. Очень жалѣю, сейчасъ мало имѣется у меня другихъ писемъ Льва Николаевича. Когда я выѣзжалъ изъ Тобольска, оставилъ одному другу для прочтенія и до сихъ поръ онъ не прислалъ мнѣ ихъ.

Однажды въ письмѣ ко Льву Николаевичу я замѣтилъ, что въ грамотности нѣтъ пользы. Левъ Николаевичъ возсталъ противъ этого и доказывалъ, что, чтобы достать защемившійся клинъ въ деревѣ, надо обязательно вколачивать въ трещину другой. Объясняя то, что въ народную жизнь посредствомъ грамотности вошло много нехорошихъ писаній, а потому надо опять же писать, чтобы «выколотить» тотъ, занозившійся клинъ.

Личная встрѣча со Львомъ Николаевичемъ была, когда я возвращался изъ Сибири и ѣхалъ въ Канаду. Съ поѣзда изъ Тулы я прямо нанялъ извозчика до

«Ясной» и пріѣхалъ очень рано, въ пять или въ шесть часовъ. Это было осенью. Человѣкъ, отворившій мнѣ дверь, объявилъ, что семья еще спитъ. Походивъ часа два въ окружности, я возвратился; меня въ этой же, первый внизу, комнатѣ встрѣтилъ уже самъ Левъ Николаевичъ. Расцѣловавъ меня, онъ полушопотомъ сказалъ, что семья еще не вся встала. Я понялъ, что Левъ Николаевичъ думалъ о графинѣ. (Впослѣдствіи мое мнѣніе не оправдалось, такъ какъ графиня очень любезная и простая женщина). Полчаса мы провели съ нимъ время пріятно-восторженно. Левъ Николаевичъ съ неподдѣльной простотой разспрашивалъ меня о жизни въ ссылкѣ и вообще, видимо, хотѣлъ меня вполнѣ понять, что я за человѣкъ. Вскорѣ насъ попросили къ чаю, а потомъ и къ обѣду. Тутъ я познакомился ближе съ добротой графини.

Прожилъ я тотъ разъ два дня у Льва Николаевича, и думаю, что у Толстыхъ можно проживать годами и не скучать. Особенность Льва Николаевича — простота и непринужденность; такъ держитъ себя сравнительно и вся семья.

Снова я встрѣтился со Львомъ Николаевичемъ, въ Ясной Полянѣ же, черезъ четыре года. Та же хорошая манера, душевная простота, особенно выражающаяся въ его ясныхъ глазахъ.

Въ 1906 году я ѣздилъ къ нему изъ Канады.

Въ первый разъ при мнѣ визитеромъ былъ какой-то священникъ. Левъ Николаевичъ предупредилъ меня, что этотъ священникъ можетъ быть ѣздитъ отъ губер-

натора мѣстной губерніи. И, несмотря на такое подозрѣніе, священникъ былъ принятъ и даже введенъ, такъ сказать, въ «святая святыхъ» — въ рабочій кабинетъ Льва Николаевича. Былъ вечеръ. Послѣ обычныхъ привѣтствій Левъ Николаевичъ взялъ свѣчу и попросилъ разсмотрѣть на стѣнахъ картины. Картины были: заключенный на исповѣди и много другихъ въ такомъ печальномъ видѣ. Между прочимъ была картина: священникъ за сборомъ; на этой картинѣ Левъ Николаевичъ болѣе и остановилъ вниманіе визитера-священника.

Видимо, священникъ былъ ошеломленъ и долго, какъ бы загипнотизированный, смотрѣлъ на картину, разсматривая самого себя, что и хотѣлъ показать ему Левъ Николаевичъ.

Чтобы вывести священника изъ неловкаго положенія, Левъ Николаевичъ заговорилъ первый: «А что, хороша картина? А мѣшокъ-то, обратите вниманіе, да и животъ у священника не тоньше мѣшка». За эти слова къ священнику Левъ Николаевичъ показался мнѣ не очень «добросердечнымъ», да еще къ священнику-шпіону.

Надо вамъ откровенно сказать, милый другъ, я сейчасъ немного черезъ мѣру занятъ временными хлопотами въ общинной жизни и не могу все вниманіе сосредоточить, чтобы дать хотя краткій очеркъ о Львѣ Николаевичѣ.

Мы недавно купили немного земли подъ садоводство въ Британіи-Колумбіи, и, такъ какъ садоводство

для насъ почти новое занятіе, то надо, по возможности, начать правильнѣй.

Желаю Вамъ всѣхъ благъ отъ Господа. Вашъ братъ.

Петръ Веригинъ.

Уилльямъ Ллойдъ Гаррисонъ.
(Америка).

«ГРАЖДАНИНЪ МІРА».

Этическое самосознаніе нашихъ дней находитъ въ Толстомъ свое высочайшее выраженіе. Его слова быстро расходятся и производятъ глубокое впечатлѣніе на мыслящіе умы. По ясности представленія, безграничной смѣлости и непреклонности убѣжденій, по простотѣ и мощи выраженія невозможно найти ему равнаго. Онъ не русскій, а гражданинъ міра, его ученіе имѣетъ универсальное значеніе. Всѣ давно уже отказались считать его иностранцемъ и чтутъ въ немъ друга и брата. Его произведенія достигаютъ величайшихъ высотъ и глубинъ человѣческаго опыта. Его душа, подобно звѣздѣ, не любитъ жить въ одиночествѣ. Простыя, обыкновенныя души тѣснятся къ ней, чтобы позаимствоваться ея блескомъ. Нравственная чистота и геніальность неразрывно соединились въ Толстомъ. Его богатый опытъ и широкій умъ, вѣчно жаждущій правды, даютъ вѣсъ мнѣніямъ и взглядамъ, совершенно непріемлемымъ для міра, погруженнаго въ матеріальные ин-

тересы. Какъ абстрактныя отвлеченія, они высоко замѣчательны, но какъ живое евангеліе, они неисполнимы, невозможны. Таковъ, впрочемъ, удѣлъ человѣчества, страстно поклоняющагося сошедшимъ со сцены пророкамъ и реформаторамъ и остающагося глухимъ къ призывамъ современниковъ. Господствующая религія и вѣрованія постоянно расходятся съ поступками людей и правительствъ всѣхъ націй. Принципы и жизнь находятся между собой въ неизмѣнномъ антагонизмѣ. Первыми обзаводятся напоказъ, для сомоуслажденія, отдавая всѣ силы практической жизни, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Недаромъ Эмерсонъ обращался къ своимъ землякамъ съ такимъ нравоученіемъ:

«Оправдывайте вашу вѣру дѣлами
«И не говорите лживымъ языкомъ».

Толпа не любитъ сознаваться въ противорѣчіяхъ и непослѣдовательностяхъ; вѣчно лелѣя неосуществимые идеалы, она, въ сущности, смотритъ на нихъ, какъ на бутафорію, необходимую для самовосхваленія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ Іисусъ громко прославляется въ церквахъ, призывъ серьезно примѣнить Его ученіе къ жизни разсматривался бы, какъ нѣчто эксцентричное, нелѣпое и безжизненное. Нравственныхъ исканій не чувствуется въ странѣ, гдѣ съ такимъ легкимъ сердцемъ переходятъ въ погонѣ за презрѣннымъ металломъ или военной службой. Практичный

янки въ большинствѣ случаевъ считаетъ Толстого мечтателемъ, грезящимъ о несбыточныхъ вещахъ.

Тѣмъ не менѣе, его вліяніе на нашъ невѣрующій міръ необъятно и непостижимо. Великихъ идеалистовъ чтятъ обыкновенно послѣ смерти. Такъ, напримѣръ, Гаррисонъ при жизни считался лишь за опаснаго фанатика, а Эмерсонъ имѣлъ немногочисленныхъ служителей, иногда весьма превратно понимавшихъ назначеніе человѣка. Теперь память ихъ благоговѣйно чтится, какъ водится. Что касается Толстого, то всеобщее признаніе его моралистомъ par excellence, достойнымъ стать на ряду съ величайшими образцами нравственности, надолго предупредило его смерть. Вліяніе его ученія и личнаго примѣра очевидно для современниковъ.

Призывъ къ непротивленію Гаррисона былъ не менѣе глубокъ и всеобъемлющъ, чѣмъ таковой же Толстого, но благородное признаніе послѣднимъ американскаго реформатора, могущественно оживившаго непопулярную доктрину, въ свою очередь дало мощный толчокъ дѣлу міра — лучшее подтвержденіе афоризма Теодора Паркера: «требуйте величія, чтобы видѣть величіе».

И американцы должны быть въ особенности благодарны Толстому за его пропаганду и популяризацію ученія Генри Джорджа о правѣ человѣка пользоваться землею. Выше всего ставя справедливость, онъ отказывается видѣть соціальное возрожденіе въ перемѣнѣ формъ правленія.

Родившійся въ семьѣ и вѣрѣ американца-непротивленца, обновленный появленіемъ «Прогресса и бѣдности», я считаю за честь принести дань благодарности благородному старцу.

William Garrison.

Бостонъ, 15 іюня
1908 г.

П. П. Гнѣдичъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Зимній вечеръ. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ ярко освѣщаетъ маленькую книжку, напечатанную сбитымъ шрифтомъ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Я сижу, прижавшись въ уголъ дивана. Мать, опершись локтями о столъ, читаетъ книгу. Мои раскрытые глаза смотрятъ въ темный уголъ. На его сѣровато-дымчатомъ фонѣ выступаютъ и движутся тѣни фантасмагоріи. Вотъ ермолка съ кисточкой Карла Иваныча, вотъ его мухоловка, вотъ образокъ угодника, что качается надъ постелью, вотъ лягавая собака и самъ вихрастый Николенька. Я вижу, какъ Николенька гарцуетъ по двору, и только страннымъ мнѣ кажется одно. Почему егерь предупредилъ его, что онъ отдавитъ лапы собакамъ, когда это замѣчаніе сдѣлалъ не ему, а именно мнѣ, и совсѣмъ не егерь, а кучеръ Яковъ?

Неточности автора въ лѣтописи деревенской эпопеи все больше меня задѣваютъ за живое.

— Мама, да вѣдь юродиваго зовутъ не Гришей, а Ѳедей? Чего жъ онъ путаетъ?

Мать смѣется.

— Это, милый, нашего странничка зовутъ Ѳедей, а тутъ про другого написано. Ты путаешь, а не онъ...

Отвѣтъ этотъ меня мало удовлетворяетъ. — Когда тарантасъ ѣдетъ по краю обрыва и лакей идетъ сбоку, думая, что онъ можетъ поддержать, если экипажъ завалится. — Я жду съ нетерпѣніемъ описанія, какъ, спустившись къ рѣкѣ, тарантасъ станетъ на плотъ и какъ мама будетъ кричать, чтобы непремѣнно сзади заложили перила палкою на случай, если — Боже сохрани — лошадь попятится. Но, къ крайнему изумленію, никакой переправы въ книгѣ нѣтъ.

— А гдѣ же поромъ? — спрашиваю я съ негодованіемъ мать.

— Какой поромъ? — удивляется она.

— Да вѣдь у Крутого спуска за Вознесенскомъ — сейчасъ поромъ.

— Да что ты все путаешь? Это у насъ во Владимірской губерніи, а это въ Тульской.

Я хмурюсь, еще глубже забиваюсь въ уголъ, и прочитанные образы такъ тѣсно начинаютъ сплетаться с личными впечатлѣніями дѣтства, что, по пріѣздѣ лѣтомъ въ деревню, я путаю даже имена собакъ и Дудку называю Милкою...

II.

Разгаръ турецкой войны. Я студентъ. Внезапно среди лѣта въ городскую думу Петербурга созываютъ всѣхъ прошлой зимой освобожденныхъ отъ воинской повинности — даже единственныхъ сыновей. Потомъ, оказалось, что это ошибка — но гораздо позднѣе, — а пока мы всѣ однолѣтки, толпились въ душныхъ залахъ. Много знакомыхъ, товарищей по гимназіи, студентовъ. Многіе «зубрятъ» къ осеннимъ экзаменамъ. У одного инженера огромныя записки по физикѣ, медикъ сидитъ за «груберштикой», у меня тоже какіе-то литографированные листы. Вижу, на окнѣ сидитъ, заткнувъ уши, Х., и совсѣмъ, какъ въ классѣ когда-то, «вникаетъ въ растрепанную книгу». Я наклоняюсь къ нему.

— Что это у тебя?

Онъ отрываетъ отъ книги глаза и смотритъ на меня, ничего не видя, не соображая.

Я заглядываю. — Да это «Русскій Вѣстникъ».

— Да... «Анну Каренину» читаю. Чортъ, — возьмутъ, пожалуй, въ казармы, — не дочитаешь...

И онъ опять утыкается въ книгу.

III.

Первые литературные шаги. Я сижу не безъ благоговѣнія передъ редакторомъ, который съ добродушной улыбкой, но поучительно говоритъ:

— Краткость и сжатость, почтенный другъ мой, — первое дѣло — сжатость. Смотрите «Тамань», перечитайте «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ»—страницу похоронъ Пульхеріи Ивановны... Прочтите сцену Михалевича съ Лаврецкимъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» — вся длинная ночь на одной страницѣ. Да, наконецъ, возьмите Толстого, Льва Толстого... Возьмите «Три смерти», возьмите Стиву Облонскаго: одинъ штрихъ, другой — и ясный, огромный образъ... Не подражайте — сохрани Богъ — но изучайте, изучайте...

IV.

Первый разъ я подъѣзжаю къ горамъ. Поѣздъ несется по ароматной, курящейся фиміамомъ цвѣтовъ степи. Орелъ паритъ въ вышинѣ, верблюдъ тихо переступаетъ узловатыми ногами. Вдали, въ опаловой и колыхающейся дымкѣ, волшебнымъ заревомъ возстаютъ голубые гиганты, — прозрачныя, какъ сказочныя, стеклянныя облака...

— Горы показались, — говоритъ кондукторъ.

— Такъ это горы?..

У меня на колѣняхъ лежитъ «Давидъ Копперфильдъ». Я весь захваченъ геніемъ автора. Какой-то новый міръ подъ новымъ угломъ зрѣнія открывается предо мной. Но начинаютъ спорить два чувства: читать и смотрѣть на горы. Каждый разъ, разрѣзая листъ, невольно взглядываешь въ окно, напоминая себѣ:

— А горы?

Память начинаетъ вызывать какое-то неясное воспоминаніе.

Я вижу горы въ первый разъ, а между тѣмъ ощущеніе отъ нихъ какъ-будто не новое. Какъ-будто давно когда-то ужъ это было: и я такъ же ѣхалъ, и такъ же ихъ цѣпь призывно звала меня къ себѣ, и о чемъ бы ни думалъ я, все въ концѣ-концовъ сводилось на одно:

— А горы?

И вдругъ въ минуту наибольшаго напряженія мысли сразу вспоминаю:

— Да вѣдь это у Толстого, въ его кавказскихъ очеркахъ.

V.

Іюльскій день. Съ высотъ кавказскихъ горъ, изъ прохладныхъ долинъ Малки меня осторожно спускаетъ въ долину Подумка рослая кабардинская кобыла. Въ теченіе послѣднихъ тридцати шести часовъ я сдѣлалъ на ней сто двадцать верстъ.

Задняя лука азіатскаго сѣдла въ кровь растерла мнѣ поясницу. Ноги занѣмѣли отъ шестичасоваго сидѣнія въ сѣдлѣ. Съ каждымъ поворотомъ все душнѣе и жарче. Лошадь вся въ крови отъ мухъ: кусая ихъ, она зубами рветъ свою шкуру. Я употребляю послѣднія усилія и хочу пустить лошадь вскачь, но въ это время подъѣзжаетъ ко мнѣ измученный мой спутникъ.

— Помните, — говоритъ онъ, — какъ у Толстого въ его разсказѣ «Набѣгъ»...

VI.

Время идетъ.

Засѣданіе Русскаго Литературнаго общества. Вотъ за столомъ вѣчная характерная фигура Григоровича, подстриженнаго «подъ Тургенева»; вотъ монументальный Полонскій съ своими костылями; вотъ Майковъ съ черными, какъ вишенки, глазами и четыреугольнымъ лбомъ; вотъ выхоленная фигура Урусова; вотъ щетинистая голова Спасовича; вотъ ширококостный Плещеевъ; вотъ Горбуновъ... Все это теперь уже достояніе могилы...

Читаютъ по корректурнымъ листамъ «Плоды просвѣщенія». Читаетъ актеръ Свободинъ — тоже покойный. Взрывы хохота, на которые такъ скупы братья-писатели. Удивленіе, восхищеніе...

— Откуда такое знаніе сцены?

— А откуда оно было у Грибоѣдова и Гоголя?

— На трехъ китахъ покоится наша литература, — говоритъ Григоровичъ, весь загораясь, по обыкновенію: — на Пушкинѣ, Гоголѣ и Львѣ Толстомъ...

Шумъ, споры... Методическая рѣчь Спасовича не помогаетъ дѣлу:

— Если не было регулъ у Пушкина, то нѣтъ ихъ и у Толстого, — говорилъ онъ. — Не даромъ критики его обвиняютъ...

— Что такое критика! — совсѣмъ уже пылая, кричитъ Григоровичъ. — Пушкинъ не даромъ сказалъ, что наша критика напоминаетъ ему пересуды дворни о барахъ въ лакейской. Если бы моя власть, я бы всѣмъ критикамъ Толстого предписалъ являться по воскресеньямъ послѣ обѣдни въ его домъ, въ Хамовникахъ,— и цѣловать лапу у собаки его дворника....

Раздается нѣсколько восклицаній. Одинъ критикъ вскрикиваетъ:

— Парадоксально и малодоказательно.

— Вы хотите, чтобы я взялъ назадъ слова? — кричитъ Григоровичъ, — беру! Я заявилъ, что они достойны цѣловать лапу собаки дворника Толстого... Нѣтъ, имъ можно только дозволить цѣловать слѣдъ блохи отъ дворницкой собаки Толстого.

Шумный хохотъ.

VII.

Время идетъ. Вотъ и столѣтній юбилей Пушкина.

Вздумали литераторы издать «Пушкинскій сборникъ». Избраны были три редактора: Случевскій, Мордовцевъ (тоже оба въ могилѣ) и я.

— Поѣзжайте къ Толстому — просите, чтобъ далъ онъ что-нибудь, — говорятъ они мнѣ.

— Не дастъ, — говорю я.

— Просите.

И вотъ я въ Хамовникахъ — въ маленькомъ деревянномъ домѣ — этой Меккѣ всего литературнаго міра.

Раздаются быстрые молодые шаги. Вотъ и онъ — но не тотъ гигантъ, какимъ почему-то его изображаютъ на всѣхъ портретахъ, а мускулистый средняго роста старикъ, съ нависшими бровями и характернымъ крутымъ затылкомъ, что — по мнѣнію нянекъ — служитъ признакомъ упрямства. Глаза проницательны, ласковы — не то грустны, не то насмѣшливы.

— Нѣтъ, ужъ вы меня избавьте отъ участія въ юбилеѣ, — мягко говоритъ онъ. — Что Пушкинъ былъ для насъ великимъ поэтомъ, — это такъ, — но устраивать юбилейныя празднества все-таки...

Онъ на секунду запнулся. Мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ сказать — «глупо», но не сказалъ, а проговорилъ:

— Все-таки незачѣмъ...

И разговоръ перешелъ на духоборовъ.

VIII.

До нашего революціоннаго движенія, бывало, стоитъ кому-нибудь изъ знакомыхъ узнать, что ѣдешь за границу, какъ начинаются просьбы:

— Есть большое изданіе «Воскресенья» въ двухъ томахъ съ рисунками. Вы будете въ Лондонѣ, — проѣзжайте въ Эссексъ и возьмите для меня изъ склада.

Другой говоритъ:

— Будь другъ, въ «Улицѣ Ришелье» есть книжный магазинъ, — тамъ, я знаю, есть книга Толстого...

Третій поправляетъ:

— Да нѣтъ. Теперь есть магазинчикъ въ переулкѣ: или сзади «Портъ Мартенъ», или сзади «Сенъ-Дени», — тамъ есть Толстой.

— Ужъ закрытъ. А вотъ если будешь въ Ниццѣ...

IX.

Въ концѣ 1900 года былъ я въ Москвѣ. Возвращаюсь вечеромъ въ гостиницу, ждетъ меня Чеховъ. Начинаются безконечные разговоры — сперва въ общей залѣ «Базара», потомъ наверху, въ номерѣ.

«Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло».

— Вы гдѣ были сегодня?

— У Льва Николаевича, — отвѣчаю.

Вдругъ лицо Антона Павловича распускается въ свѣтлую, добродушную улыбку.

— Вы знаете, онъ не любитъ моихъ пьесъ, — увѣряетъ, что я не драматургъ! Только одно утѣшеніе у меня и есть... — прибавляетъ онъ.

— Какое?

— Онъ мнѣ разъ сказалъ: «Вы знаете, я терпѣть не могу Шекспира, — но ваши пьесы еще хуже. Шекспиръ все-таки хватаетъ читателя за шиворотъ и ведетъ его къ извѣстной цѣли, не позволяя свернуть въ сторону. А куда съ вашими героями дойдешь? Съ дивана, гдѣ они лежатъ, — до чулана и обратно?»

И сдержанный, спокойный Антонъ Павловичъ отки-

дываетъ назадъ голову и смѣется такъ, что пенснэ падаетъ съ его носа...

— И вѣдь это искренно у Льва Николаевича, — продолжаетъ онъ. — Былъ онъ боленъ — я сидѣлъ рядомъ съ его постелью. Потомъ сталъ прощаться; онъ взялъ меня за руку, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и говоритъ: — «Вы хорошій, Антонъ Павловичъ!» А потомъ улыбнулся, выпустилъ руку и прибавилъ: «а пьесы ваши все-таки плохія»...

X.

Годъ назадъ пріѣзжаю въ Парижъ. Спрашиваю у мѣстнаго театрала, — что бы посмотрѣть въ театрахъ.

— О, посмотрите пьесу знаменитаго русскаго автора Льва Толстого «Anna Karénine». Это великолѣпно. Она кидается подъ паровозъ, и клубы дыма заволакиваютъ всю сцену. Такой грохотъ отъ поѣзда, что вамъ кажется, будто вы сами подъ нимъ лежите. Вашъ Толстой — огромный талантъ!

И я увидѣлъ въ театрѣ на Севастопольскомъ бульварѣ Левина въ поддевкѣ и ямщицкой шляпѣ съ павлиньими перьями; лицо у него было щучье, и бѣлокурыя завитыя патлы лежали на плечахъ. Я увидѣлъ огромный никелированный самоваръ въ гостиной Облонскихъ, образъ Христа, повѣшенный надъ дверью, и нѣсколько декадентскихъ картинъ, изображающихъ снѣжныя равнины Сибири и украшавшихъ ту же гостиную. Въ послѣднемъ актѣ очень хорошъ былъ ни-

дійскій городъ съ пагодами, мавзолеями и минаретами, отраженный въ какомъ-то озерѣ.

— Voilâ Moskva!

И когда я выходилъ изъ театра, послѣ того, какъ Анна была раздавлена и трижды вызвана, вокругъ говорили:

— Léon Tolstoi c'est un vrai talent.

П. Гнѣдичъ.

Парижъ.
1908 г. 18 (31) марта.

Ю. Веселовскій.

БЕСѢДА СЪ ТОЛСТЫМЪ.

Зимою 189$^3/_4$ г. мнѣ удалось впервые увидѣться и бесѣдовать съ Л. Н. Толстымъ, который жилъ тогда въ Москвѣ, у себя — въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ.

Внѣшнимъ поводомъ къ посѣщенію Толстого явился выходъ въ свѣтъ перваго тома сборника «Армянскіе беллетристы», изданнаго пишущимъ эти строки и г. Берберьяномъ (въ настоящее время — ректоръ армянской академіи въ Эчміадзинѣ и литераторъ), и желаніе поднести этотъ коллективный трудъ «великому писателю русской земли», произведенія котораго не разъ увлекали и вдохновляли армянскихъ писателей.

Въ моей памяти отчетливо сохранился и нашъ разговоръ, и различныя подробности обстановки: узкій, полутемный коридорчикъ, соединяющій рабочій кабинетъ Л. Н. съ остальной частью дома: низенькая, освѣщенная только одной свѣчей, комнатка, гдѣ въ этотъ вечеръ было очень холодно, относительно чего тотчасъ же Л. Н. предупредилъ насъ; налѣво отъ дверей письменный столъ, съ небольшимъ количествомъ

книгъ и рукописей, направо — нѣсколько стульевъ и кожаныхъ креселъ, маленькій круглый столъ, на которомъ находилась свѣча, одна раскрытая и цѣлая груда другихъ книгъ, затѣмъ кожаный диванъ, передъ которымъ стоялъ большой круглый столъ съ мраморной доской...

Не безъ волненія вошли мы съ г. Берберьяномъ (въ ту пору еще студенты послѣдняго курса) по этому коридорчику, въ концѣ котораго виднѣлась полуразтворенная дверь, въ комнату великаго писателя... Когда же у самаго порога мы увидали хорошо знакомую фигуру въ накинутомъ на плечи сѣромъ халатикѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась обычная темная блуза, а Л. Н., устремивъ на насъ выразительные глаза, произнесъ, что радъ насъ видѣть и проситъ сказать, о чемъ мы хотѣли поговорить съ нимъ, — наше смущеніе еще увеличилось...

Но черезъ нѣсколько времени разговоръ уже шелъ свободно.

Одинъ изъ первыхъ вопросовъ Толстого, — послѣ того, какъ онъ узналъ, что нашъ приходъ связанъ съ армянской литературой и армянскимъ вопросомъ, — былъ слѣдующій:

— А что, это... армянское общество... или кружокъ... все еще существуетъ? Какъ же оно теперь дѣйствуетъ?

Мы думали, что Л. Н. имѣетъ въ виду студенческо-армянское землячество, и поспѣшили познакомить его съ цѣлями и задачами этого землячества, указавъ на

то, что оно существуетъ исключительно для помощи нуждающимся товарищамъ.

— Я совсѣмъ не о томъ говорю, — возразилъ Л. Н., — мнѣ разсказывали о какихъ-то обществахъ или кружкахъ лицъ, которыя преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, патріотическія, національныя цѣли, думаютъ вести борьбу за освобожденіе турецкихъ армянъ.

Мы сказали, что, дѣйствительно, существуютъ такія организаціи, работающія надъ вопросомъ объ улучшеніи участи армянъ въ Турціи или даже о полномъ ихъ освобожденіи.

— Вотъ, вотъ, — сказалъ Л. Н., — меня очень интересуетъ этотъ вопросъ, — интересуетъ знать, какъ же они собираются освобождать своихъ братьевъ Арменіи...

— Въ иныхъ кругахъ теперь все болѣе распространяется убѣжденіе, что, въ виду безвыходнаго положенія турецкихъ армянъ, которыхъ безнаказанно угнетаютъ и ставятъ на положеніе вьючнаго животнаго, единственный выходъ и путь къ спасенію — это поголовное возстаніе. И при данныхъ условіяхъ нельзя даже удивляться тому, что подобная идея находитъ сторонниковъ...

— Ну, не говорите! — воскликнулъ Л. Н., все болѣе оживляясь и, видимо, готовясь возражать.

— Однако, вѣдь были же примѣры въ прошломъ... исторія неоднократно показываетъ намъ, — сказалъ одинъ изъ насъ.

— Вотъ въ этомъ-то и заключается всегдашняя, весь-

ма распространенная ошибка: въ дѣйствительности, исторія никогда не повторяется, объ этомъ нельзя даже серьезно говорить... Наконецъ, самое основаніе этой агитаціи — невѣрно и шатко. Всѣ эти группы воодушевлены патріотической идеей. Но вѣдь патріотизмъ въ наши дни является уже чѣмъ-то отжившимъ.

— Патріотизмъ въ данномъ случаѣ является только средствомъ для воодушевленія массъ. Но цѣлью является, конечно, освобожденіе и всестороннее развитіе народа. Кстати, позвольте, глубокоуважаемый Л. Н., поднести вамъ изданный нами въ этомъ году литературный сборникъ «Армянскіе беллетристы». При помощи него вы можете познакомиться съ современнымъ положеніемъ армянъ, съ ихъ запросами и нуждами.

И мы вручили Л. Н. экземпляръ перваго тома «Армянскихъ беллетристовъ».

— Это очень, очень пріятно и интересно, — сказалъ онъ, — непремѣнно познакомлюсь съ этими произведеніями, которыя мнѣ совсѣмъ неизвѣстны. Благодарю васъ; но скажите, всѣ вещи, которыя вошли въ эту объемистую книгу, проникнуты тѣми же патріотическими идеями, о которыхъ у насъ сейчасъ шла рѣчь?..

Слово «патріотическій» было произнесено Л. Н. съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи.

Одинъ изъ насъ отвѣтилъ:

— Въ большинствѣ произведеній, дѣйствительно,

отражаются эти идеи. Но есть и вещи чисто художественныя, бытовыя или психологическія. Подготовляется еще одинъ сборникъ изъ произведеній новѣйшихъ армянскихъ писателей, нѣкоторые изъ нихъ уже не воздѣлываютъ патріотическаго тенденціознаго жанра, а удѣляютъ вниманіе психолигическому анализу*).

— Вполнѣ ли вы безпристрастны? — вдругъ обратился Л. Н. къ г. М. Берберьяну. — Вѣдь очень трудно иногда бываетъ объективно судить о томъ, что близко и дорого... Не преувеличиваете ли вы значеніе этой литературы, не считаете ли нѣкоторыхъ писателей болѣе талантливыми и выдающимися, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ?..

— На этотъ счетъ вамъ можетъ дать разъясненія мой товарищъ, — сказалъ г. Берберьянъ, указывая на на меня. — Онъ, какъ русскій, можетъ судить объ армянской литературѣ вполнѣ безпристрастно.

— А, такъ вы занимаетесь армянскою словесностью? Что же вы скажете объ ея художественныхъ достоинствахъ и вообще объ ея значеніи?

Я сказалъ, что занимаюсь армянской литературой и очень интересуюсь ею и что хотя армянская литература, какъ болѣе молодая, не можетъ пока сравниваться съ другими литературами, имѣющими унаслѣдованныя традиціи и идеалы, но въ ней, безспорно, есть

---

*) Этотъ второй томъ, отпечатанный весною 1894 г., былъ задержанъ цензурнымъ комитетотъ, а затѣмъ уничтоженъ по постановленію министровъ.

интересныя произведенія не только въ идейномъ, но и въ художественномъ отношеніи.

— Здѣсь въ нашей книгѣ первое мѣсто отведено выдающемуся романисту Раффи, у котораго былъ несомнѣнный талантъ. Но, обрисовывая бѣдственное положеніе турецкихъ армянъ, онъ думаетъ, что только возстаніе можетъ ихъ спасти...

— Да полно! Такъ ли на самомъ дѣлѣ безвыходно положеніе турецкихъ армянъ, какъ это утверждаютъ? — спросилъ Л. Н. — Нѣтъ ли преувеличеній? Но, допустимъ даже, что все это и вѣрно. Но несомнѣнно, что въ этомъ угнетеніи принимаютъ участіе и сами армяне. Я хочу сказать, что сильные и состоятельные изъ нихъ притѣсняютъ своихъ же братьевъ не хуже турокъ или курдовъ... Тутъ дѣло совсѣмъ не въ національности. Вы говорите, что Раффи и нѣкоторые другіе писатели видятъ единственный исходъ для турецкихъ армянъ въ возстаніи? А что выйдетъ изъ такого возстанія? Улучшится ли положеніе народа? Вотъ вамъ яркій примѣръ — Болгарія. Одинъ мой знакомый, изучавшій этотъ вопросъ, говорилъ мнѣ, что въ пору турецкаго владычества Болгарія была даже счастливѣе, чѣмъ теперь, послѣ освобожденія; по крайней мѣрѣ, простому народу жилось гораздо лучше. Это фактъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься... Не забудьте также, что возстаніе болгаръ увѣнчалось успѣхомъ, благодаря чистой случайности; исходъ его легко могъ быть совершенно инымъ, какъ это и случалось нерѣдко.

Одинъ изъ насъ сказалъ:

— А что вы скажете о Греціи? Ея положеніе улучшилось послѣ паденія турецкаго ига и образованія самостоятельнаго государства?

— Не только Греція, но и Италія находятся теперь въ худшемъ положеніи, чѣмъ раньше, — возразилъ Л. Н. — Возьмите, напримѣръ, Италію. — Вѣдь тамъ самый настоящій декадансъ. Положеніе народа, поистинѣ, ужасное. Одно освобожденіе и достиженіе политической самостоятельности еще ничего не значитъ. Оно еще не дѣлаетъ народа счастливымъ и не устраняетъ ни гнета, ни эксплуатаціи. Освободись завтра Турецкая Арменія, — какое-нибудь другое правительство будетъ угнетать бѣдныхъ и слабыхъ. А какое это будетъ правительство — армянское, русское, французское, въ сущности — безразлично...

— Быть можетъ, вамъ будетъ интересно узнать, Л. Н., что среди армянъ есть теперь и другое теченіе, сторонники котораго уже не довольствуются однѣми политическими задачами, но стоятъ на экономической почвѣ, имѣя прежде всего въ виду интересы трудящагося класса на соціалъ-демократическихъ началахъ...

— Охъ, не говорите, — съ усмѣшкой, нѣсколько поморщившись, перебилъ Л. Н. — Безъ смѣха я не могу говорить объ этомъ.

— Но основная идея соціализма, казалось бы, не можетъ быть вамъ совершенно чуждою. Стоя на почвѣ равенства и братства людей...

— Позвольте, позвольте! Да гдѣ же равенство-то при соціалъ-демократическомъ строѣ? Какъ оно можетъ быть достигнуто? Вѣдь накопленныя меньшинствомъ богатства будетъ же кто-нибудь распредѣлять? И это, конечно, будетъ обыкновенный человѣкъ, съ извѣстными слабостями и недостатками. — Не ангеловъ же съ неба станутъ приглашать они для этого раздѣла? — Ну, а разъ всѣмъ этимъ будутъ распоряжаться тѣ или другіе люди, допустимъ, болѣе выдающіеся, чѣмъ другіе, то эти люди будутъ опять-таки господствовать. Такимъ образомъ, равенства снова не получится. Нѣтъ, не объ этомъ нужно думать и не къ возстанію слѣдуетъ призывать турецкихъ армянъ, — продолжалъ Толстой, все болѣе воодушевляясь и, видимо, стараясь убѣдить насъ въ справедливости своихъ словъ, — а нужно проповѣдовать имъ, и притѣснителямъ ихъ гуманныя, чисто-христіанскія идеи. Только это можетъ облегчить и улучшить положеніе народа. Вы, пожалуйста, не пугайтесь этихъ словъ. Подъ христіанствомъ я подразумѣваю не мистическое что-нибудь, а любовь одного человѣка къ другому, ихъ братскія, сердечныя отношенія. Вотъ если бы всю энергію патріотовъ, проповѣдующихъ борьбу за освобожденіе, направить по этому пути, это, по-моему, было бы гораздо лучше и полезнѣе, скажу болѣе: такъ именно необходимо поступать...

— Но вѣдь подобная проповѣдь гуманности возможна только при нормальныхъ условіяхъ жизни и сре-

ди болѣе или менѣе цивилизованныхъ людей, а не среди варваровъ, въ родѣ курдовъ...

— Позвольте, да развѣ курдъ — не человѣкъ? По-моему, онъ такой же человѣкъ, какъ и мы съ вами, и убивать его мы не имѣемъ никакого права. Почему вы думаете, что онъ не пойметъ этой христіанской проповѣди, не оцѣнитъ ея? Нѣтъ, вы увидите, онъ пойметъ ее, и даже гораздо лучше, чѣмъ какой-нибудь бюрократъ или, хотя бы, напримѣръ, оберъ-полицмейстеръ Власовскій. И я лично скорѣе взялся бы проповѣдовать милосердіе курду, чѣмъ Власовскому. Повторяю — армянскій патріотизмъ, какъ и всякій другой, — это язычество, съ которымъ нужно бороться всѣмъ мыслящимъ людямъ.

Черезъ нѣкоторое время разговоръ опять перешелъ на сборникъ «Армянскихъ беллетристовъ».

Л. Н. спросилъ:

— Тѣ вещи, которыя у васъ здѣсь переведены, написаны въ обыкновенномъ европейскомъ духѣ, или въ нихъ есть что-нибудь и чисто-восточное?

— Здѣсь есть и произведенія обще-европейскаго характера и оригинальныя вещи. Есть даже и переводы армянскихъ народныхъ сказокъ.

— Вотъ это очень любопытно. Пожалуй, интереснѣе всего остального... Кстати, чѣмъ вы занимаетесь?.. Спеціально тоже литературой? На какомъ вы факультетѣ? — обратился ко мнѣ Л. Н.

Я сказалъ.

— Прекрасно, — воскликнулъ Л. Н. — Богатая вещь

эта западная литература. Жаль только, что «vita brevis, ars longa». Сколько тамъ есть хорошаго, интереснаго, благотворно дѣйствующаго на душу, — всего и не перечитаешь, не хватитъ времени. Вотъ я теперь внимательно изучаю одного совсѣмъ неизвѣстнаго у насъ писателя, Аміеля. Дочь моя перевела его сочиненіе, посылаемъ въ «Сѣверный Вѣстникъ». А я думаю предпослать переводу статью объ Аміелѣ. Да только, къ сожалѣнію, мало очень свѣдѣній о немъ. Спасибо Н. И. Стороженко, онъ прислалъ мнѣ кое-что по этой части, — а то я не зналъ, какъ быть.

— Подъ вашей редаціей, Л. Н., вышла книжка разсказовъ Гюи де-Мопассана, — сказалъ М. Берберьянъ. — Выйдутъ и другіе томы?

— Да, еще нѣсколько... Видите ли, по моему мнѣнію, Мопассанъ послѣ Виктора Гюго — лучшій писатель новой эпохи. Я лично его очень люблю и ставлю выше всѣхъ его современниковъ. Я написалъ предисловіе къ изданію его сочиненій. Оно скоро выйдетъ въ свѣтъ. Тамъ я изложилъ вполнѣ свой взглядъ на его творчество и въ особенности его дарованіе.

— Простите, Л. Н., — но иныхъ нѣсколько удивляло, что ваше имя, такъ или иначе, было связано съ популяризаціей въ Россіи творчества Мопассана... Между тѣмъ, можно было бы думать, что вы едва ли отнесетесь сочувственно къ писателю съ такимъ направленіемъ и подборомъ темъ...

— Нужно установить правильную точку зрѣнія, — сказалъ Л. Н., — на Мопассана. О немъ многіе судятъ

невѣрно. Это не только замѣчательный талантъ, это— единственный писатель, который, наконецъ, понялъ и возсоздать всю отрицательную строну отношеній между женщиной и мужчиной. А это и значитъ истинное дарованіе. Вначалѣ онъ, дѣйствительно, ошибался и съ совершенно другой стороны смотрѣлъ на все это. Но потомъ онъ понялъ свою ошибку, какъ бы переродился. И никто съ такой мѣткостью и художественностью, какъ онъ, не изображалъ всѣ страданія, всѣ душевныя муки, порождаемыя низменными отношеніями къ женщинѣ. Помните, напримѣръ, тотъ разсказъ, гдѣ описывается, какъ одинъ матросъ встрѣтилъ въ извѣстномъ домѣ свою родную сестру? На сколько мыслей наводитъ эта вещь! Какой глубокій слѣдъ оставляетъ въ душѣ! Такіе разсказы ужъ, конечно, не могутъ пробудить въ читателѣ сочувствія или интереса къ разврату, въ какой бы омутъ ни приводилъ насъ авторъ... Въ Мопассанѣ были, однако, такія внутреннія противорѣчія, которыя должны были, рано или поздно, довести его до самоубійства. Съ какой горечью описываетъ онъ душевное одиночество и сиротство человѣка! Мрачное настроеніе, въ сущности, никогда не покидало его, и онъ не разъ изображалъ участь одинокаго, заброшеннаго, никому ненужнаго человѣка... Перечитайте непремѣнно Мопассана — и вы найдете у него много замѣчательнаго, высоко-поучительнаго, — сказалъ Л. Н. на прощаніе, увидавъ, что мы собираемся уходить.

Юрій Веселовскій.

В. Давыдовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АКТЕРА.

Въ концѣ 80-хъ годовъ минувшаго вѣка, живя въ Москвѣ, я получилъ приглашеніе отъ московскихъ студентовъ принять участіе въ устраиваемомъ ими концертѣ. Я согласился. Но мнѣ не хотѣлось читать на студенческомъ вечерѣ ничего избитаго и банальнаго. И моя мысль невольно остановилась на толстовской «Власти тьмы», которая ходила тогда по рукамъ и возбуждала всеобщій интересъ, но была еще подъ запретомъ для исполненія на сценѣ.

Мнѣ и засѣло въ голову: нельзя ли прочитать на студенческомъ вечерѣ какую-нибудь сцену изъ «Власти тьмы»?

Чтобы осуществить эту мысль, я и рѣшилъ поѣхать ко Льву Николаевичу, жившему тогда въ Москвѣ, въ Хамовническомъ переулкѣ. Я попросилъ у него разрѣшеніе на публичное исполненіе нѣкоторыхъ сценъ изъ «Власти тьмы» и какъ бы проэкзаменовать себя: такъ ли я выражаю въ своемъ чтеніи замыселъ автора, или не такъ.

Пріѣхалъ я къ обожаемому съ дѣтства писателю

съ большимъ душевнымъ волненіемъ и вошелъ въ его домъ прямо-таки съ трепетомъ.

Въ передней меня встрѣтилъ учтивый слуга и спросилъ: кто я и кого желаю видѣть. Я сказалъ.

Слуга куда-то ушелъ, и черезъ нѣкоторое время вышелъ ко мнѣ одинъ изъ сыновей Льва Николаевича въ юнкерской формѣ. Онъ тоже спросилъ меня, кто я и что мнѣ нужно, и, получивъ отвѣты, тоже ушелъ куда-то.

Черезъ минуту вышла жена Льва Николаевича, графиня Софья Андреевна, и подробно начала разспрашивать, съ какой цѣлью я пріѣхалъ. Я все объяснилъ ей, какъ могъ. Тогда она попросила меня къ графу.

Сколько помнится, я прошелъ черезъ залъ, потомъ по узкому коридору, изъ котораго по лѣстницѣ спустился внизъ, и очутился, наконецъ, въ своеобразномъ кабинетѣ великаго писателя. Кабинетъ выходилъ въ садъ. Дѣло было зимою, и за окнами бѣлѣлъ снѣгъ. Помню небольшую съ низкимъ потолкомъ комнату, болѣе чѣмъ скромно убранную, съ небольшимъ письменнымъ столомъ и широкимъ клеенчатымъ диваномъ. Левъ Николаевичъ сидѣлъ за столомъ въ темной блузѣ, спиною къ двери, и что-то писалъ. При моемъ входѣ онъ обернулся и привѣтливо встрѣтилъ меня.

Меня поразили черты его лица. Блестящіе, удивительно проницательные глаза, казалось, пронизывали насквозь и охватывали васъ всего внутренно и наружно... Чудилось, что отъ Л. Н. не скроешься въ своихъ прегрѣшеніяхъ, какъ отъ Саваоѳа.

Волнуясь и робѣя, я отрекомендовался. Л. Н. улыбнулся, и лицо его вдругъ какъ-то особенно просіяло, точно у ребенка. Именно такое милое лицо бываетъ у дѣтей, когда они послѣ слезъ вдругъ улыбнутся: словно сквозь тучку солнышко проглянетъ и оживитъ васъ.

— Очень радъ видѣть, — сказалъ Л. Н., протянулъ мнѣ руку и, выпуская ее, началъ поворачивать меня съ веселой улыбкой.

— Покажитесь-ка, какой вы революціонеръ?..

Слова эти относились къ тому, что я оставилъ Императорскую сцену и перешелъ въ театръ къ Коршу. Тогда объ этомъ не мало говорили, какъ о протестѣ съ моей стороны.

Меня поразила эта фраза. Думаю: Господи, когда же онъ успѣваетъ среди своихъ занятій интересоваться еще и нами, грѣшными, которые, въ сущности, для него ничего особеннаго не представляютъ! Между тѣмъ, онъ попросилъ меня сѣсть и спросилъ, чѣмъ можетъ служить мнѣ?

Я объяснилъ, въ чемъ дѣло, что пріѣхалъ просить у него разрѣшеніе на публичное чтеніе «Власти тьмы» и не согласится ли онъ позволить мнѣ прочитать въ его присутствіи нѣкоторыя сцены.

Въ началѣ я хотѣлъ прочитать разговоръ дѣвочки-Анютки съ Митричемъ и просить Л. Н. сдѣлать мнѣ указанія, если я прочту что не такъ.

Л. Н. охотно и мило согласился, устроилъ меня пе-

редъ диваномъ, поставилъ передо мною маленькій столъ, а самъ сѣлъ на диванъ, наискось противъ меня...

Началъ я читать, сильно волнуясь. Но затѣмъ овладѣлъ собою. И дѣло пошло, кажется, глаже...

Читаю я и слышу, что среди чтенія разговора Анютки съ Митричемъ — Л. Н. иногда какъ бы поддакивалъ мнѣ и произносилъ одобрительно: «Гм, гм!».

Но когда я началъ читать сцену съ Никитой (гдѣ онъ ужасается совершонному имъ) и случайно взглянулъ на Л. Н., то былъ потрясенъ увидѣннымъ: по его мнимо-суровому лицу катились слезы. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже всхлипнулъ.

Это меня страшно взволновало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и одушевило. Значитъ, я взялъ вѣрный тонъ, иначе мое чтеніе не произвело бы на Л. Н. впечатлѣнія.

Когда я кончилъ чтеніе, Л. Н., привѣтливый и растроганный, сказалъ:

— Хорошо... очень хорошо! Откуда вы такъ хорошо знаете тонъ русскаго крестьянина?

Я сказалъ, что очень люблю нашъ народъ и его пѣсни, которыя я изучалъ на мѣстахъ въ дружескомъ общеніи съ народомъ.

— Иногда, бывало, и чарку съ ними выпьешь... Изучалъ я русскую пѣсню и на посидѣлкахъ... Такимъ образомъ, я и познакомился съ языкомъ нашего народа, — сказалъ я.

— Да, — произнесъ Л. Н., — очень, очень, хорошо... Акимъ хорошъ... Матрена тоже. Но Анютка особенно. Она у васъ превосходна. Если бы актриса сыгра-

ла ее наполовину такъ, какъ вы ее читаете, — я былъ бы очень доволенъ.

Эти слова очень ободрили меня.

— А вотъ Митричъ, — сказалъ Л. Н., — онъ у васъ не тотъ... Не надо забывать, что Митричъ побывалъ въ солдатахъ и въ городахъ, и у него уже иная манера говорить и другое пониманіе жизни, нежели у деревенскихъ людей...

— Левъ Николаевичъ, не будете ли вы такъ добры, чтобы указать мнѣ, какъ надо читать Митрича, — попросилъ я.

Онъ взялъ книгу и началъ читать такъ просто, что даже не чувствовалось чтенія, а казалось, что говоритъ самъ Митричъ. Л. Н. сумѣлъ взять столь ясный тонъ, что мнѣ сразу стало понятно, въ чемъ именно дѣло, какъ надо читать Митрича и какая разница между нимъ, Акимомъ, Петромъ и другими. Я тутъ же сдѣлалъ отмѣтки, которыя храню до сихъ поръ, и былъ глубоко благодаренъ Льву Николаевичу за его указанія.

*
* *

Послѣ чтенія Л. Н. началъ разспрашивать меня о театрахъ и заявилъ, что онъ уже давно не посѣщаетъ зрѣлищъ.

Уѣхалъ я отъ него точно на крыльяхъ и отправился къ тогдашнему генералъ-губернатору кн. В. Долгорукому съ просьбой о разрѣшеніи прочитать публично двѣ сцены изъ «Власти тьмы».

На другой день я получилъ разрѣшеніе.

Это было первое публичное чтеніе «Власти тьмы», произведшее, насколько я могу судить, очень сильное впечталѣніе... даже прямо фуроръ.

Конечно, все это надо приписать великому произведенію, изобразившему съ необыкновенной простотой и выразительностью бытъ русскаго народа.

И я былъ счастливъ, что мнѣ первому пришлось выступить публично съ чтеніемъ «Власти тьмы».

* * *

Когда я снова поступилъ на Императорскую сцену въ Петербургѣ, на мою долю опять выпало счастье первому поставить на сценѣ «Власть тьмы» и «Плоды просвѣщенія».

«Власть тьмы» я ставилъ на домашней сценѣ у гг. Приселковыхъ. Играли здѣсь любители изъ высшаго петербургскаго общества.

«Плоды просвѣщенія» были поставлены въ Царскомъ Селѣ, въ придворномъ Китайскомъ театрѣ. (Театръ этотъ называется «Китайскимъ» потому, что онъ отдѣланъ въ китайскомъ вкусѣ: зеркалами, вѣерами, вензелями, колокольчиками и т. п.) Въ «Плодахъ просвѣщенія», какъ и во «Власти тьмы», участвовали представители высшаго общества, среди которыхъ было не мало очень талантливыхъ исполнителей. Особенно было трогательно, что всѣ они относились къ исполненію

толстовскихъ пьесъ самымъ добросовѣстнымъ и задушевнымъ образомъ.

Наиболѣе пришлось поработать имъ надъ «Властью тьмы», чтобы создать иллюзію русской народной жизни.

Въ «Плодахъ просвѣщенія» было, конечно, легче. Персонажи изъ этой пьесы были болѣе знакомы великосвѣтскимъ исполнителямъ. Но и такія роли, какъ кухарки, повара и мужиковъ нашли среди любителей талантливыхъ и очень интересныхъ исполнителей.

Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю постановку этихъ двухъ пьесъ, которыя, по отзывамъ компетентныхъ судей изъ артистическаго міра, прошли, въ общемъ, у любителей даже лучше, нежели впослѣдствіи на публичной сценѣ.

Великіе князья охотно посѣщали представленія «Власти тьмы», а на «Плодахъ просвѣщенія», въ Царскомъ театрѣ, присутствовалъ и покойный Александръ III.

Государь былъ необыкновенно доволенъ представленіемъ «Плодовъ просвѣщенія» и, выйдя къ любителямъ, горячо благодарилъ ихъ.

— Удивительно! — сказалъ онъ, — прямо не знаешь, играли ли это любители, или настоящіе артисты...

* * *

И вотъ теперь, когда весь міръ привѣтствуетъ Л. Н. Толстого, по поводу его 80-лѣтія, и я — маленькая крупица въ общемъ мірѣ — радуюсь и счастливъ, что

могу присоединить и мой голосъ и что на мою долю выпала честь подѣлиться съ читателями моими мимолетными впечатлѣніями о глубоко любимомъ писателѣ.

В. Давыдовъ.

Хр. Досевъ.
(Болгарія.)

ВБЛИЗИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ.

I.

Первый разъ я посѣтилъ Ясную Поляну лѣтомъ 1907 года. Теперь, когда я вспоминаю тотъ день, то будто въ груди снова радостно бьется взволнованное сердце, какъ тогда, когда мы съ С. Д. Н. вошли въ яснополянскій паркъ и приближались къ дому Льва Николаевича.

Я его узналъ издали. Бѣлая длинная борода. Бѣлая подпоясанная ремнемъ рубаха. Онъ сидѣлъ на террасѣ среди своихъ друзей. По всему было видно, что шелъ интимный разговоръ. Когда онъ замѣтилъ насъ, онъ всталъ, посмотрѣлъ на насъ, потомъ приложилъ руку къ глазамъ, чтобы лучше видѣть, и весело прокричалъ:

— А-а, Сергѣй Дмитричъ! А другой... незнакомый.

Мое радостное волненіе усилилось.

Только два-три шага, и я буду вблизи того, кто нѣсколько лѣтъ назадъ протянулъ мнѣ братскую руку,

чтобы вытянуть меня изъ сѣти заблужденій, державшихъ меня въ своей власти...

Мой спутникъ отрекомендовалъ меня. Онъ сказалъ, что я изъ Болгаріи, что я членъ земледѣльческой общины и соучастникъ литературнаго кружка «Возрожденіе», издающаго брошюры и мѣсячный журналъ, разрабатывающій вопросы христіанства.

Меня начали разспрашивать про нашу страну и народъ, про успѣхи нашей общины и про отношеніе болгарскаго общества къ ней.

Когда я отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, заговорилъ Левъ Николаевичъ...

— Я помню вашу страну, — сказалъ онъ, задумавшись... — Это было давно, очень давно... Тогда я былъ офицеромъ и долженъ былъ участвовать въ дѣйствіяхъ нашей арміи — въ то время только что началась Севастопольская война. Мы, послѣ долгихъ странствованій, попали на квартиру въ маленькомъ болгарскомъ городкѣ Силистріи. Первая ночь тамъ прошла чрезвычайно непріятно. И до сихъ поръ я помню громаднѣйшихъ вашихъ клоповъ, которые ѣли насъ всю ночь. Потомъ, помню, тоже ваши телѣги — четырехколесныя, безъ пружинъ, — такъ сильно трясутъ, что смѣшиваютъ всѣ кишки въ одну кучу... А городъ вашъ... Такіе высокіе, саженные, красивые люди... Никогда ихъ не забуду... До тѣхъ поръ я не встрѣчалъ такихъ людей...

Разговоръ перешелъ на другія темы и продолжался до поздней ночи.

II.

Мнѣ пришлось прожить близъ Ясной Поляны — въ деревнѣ «Ясенкахъ» — нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ это время вмѣстѣ со мною жило у В. Г. Черткова еще нѣсколько молодыхъ людей, — все славныя, добрыя, ищущія души.

Къ намъ въ Ясенки Л. Н. пріѣзжалъ почти что каждый день. Мы его ждали всегда послѣ обѣда, отъ 1 — 3 часовъ. Къ тому времени всѣ оставляли свои дѣла и поджидали дорогого гостя...

Вотъ и онъ, шагаетъ небольшими старческими шагами, или же покажется изъ-за сосѣдняго деревенскаго дома на своей любимой лошади. Вѣтеръ раздуваетъ его бѣлую бороду, точно играетъ ею.

И какъ только онъ, бывало, замѣтитъ насъ, добрая улыбка засвѣтится на его лицѣ:

— Здравствуйте!

Придетъ къ намъ, сядетъ, скажетъ нѣсколько ласковыхъ словъ, одному, другому, потомъ достанетъ изъ-подъ рубахи конвертъ и скажетъ:

— А я сегодня получилъ хорошее, интересное письмо; хотите — прочту?

И самъ онъ или кто-нибудь изъ насъ начинаетъ читать письмо. Эти письма были или отъ какого-нибудь изъ его почитателей, сообщающаго о той духовной работѣ, которая происходитъ въ немъ, и о томъ но-

вомъ, что открывается предъ его духовнымъ взоромъ; или отъ какого-нибудь сѣраго читателя, ищущаго настоящей вѣры; или отъ военнаго, мучающагося противорѣчіемъ своего положенія, и многія другія.

Бывали очень сильныя и полныя глубокаго содержанія письма, которыя радовали и трогали Льва Николаевича.

— Я,—говорилъ онъ,—иногда по конверту узнаю, которое изъ писемъ будетъ интересно. Если конвертъ написанъ большими красивыми буквами: «Его сіятельству графу Льву Николаевичу Толстому», то я ужъ знаю, что это будетъ по меньшей мѣрѣ безсодержательное письмо. Но если на конвертѣ написано мое имя неправильно и дрожащей рукою, въ родѣ того, что «Льву Миколаевичу Толстову», то я знаю, что это письмо будетъ интересно, и открываю его раньше другихъ. И зачастую мои ожиданія оправдываются.

Послѣ чтенія писемъ начинались бесѣды. Каждый день на новыя темы. Рѣчь Льва Николаевича всегда бывала интересна и содержательна. Часто онъ проводилъ съ нами долгіе часы, иногда до полночи, въ увлекательныхъ бесѣдахъ. И я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ чувствовалъ усталость или былъ вялъ въ своихъ бесѣдахъ. Его настроеніе было всегда бодрое и веселое, точно у юноши.

Разъ я заговорилъ съ нимъ о смерти.

— Бояться смерти, — сказалъ онъ, — нельзя. Она вѣдь не существуетъ. Но и желать ее тоже нехоро-

шо, какъ ропотъ противъ Бога. Мы должны съ радостью жить, пока есть жизнь, несмотря ни на что. Къ примѣру возьму себя. Что я — никуда негодный и никому ненужный старикъ, можетъ быть только мѣшающій жить другимъ. А все-таки я радуюсь своей жизни. Вездѣ я нахожу только радость. Проснешься утромъ — хорошо! Выйдешь въ паркъ или въ поле, и опять — радость. Встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь, поласкаешь лошадь, посмотришь на величественный дубъ, на мураву, на травку, вездѣ — радость. Даже и смерть постучитъ — и опять, кажется, будетъ радость.

Л. Н. улыбнулся.

— А кто знаетъ, можетъ быть тогда испугаюсь... хотя нѣтъ...

*
* *

Часто Л. Н. любилъ разсказывать намъ что-нибудь веселое, при чемъ и самъ заразительно смѣялся.

— Сегодня вечеромъ, — сказалъ онъ однажды съ заигравшей улыбкою, — мнѣ снилось, что я... забеременѣлъ и переживалъ все состояніе беременной женщины. Даже самый процессъ рожденія со всѣми его мученіями и радостью... Почему и какъ могло мнѣ это присниться — и самъ не понимаю...

И онъ заразительно смѣялся.

*
* *

Какъ-то заговорили о профессорахъ, о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ лишены вдохновенности и самобытности.

Л. Н. сказалъ серьезно:

— Видите, у профессоровъ бываетъ не мало знаній, но часто все эти знанія чужія. Вы въ нихъ найдете много мыслей, но это мысли другихъ, прежде жившихъ мудрецовъ — не профессоровъ. Все равно, какъ библіотека — въ ея шкапахъ много книгъ, много, быть можетъ, хорошихъ, замѣчательныхъ книгъ, но, несмотря на это, сама библіотека — вы вѣдь не станете это отрицать — не отличается нисколько по своей мудрости отъ всѣхъ остальныхъ домовъ. То же и одушевленныя хранилища древней мудрости — нѣкоторые профессора: у нихъ отсутствуетъ самое важное — нѣтъ личнаго, собственнаго знанія.

... Разъ въ присутствіи Л. Н. былъ затронутъ вопросъ о Генрихѣ Джорджѣ. Говорили о томъ, что ученіе Джорджа, указывающее путь соціальнаго переворота — отобраніемъ земли у землевладѣльцевъ и отдачи ее въ руки работающихъ на ней, при помощи единаго налога — противно духу христіанства; и что поэтому не дѣлаетъ ли Левъ Николаевичъ ошибки, рекомендуя его?..

— Мнѣ, — отвѣтилъ онъ на это, — Джорджъ дорогъ не потому, что онъ создалъ свою систему, не потому, что указалъ намъ этотъ путь, а только потому, что онъ больше, чѣмъ кто бы то ни было, разрушилъ предразсудокъ, что земля можетъ быть собственностью.

Укажите мнѣ человѣка, — закончилъ Л. Н., — который сдѣлалъ это лучше, и я оставлю Джорджа и пойду къ нему... — И въ голосѣ Л. Н. зазвучали слезы.

Можетъ показаться страннымъ, чтобы плакать отъ умиленія, восторга и радости, развивая какую-нибудь истину; но эта черта у Льва Николаевича — одно изъ замѣчательнѣйшихъ свойствъ его личности.

Какъ-то одинъ изъ поклонниковъ Льва Николаевича сказалъ ему, что многія изъ его сочиненій не производятъ того впечатлѣнія на народъ, какое они должны были бы производить по своему содержанію.

Л. Н. устремилъ глаза куда-то вдаль и задумался. Лицо его было грустно, сосредоточенно.

— Да,—вздохнулъ онъ.—Все, что я писалъ, писалъ для народа. И все, несмотря на это, выходило такъ, что его народъ не понималъ; и теперь, когда я, навѣрное, скоро уже больше не буду писать, меня не удовлетворяетъ ни одно мое произведеніе, исключая, быть можетъ, нѣкоторыхъ народныхъ разсказовъ... Недавно, — продолжалъ Левъ Николаевичъ, — ко мнѣ приходилъ крестьянинъ, учившійся сорокъ лѣтъ назадъ въ моей яснополянской школѣ. Онъ попросилъ у меня книгъ. Я далъ ему «Божеское и человѣческое». Когда онъ мнѣ вернулъ книжку, я попросилъ его разсказать мнѣ содержаніе. И онъ разсказалъ только то мѣсто, гдѣ Свѣтлогубъ, подымаясь на висѣлицу, спросилъ палача:

— А тебѣ... не жаль.... меня?..

Голосъ у Льва Николаевича задрожалъ. И онъ заплакалъ.

Потомъ, справившись съ своимъ чувствомъ, онъ какъ бы сконфуженно сказалъ:

— И тогда я подумалъ, что, быть можетъ, нужно только это мѣсто, что все остальное въ повѣсти, быть можетъ, не нужно, что его надо вычеркнуть совсѣмъ...

* * *

Однажды къ намъ, въ Ясенки, пришелъ молодой монахъ, бывшій передъ этимъ у Льва Николаевича. Мы окружили монаха, думая, что онъ, какъ ищущій правды человѣкъ, неудовлетворенный своимъ положеніемъ, приходилъ ко Льву Николаевичу за помощью, за совѣтомъ.

У него было доброе, симпатичное и даже красивое лицо. Длинные каштановые волосы красиво спускались по плечамъ. Маленькая бородка и усы придавали лицу какой-то особенный оттѣнокъ, какъ бы праведности.

Онъ заинтересовалъ насъ. Мы окружили его и начали разспрашивать, а когда узнали, что онъ прежде былъ народнымъ учителемъ, потомъ, разочаровавшись «мірской жизнью», пошелъ въ монастырь, — нашъ интересъ къ нему еще болѣе усилился.

Одинъ изъ насъ спросилъ:

— О чемъ вы бесѣдовали со Львомъ Николаевичемъ?

— Я его спросилъ, какъ нужно писать сочиненія...

Мнѣ хочется написать свои воспоминанія о монастырѣ, — отвѣтилъ монахъ.

Тѣнь разочарованія появилась на нашихъ лицахъ. Но разговоръ продолжался.

Одинъ изъ насъ спросилъ, чѣмъ занимаются монахи.

— Все ихъ дѣло въ молитвѣ и послушаніи.

— А кто же работаетъ?

— Нанимаютъ постороннихъ рабочихъ.

— Извините, — продолжалъ собесѣдникъ монаха съ неловкостью, — но мнѣ кажется, что всѣ лѣнтяи, въ такомъ случаѣ, пойдутъ въ монастыри: — вѣдь легче же молиться, чѣмъ работать... Правда?

— Нѣтъ, это неправда, — сказалъ, нѣсколько горячась, монахъ. — Жизнь монаховъ тяжелѣе жизни даже обыкновеннаго чернорабочаго. Неужели вы не знаете, что отъ постояннаго стоянія въ церкви, на холодномъ каменномъ полу, болѣютъ ноги и что монахи, благодаря этому, живутъ не долго?..

Въ это время пришелъ Левъ Николаевичъ съ новымъ и интереснымъ гостемъ — К. Малеваннымъ, основателемъ «малеванской секты».

— О чемъ вы говорили? — спросилъ Л. Н.

Мы разсказали.

— А я сегодня какъ разъ читалъ чудныя слова о молитвѣ въ «Кругѣ чтенія». Тамъ все хорошо сказано, главное, такъ убѣдительно, что нельзя, думаю, ничего возразить. Пожалуйста, — обратился онъ къ одно-

му изъ насъ, — принесите мнѣ «Кругъ чтенія», я прочту, если хотите...

И Л. Н. прочелъ исчерпывающую до дна сущность вопроса о молитвѣ мысль Канта, затѣмъ, послѣ короткой остановки, перешелъ на извѣстное мѣсто Евангелія:

«А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники» и т. д.

Читая это, Л. Н. пришелъ въ волненіе и не могъ дочитать до конца. Онъ закрылъ книгу и обратился къ монаху:

— Скажите пожалуйста, какъ можно послѣ всего этого доказывать что-нибудь другое!..

III.

Между Ясной Поляной и Ясенками находится небольшая, довольно красивая деревушка «Телятники». Отъ нея до Ясной не больше, какъ полторы версты. Тамъ, въ Телятникахъ, жилъ большой почитатель Толстого, извѣстный музыкантъ А. Б. Г. — Я его очень любилъ и чувствовалъ къ нему особое чувство душевной близости.

Г. бывалъ почти каждый день у Льва Николаевича и игралъ часто на рояли. Особенно любилъ и цѣнилъ его музыку самъ Л. Н.

— Ахъ, какъ это прекрасно, какъ прекрасно! — восклицалъ онъ.

Разъ Левъ Николаевичъ даже заплакалъ отъ умиленія...

Я бывалъ часто у А. Б. Г. Разъ тамъ засталъ меня Л. Н., ѣхавшій въ Ясенки.

— Левъ Николаевичъ, — попросилъ я, — хотите, я буду сопровождать васъ до Ясенокъ?

— Что жъ, хорошо, — улыбнулся онъ. — Только вы не поспѣете за лошадью.

— Нѣтъ, я буду бѣжать вмѣстѣ съ ней.

И мы отправились.

— Знаете, — нарушилъ молчаніе Л. Н., — сегодня утромъ я проснулся очень рано и лежа думалъ о «Кругѣ чтенія». (Въ это время, въ августѣ, Л. Н. работалъ надъ вторымъ изданіемъ своего замѣчательнаго труда «Кругъ чтенія»). И вдругъ неожиданно пришла мысль — написать не такъ, какъ раньше. Раньше каждый день не имѣлъ почти никакой прямой связи съ предыдущимъ. Теперь же я такъ расположу дни, чтобы каждый былъ связанъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ. И чтобы каждый день былъ посвященъ извѣстной основѣ моего міровоззрѣнія, а нѣсколько дней — я насчиталъ ихъ около 22-хъ — весь кругъ моего міросозерцанія. Такъ, кажется, будетъ цѣннѣе. Теперь я такъ увлеченъ этой работой и такъ она мнѣ кажется нужной, что теперь у меня только одно желаніе, одна просьба къ Богу, — чтобы онъ не отозвалъ меня раньше окончанія ея...

— Такое желаніе, — сказалъ я, — небольшой грѣхъ.

И мнѣ кажется, что «Кругъ чтенія» самая цѣнная ваша работа. Мы ее уже печатаемъ у насъ, въ Болгаріи.

И я разсказалъ Льву Николаевичу о переводчикѣ — молодомъ богатомъ человѣкѣ, бросившемъ семью, богатство, университетъ и, несмотря на свое хрупкое здоровье, работающемъ вмѣстѣ съ нами въ нашей общинѣ.

Этому юношѣ предстоялъ отказъ отъ военной службы. Но эта перспектива радовала его. Онъ считалъ радостью и счастьемъ тюрьму, видя въ этомъ необходимое условіе духовнаго роста.

— Я, — говорилъ онъ весело, — попрошу тогда «начальство» только объ одномъ: чтобы оно дозволило мнѣ взять съ собой «Кругъ чтенія», а потомъ... пусть оно продержитъ меня хоть тысячи лѣтъ въ своихъ тюрьмахъ.

Когда я разсказалъ это, Л. Н. нахмурилъ брови, и лицо его стало серьезно, даже печально.

— Какъ ни тяжело думать объ этихъ юношахъ, которые, подчиняясь голосу своей чистой души, а не желаніямъ начальства, подвергаются самымъ ужаснымъ испытаніямъ, — я все-таки склоненъ думать, что только въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ и растутъ и крѣпнутъ духовно эти милые юноши. Я знаю многихъ, которые говорятъ, что окрѣпли духовно и нашли свое настоящее благо именно въ такихъ положеніяхъ. Это, я увѣренъ, кажется непонятнымъ для многихъ. Но это такъ. Да... это именно такъ... Когда говорятъ про христіанство, про его положеніе въ жизни — всѣ думаютъ, что изъ

этого будутъ только одни страданія. «Кто тебя ударитъ по одной щекѣ, ты поверни къ нему другую». — «Не противься злому»—отъ этого могутъ быть только страданія. Такъ это кажется людямъ поверхностнымъ, не видящимъ глубокаго смысла этихъ словъ. Вѣдь въ этой заповѣди ключъ пониманія христіанства. Вѣдь въ нихъ, какъ въ медали, два лица: за страданіями — высшее благо... Но люди не знаютъ и не понимаютъ этого блага...

— Я васъ оставлю! — вдругъ крикнулъ Левъ Николаевичъ.

И лошадь понеслась.

Видимо, Л. Н. хотѣлъ скрыть свое волненіе, а, можетъ быть, и слезы...

IV.

Однажды за чаемъ у Льва Николаевича зашелъ разговоръ о спиритизмѣ.

— Я не понимаю, почему мы должны такъ самоувѣренно отрицать то, что не подлежитъ нашему прямому наблюденію, — началъ, горячась, одинъ изъ гостей, относящійся благосклонно къ спиритизму. — Вѣдь я думаю, вы не будете отрицать того, что существуетъ не только то, что мы знаемъ; нельзя же забывать, что мы познаемъ внѣшній міръ при помощи какихъ-то пяти жалкихъ аппаратовъ... Я увѣренъ, что существуетъ многое такое, чего мы не знаемъ и никогда, быть можетъ, не узнаемъ. Вы знаете, что движеніе эфира

мы воспринимаемъ, какъ звукъ, свѣтъ или тепло. Но мы еще знаемъ, что есть такія движенія его — больше или меньше опредѣленныхъ билліоновъ въ секунду, которыя мы не можемъ воспринять. А, несмотря на это, они все-таки существуютъ. Разъ, помню, я гулялъ въ лѣсу близъ «Засѣки» (ближайшая станція отъ «Ясной Поляны»). Вы знаете — большой, старинный лѣсъ. Тамъ есть громаднѣйшій, величавый дубъ. Я присѣлъ около его ствола, вынулъ изъ кармана Евангеліе и началъ читать. Слова Христа при этой обстановкѣ подѣйствовали на меня особенно сильно. Я закрылъ книгу и задумался. Потомъ совсѣмъ неожиданно пришла мнѣ въ голову странная мысль: «не знаетъ ли этотъ дубъ великія евангельскія слова?» Потомъ самъ я улыбнулся своему вопросу и сказалъ себѣ: «онъ не только не знаетъ этихъ словъ, но онъ, навѣрное, не знаетъ теперь и самого меня. Онъ живетъ, кто знаетъ, сколько уже столѣтій, вокругъ него кипитъ жизнь, сколько человѣческихъ поколѣній онъ встрѣчалъ въ жизни и провожалъ потомъ въ могилу; кто знаетъ, сколько людей, какъ я теперь, отдыхали и мечтали подъ его могучею тѣнью, и онъ не знаетъ всего этого». Не то же ли самое и мы относительно нѣкоторыхъ вопросовъ? И можемъ ли мы относиться отрицательно къ такому явленію, какъ спиритизмъ, пытающійся открыть намъ то, что мы не знаемъ?

Левъ Николаевичъ улыбнулся.

— Вы, конечно, правы, — сказалъ онъ. — Мы не такъ совершенны, чтобы знать все то, что внѣ насъ. Но

отъ этого, отъ того, что дубъ не знаетъ евангельскихъ истинъ, не слѣдуетъ еще то, что мы имѣемъ право предполагать самыя несообразныя, самыя невѣроятныя вещи и вѣрить въ ихъ возможность только потому, что мы не обладаемъ способностью провѣрить ихъ своими физическими аппаратами.

Я понимаю желаніе человѣка вѣрить въ свое безсмертіе. Это, мнѣ кажется, основное свойство человѣческой души... Одинъ, какъ это бываетъ часто у людей, изъ народа дѣлаетъ хорошее дѣло — садитъ фруктовыя деревья, плодовъ которыхъ, быть можетъ, не дождется — только изъ желанія увѣковѣчить себя: послѣ его смерти люди долго будутъ говорить про него. Другой хочетъ обезсмертить себя какимъ-нибудь подвигомъ или служеніемъ людямъ черезъ науку, искусство. Но все это такое безсмертіе, дни котораго сочтены. Вдругъ случится то, что погибнутъ всѣ тѣ, въ которыхъ ты перенесъ себя, или, скажемъ, упадетъ на землю комета и... конецъ всему и въ томъ числѣ и твоему безсмертію. Нѣтъ, въ человѣкѣ есть нѣчто гораздо болѣе безсмертное, нѣчто такое, чего не могутъ уничтожить никакія кометы. И это не предположеніе, это самое несомнѣнное наше знаніе... Но въ какой формѣ выльется эта наша безсмертность — будемъ ли мы и за смертью существовать, какъ личности, или же потеряемъ послѣ нея сразу свое личное сознаніе — все это неизвѣстно и не можетъ быть извѣстнымъ... Да оно и неинтересно... Спиритизмъ же увѣряетъ насъ, что это извѣстно, что это фактъ. И въ этомъ его ошибка.

Левъ Николаевичъ говорилъ съ одушевленіемъ, шагая взадъ и впередъ по большой гостиной и засунувъ руки за поясъ. Лицо его было серьезно; шаги твердые.

V.

— Знаете? — сказалъ однажды Л. Н., — сегодня я читалъ въ «Мысляхъ мудрыхъ людей» удивительную мысль Марка Аврелія! Хотите я вамъ ее прочту?

Онъ поспѣшно ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, взялъ тамъ книжку и началъ намъ читать изъ Марка Аврелія о прекрасномъ свойствѣ человѣка любить даже и тѣхъ, кто противъ него, потому что любовь вырастаетъ изъ разумѣнія, что всѣ мы братья и что только самъ человѣкъ можетъ повредить душѣ своей...

— Подумайте, — сказалъ Л. Н., весь оживляясь, — это писалъ римскій императоръ — язычникъ! Удивительно. И въ то же самое время вокругъ него, въ Римѣ же, жили тысячи христіанъ, исповѣдующихъ въ своей жизни ту же любовь и то же всепрощеніе, что и онъ. И онъ не зналъ этого. Мало того: онъ былъ убѣжденъ, что эти люди — его враги. И онъ давалъ свое согласіе на преслѣдованіе ихъ! Съ такими мыслями!.. Непонятно... Въ послѣднее время Маркъ Аврелій меня очень интересуетъ. Я читалъ его біографію въ энциклопедическомъ словарѣ, но тамъ не нашелъ того, что искалъ. Мнѣ хотѣлось узнать про его духовную

жизнь. Но тамъ разсказывается только о его внѣшней жизни...

И, помолчавши, Л. Н. добавилъ:

— Видите ли, въ Маркѣ Аврелiи я вижу себя и всѣхъ насъ, если хотите. Читая его мысли и зная его положенiе, мы не можемъ не удивляться, какая пропасть лежитъ между его сознанiемъ и его жизнью. И для многихъ онъ не болѣе, какъ лицемѣръ. Но я не думаю такъ... И мы сами часто не замѣчаемъ пропасти, лежащей между нашимъ сознанiемъ и нашей жизнью. А пройдутъ сотни, тысячи лѣтъ... И люди будутъ удивляться и не понимать, какъ могли мы, съ нашимъ сознанiемъ, дѣлать то, чѣмъ была наполнена наша жизнь!.. Точно такъ же, какъ мы теперь удивляемся тому, какъ могъ Маркъ Аврелiй, съ такимъ высокимъ сознанiемъ, дѣлать все то, что онъ дѣлалъ...

VI.

Въ день своего рожденiя, 28-го августа, Левъ Николаевичъ былъ особенно свѣтло настроенъ.

Онъ прiѣхалъ къ намъ, въ Ясенки, вмѣстѣ съ дочерью и внучкой. Все время шутилъ, смѣялся и, поглядывая на насъ своими впалыми, но ясными глазами, разсказывалъ намъ про свою прежнюю жизнь.

— Когда я былъ молодъ, — говорилъ онъ, — я думалъ: какой я буду, если доживу до 80-ти лѣтъ? И мнѣ казалось, что я буду непремѣнно беззубый, сгорбив-

шійся старикъ, достигшій, однако, всѣхъ знаній, доступныхъ человѣку. Теперь мнѣ 79 лѣтъ. А я чувствую, что истина только теперь еле-еле проясняется для меня. И это чувство чрезвычайно радостно. Значитъ, придется еще искать, еще находить, еще радоваться новому...

Въ тотъ же вечеръ, послѣ 6-ти часовъ, вся наша молодая компанія, «забастовщики», какъ насъ называли, и самъ Л. Н., отправились въ Ясную.

Въ гостиной были свѣтскіе знакомые, пріѣхавшіе въ Ясную по случаю праздника.

Чувствуя себя неловко среди нихъ, мы пошли въ рабочій кабинетъ Л. Н., куда скоро пришелъ и самъ хозяинъ и просидѣлъ съ нами часа два.

Когда Л. Н. вошелъ, мы читали письмо американской писательницы Люси Малори.

— Что вы читаете? — спросилъ ласково Л. Н.

Мы сказали.

— Да, это хорошее письмо. Я думаю, что Люси Малори одна изъ умнѣйшихъ женщинъ какъ нашего времени, такъ и прошлыхъ временъ. Въ каждомъ ея словѣ видна напряженная духовная жизнь. Вы знаете, какъ часто я пользовался ею въ моемъ «Кругѣ чтенія». И я могъ бы наполнить однѣми ея мыслями весь «Кругъ чтенія»...

Л. Н. сѣлъ, оглядывая насъ. Начался разговоръ.

— Раньше меня всегда смущали слова Евангелія, — сказалъ Л. Н.: — «Любите Бога и ближняго». Какого Бога? Личнаго? Но какъ же я могу любить Его?

Я Его не знаю. Но теперь эти слова мнѣ такъ понятны и ясны, что я удивляюсь: какъ могутъ люди ихъ не понимать и какъ самъ я могъ раньше не понимать ихъ? Люби Бога, но Бога не внѣ себя, а въ себѣ, въ другихъ людяхъ, въ животныхъ, во всемъ мірѣ. И когда любишь этого Бога, полюбишь и людей и все... Меня еще смущали и другія слова Евангелія: «Люби ненавидящихъ тебя». Но какъ я могу любить ненавидящаго, злого человѣка? Я не долженъ его любить, а долженъ его ненавидѣть, отвращаться отъ него. Отъ него, но не отъ того Бога, который въ немъ, во мнѣ, во всѣхъ, а отъ того «злого», «ненавидящаго», что находится въ немъ... Вы говорите, что въ васъ иногда бываютъ тяжелые моменты, что иногда передъ вами все темно — посмотришь назадъ и вспомнишь прошлое, и все гадко, отвратительно, ничего хорошаго, радостнаго; всмотришься впередъ, хочешь себѣ представить будущее — и опять все темно, нигдѣ нѣтъ свѣта, радости. Куда итти? И какъ-будто жизнь останавливается... Я знаю эти моменты, они очень важны, они загоняютъ насъ въ настоящее. Вы говорите: почему же мы должны подчиняться волѣ Бога? Я хочу никому и ничему не подчиняться. На что мнѣ этотъ Богъ? Я взбунтуюсь противъ него. Я хочу подчиняться только себѣ и себѣ одному. Для меня эти слова были всегда непонятны, смѣшны...

Конечно, мы должны подчиняться себѣ и никому больше. Но себѣ — не тому временному, низменному, что у насъ есть, но тому высшему, божественному,

что у насъ находится и проявляется. Мы должны подчиняться Богу въ себѣ. И намъ нечего возставать противъ самого себя. То, что люди называютъ «искрой Божіей», есть опредѣленная, не имѣюшая ни начала, ни конца — субстанція.

Эта «искра» одинаково есть, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ взросломъ, какъ въ дикарѣ, такъ и въ цивилизованномъ человѣкѣ. Но она проявляется черезъ насъ, черезъ наше тѣло. И потому она бываетъ засорена, затемнена и не можетъ проявляться вполнѣ. И вся наша обязанность къ этой «искрѣ» только въ томъ, чтобы отстранить все то, что мѣшаетъ ей разгораться. Для меня это представляется такъ: духовная жизнь есть потокъ свѣта. Человѣкъ — труба. Когда труба обращена къ свѣту, свѣтъ освѣщаетъ ее и проходитъ черезъ нее. Повернулась труба — и свѣтъ не виденъ... И труба темна...

Еще говорятъ: «человѣкъ носитъ въ себѣ Бога». Я чувствую, что тутъ неполное представленіе о Его сущности. Богъ находится во мнѣ, въ васъ, во всѣхъ людяхъ, въ животныхъ, въ растеніяхъ, въ камняхъ, во всемъ мірѣ, вездѣ и во всемъ. Какъ же мы можемъ сказать: у меня есть частица Бога. Неужели можно дѣлить на частицы Того Неограниченнаго, Безграничнаго, Непостижимаго, Кого мы чувствуемъ и признаемъ въ себѣ, какъ Бога?

И, помолчавъ немного, Л. Н. сказалъ:

— Постоянная напряженная и сосредоточенная духовная жизнь такъ же невозможна, какъ и физическая

Ночь необходима для того, чтобы день былъ дѣятельнѣе. Отдыхъ такъ же необходимъ для духа, какъ и для тѣла. Неужели мнѣ при моихъ 80 годахъ можно работать, не уставая? Мнѣ нуженъ отдыхъ. И я отдыхаю, гуляя, разговаривая. Мнѣ пріятно играть съ цѣпочкой часовъ или навертывать ее 28 разъ... Я рожденъ 28-го года, 28-го числа...

Наступило молчаніе. Мы обдумывали сказанное Львомъ Николаевичемъ. Онъ всталъ, привѣтливо улыбнулся намъ и сказалъ:

— Что бы вамъ показать? Хотите, я вамъ покажу портреты?

Онъ взялъ свѣчу и началъ подносить ее къ висѣвшимъ портретамъ своихъ любимыхъ писателей, друзей, родственниковъ.

— Знаете, кто это? — спросилъ онъ, указывая на портретъ, сдѣланный масляными красками *), какого-то симпатичнаго человѣка, видимо изъ народа. — Это Сютаевъ. Знаете вы о немъ?.. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Его нарисовалъ Рѣпинъ. Въ первый разъ я узналъ про него отъ Пругавина. И въ тотъ же день поѣхалъ къ нему въ деревню. Съ тѣхъ поръ и завязалась наша дружба.

— А кого вы, Л. Н., ставите выше: Сютаева или Малеваннаго? — спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Конечно, Сютаева! — воскликнулъ Л. Н. — У Малеваннаго много мистическаго. Сютаевъ былъ другого

*) Заброшенная копія Татьяны Львовны Толстой съ рѣпинскаго портрета, находящагося въ третьяковской галлереѣ.

закала. И міропониманіе Сютаева было глубже и чище. Этимъ я не хочу сказать, что у Малеваннаго нѣтъ духовной жизни; онъ — натура непосредственная и вся горящая духовнымъ пламенемъ. Но, повторяю: Сютаевъ былъ другой. Мнѣ очень хочется написать для «Круга чтенія» свои воспоминанія о немъ... Я до сихъ поръ помню, какъ насъ медленно везла его лошадь, которую онъ не хотѣлъ подгонять кнутомъ. Она еле-еле идетъ, а мы разговариваемъ братски, сердечно..

Была полночь, когда мы оставили Ясную Поляну и отправились домой. Стояла тихая и торжественная,— какъ наши думы, ночь... И мерцавшія звѣзды какъ-будто привѣтствовали насъ съ тѣмъ дорогимъ внутреннимъ пріобрѣтеніемъ, которое мы ощущали въ себѣ послѣ свиданія со Львомъ Николаевичемъ.

Хр. Досевъ.

Болгарія.
Бургасъ.

Проф. Маріанъ Здзѣховскій.
(Польша.)

ГОЛОСЪ ИЗЪ ПОЛЬШИ.

Первый разъ я читалъ «Войну и миръ», будучи ученикомъ VII класса гимназіи. Одинъ образъ особенно поразилъ мое воображеніе и, войдя въ душу, остался въ ней, неразрывно связавшись съ тѣми ея настроеніями и побужденіями, которыми я болѣе всего дорожу; это образъ раненнаго подъ Аустерлицемъ кн. Андрея Болконскаго, когда, лежа на полѣ сраженія и не видя того, что происходитъ вокругъ, онъ смотритъ въ небо, «неизмѣримо высокое небо съ тихо ползущими по немъ сѣрыми облаками», и чувствуетъ, «какъ все пусто, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба; ничего, ничего нѣтъ, кромѣ него...»

Прошло около 30 лѣтъ. И мнѣ кажется, что не было такого дня, въ который этотъ образъ не озарялъ бы хоть на минуту моей мысли и не зажигалъ въ душѣ стремленія къ лучшей жизни. Онъ сталъ для меня какъ бы молитвой, возносящей меня въ область надчувственнаго.

И я думаю, что то, что составляетъ сущность религіи: сознаніе ничтожности чувственной жизни въ

сравненіи съ тѣмъ, что происходитъ между душой человѣка и «этимъ высокимъ, безконечнымъ небомъ съ бѣгущими по немъ облаками», никогда не было выражено въ исторіи художественнаго творчества съ такой силой, какъ въ этомъ толстовскомъ образѣ. Онъ приковалъ меня къ личности великаго русскаго художника — и я сталъ съ тѣхъ поръ читать и изучать его съ тѣмъ болѣе захватывающимъ душу вниманіемъ, что религіозная проблема поглощала съ юныхъ лѣтъ мое сознаніе. Въ вызываемыхъ ею размышленіяхъ, сомнѣніяхъ, страданіяхъ и чаяніяхъ сосредоточивалась моя духовная жизнь — и я живо помню то нетерпѣніе, съ какимъ я ожидалъ январской книжки «Русской Мысли» 1883 года, въ которой должна была появиться «Исповѣдь» Л. Н. Толстого.

Я прочелъ ее жадно, но не нашелъ въ ней желаннаго удовлетворенія. Л. Н. Толстой смѣло устремлялся въ новый міръ, оставляя за собой развалины церковнаго христіанства, между тѣмъ какъ для меня понятія религіи и церкви были нераздѣлимы. Привязанность къ римско-католической вѣрѣ, къ ея обрядамъ и таинствамъ слишкомъ глубоко внѣдрилась въ мою душу, чтобы я былъ въ состояніи отъ нея отрѣшиться; я искалъ синтеза католицизма съ лучшими стремленіями вѣка; изъ польской романтической поэзіи и философіи я вынесъ мечту о всепобѣждающей силѣ христіанства, которая воспламенитъ Церковь и дастъ ей мощь вести человѣчество къ его завѣтнымъ цѣлямъ. Но это вовсе не ослабило моего влеченія къ Л. Н. Тол-

стому; каждое его новое произведеніе потрясало мою совѣсть; я въ немъ чтилъ учителя, котораго въ эпоху торжества матеріалистическаго эготеизма въ философіи и въ жизни Провидѣніе призвало для того, чтобы обнажить суету чувственности и безобразіе грѣха.

* * *

Въ 1895 г. мнѣ представилась возможность войти въ непосредственныя сношенія съ Л. Н. Толстымъ. Я написалъ очеркъ, въ которомъ, изложивъ ходъ польской политической мысли съ 1831 г., старался указать на ея глубоко христіанскую подкладку. Обнаруженное польскимъ патріотизмомъ стремленіе къ христіанской правдѣ служило лучшимъ доказательствомъ нашей готовности въ миру съ Россіей, нашего искренняго желанія братскихъ съ нею отношеній, съ условіемъ, что и въ ней созрѣетъ стремленіе къ политикѣ, согласной съ христіанскимъ идеаломъ. Моя статья появилась, благодаря посредничеству В. Д. Спасовича, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», но съ значительными пропусками, сдѣланными редакціей изъ-за цензурныхъ соображеній. Тогда я рѣшилъ напечатать статью въ ея неискаженномъ видѣ за границей, но, такъ какъ мое имя было слишкомъ мало извѣстно русскому читателю, то я позволилъ себѣ обратиться къ Л. Н. съ просьбой написать предисловіе.

Вскорѣ я получилъ обстоятельный отвѣтъ. Л. Н. безусловно осуждалъ всякій патріотизмъ, не признавая дѣлаемаго мною различія между грубымъ антихристіанскимъ, человѣконенавистническимъ патріотизмомъ

народовъ, стремящихся къ захватамъ и завоеваніямъ, и оборонительнымъ патріотизмомъ народовъ, состоящимъ въ защитѣ родной вѣры, языка, преданій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Л. Н. такъ же безпощадно обличалъ и всякія насилія, которыя совершаются людьми надъ вѣрою и языкомъ другихъ людей.

Особенно же обрадовало меня высказанное имъ сочувствіе тѣмъ христіанскимъ стремленіямъ нашихъ художниковъ и мыслителей, которыя я представилъ въ своемъ очеркѣ:

«Статья прекрасна, — писалъ Л. Н., — и я узналъ изъ нея много для себя новаго и радостнаго. Я зналъ про Мицкевича и Товянскаго. Но я приписывалъ ихъ религіозное настроеніе исключительно свойствамъ этихъ двухъ одиночныхъ людей. Изъ вашей же статьи я узналъ, что они были только родоначальниками вызваннаго патріотизмомъ, глубоко трогательнаго по своей возвышенности и искренности, истинно-христіанскаго движенія, продолжающагося до сихъ поръ».

Вскорѣ послѣ этого, благодаря указанію Льва Николаевича, ко мнѣ обратился одинъ изъ его друзей, И. М. Трегубовъ, съ просьбой доставлять ему свѣдѣнія о притѣсненіи, которому подвергается католицизмъ, для приготовляемой имъ книги о религіозныхъ гоненіяхъ. Вслѣдствіе этого между мной и имъ завязалась переписка, результатомъ которой была моя поѣздка въ Ясную Поляну въ концѣ лѣта 1896 года.

Мои соотечественники весьма рѣдко посѣщали Л. Н. Толстого. Тѣмъ неожиданнѣе была для меня встрѣча

въ Ясной Полянѣ съ графомъ Августомъ Цѣшковскимъ, сыномъ самаго выдающагося представителя польской религіозно-философской мысли въ романтическую эпоху. Благодаря его присутствію, бесѣды наши съ Л. Н. касались преимущественно предметовъ, близкихъ польскому сердцу. Глубоко проникнутый идеями своего отца, посвятившій распространенію ихъ всю свою жизнь, гр. Цѣшковскій сталъ намъ вечеромъ, за чайнымъ столомъ, излагать на прекрасномъ французскомъ языкѣ ученіе польскаго мыслителя. Обладая блестящимъ діалектическимъ и ораторскимъ талантомъ, онъ умѣлъ отлить свои мысли въ изящную художественную форму и передать ихъ съ одушевленіемъ, увлекшимъ слушающихъ. Но Льва Николаевича онъ не убѣдилъ: философская система Цѣшковскаго, построенная на діалектикѣ Гегеля, была чужда критическому реализму Л. Н. Толстого, сосредоточивающемуся на бичеваніи настоящаго зла и сознательно избѣгающему праздныхъ, съ его точки зрѣнія, мечтаній о будущемъ раѣ на землѣ.

Отъ польскихъ философовъ-романтиковъ разговоръ перешелъ на Сенкевича. Тутъ пріятной неожиданностью было для меня глубоко-симпатическое, едва ли не восторженное отношеніе Льва Николаевича къ психологическимъ романамъ Сенкевича. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это удивило меня. Сенкевичъ, несомнѣнно, проницательный психологъ, но Толстой — и также Достоевскій — еще проницательнѣе и глубже, — да и вообще въ литературѣ всего міра нѣтъ никого, кто бы выдержалъ

сравненіе съ ними на почвѣ знанія человѣческой души. На меня и на большинство моихъ соотечественниковъ Сенкевичъ дѣйствуетъ не столько тонкостью психологическаго анализа, сколько неистощимо богатой, яркой фантазіей, поэтическимъ чувствомъ природы и пламенной силой патріотизма. Его историческая трилогія стала для насъ, главнымъ образомъ для молодежи, школой, въ которой мы учимся любить и цѣнить свое прошлое. Между тѣмъ на эту сторону творчества Сенкевича, особенно на «Quo vadis», Л. Н. смотритъ съ безусловнымъ отрицаніемъ. Чѣмъ же объяснить то обаяніе, которое онъ испытывалъ, читая польскаго романиста? Я думаю: влеченіемъ сильной, смѣлой, суровой, стремительной натуры къ нѣжной, мечтательной женственности. Русскаго художника-мыслителя увлекла чарующая прелесть Сенкевича въ изображеніи женскихъ типовъ: образъ Анельки (въ романѣ «Безъ догмы») остался въ его памяти. «Какъ жаль, — говорилъ Л. Н., — что я такъ мало зналъ польское общество; оно, должно быть, такъ симпатично, судя по «Семьѣ Полонецкихъ» и «Безъ догмата».

И онъ сталъ вспоминать своихъ немногочисленныхъ казанскихъ университетскихъ товарищей поляковъ.

* * *

Я провелъ въ Ясной Полянѣ цѣлый день. Не могъ я не дорожить возможностью общенія съ великимъ человѣкомъ, но, не причисляя себя къ его прямымъ послѣ-

дователямъ, я не имѣлъ смѣлости безпокоить его своими письмами, своей личностью.

И лишь черезъ три года имѣлъ я случай опять ему напомнить о себѣ.

Это было въ 1899 году. Кружокъ ученыхъ и литераторовъ въ Краковѣ рѣшилъ устроить чествованіе 100-лѣтней годовщины Пушкина въ отвѣтъ на подобное чествованіе Мицкевича въ Петербургѣ. Но моментъ былъ крайне неудобный, положеніе наше, людей — желавшихъ поддержать нить дружескихъ отношеній съ лучшими представителями русскаго народа — было чрезвычайно трудное. Грубый націонализмъ торжествовалъ въ Россіи, и всякое проявленіе симпатіи къ русской литературѣ, къ лучшимъ людямъ Россіи, представлялось у насъ исходящимъ изъ низменныхъ соображеній рабскаго сервилизма. Во избѣжаніе этого я рѣшилъ дать пушкинскому празднику толстовской характеръ. Протестъ противъ существующей дѣйствительности во имя высшихъ требованій правды и справедливости составляетъ движущую силу русской литературы; этотъ протестъ получилъ самое сильное выраженіе въ творчествѣ Л. Н. Толстого; могучій толчокъ въ этомъ направленіи дала поэзія Пушкина; величайшій пѣвецъ Россіи углубилъ и прояснилъ художественную красоту своихъ творческихъ думъ «добрыми чувствами», которыя онъ «лирой пробуждалъ»... «въ жестокій вѣкъ» и «милость къ падшимъ призывалъ».

Такова была основная мысль предшествовавшей банкету лекціи о Пушкинѣ. Затѣмъ на банкетѣ былъ под-

нятъ бокалъ въ честь Толстого, «неутомимаго проповѣдника справедливости», и предложено отправить на его имя привѣтственную телеграмму. Подписали ее отъ имени собравшихся организаторы праздника, профессора Казимиръ Моравскій, Маріанъ Соколовскій и я.

Одновременно я сообщилъ Л. Н. Толстому въ письмѣ текстъ телеграммы. Черезъ нѣсколько времени я получилъ отъ Л. Н. слѣдующее письмо:

«Простите меня, пожалуйста, любезный Маріанъ Эдмундовичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на ваше пріятное письмо. — Телеграммы, которую вы выписали въ вашемъ письмѣ, я не получалъ, но т. к. вы выписали ее, то я все-таки испыталъ тѣ чувства благодарности и особенной радости духовнаго общенія, которыя я всегда испытывалъ въ сближеніи съ поляками. Сердечно благодарю васъ, и вы передайте мою благодарность Соколовскому и Моравскому. — Мои отношенія съ вами мнѣ очень памятны и оставили во мнѣ хорошія воспоминанія. Вашей статьей и разговорами вы помогли мнѣ сознательно сблизиться душевно съ поляками, — то, къ чему я всегда чувствовалъ несознательное влеченіе. Не отвѣчалъ я вамъ до сего, п. ч., во-первыхъ, съ годами все больше и больше становится дѣла, а во-вторыхъ, п. ч. былъ тяжело боленъ и только на-дняхъ поправился. Желаю вамъ всего хорошаго.

Левъ Толстой.

26 іюня 1899 г.

* * *

«Воскресеніе», которому я посвятилъ въ 1900 г. особый очеркъ, заставило меня еще разъ разобрать и обдумать мысли и чувства, которыя рождало въ душѣ моей ученіе Л. Н. Толстого.

«Какъ примирить, — спрашивалъ я себя, — съ одной стороны знаніе человѣческой природы, глубочайшій анализъ зла, къ которому она способна, — съ другой же — несокрушимую вѣру въ силу разума, силу, дѣлающую возможной и легкой побѣду надъ зломъ?» Это противорѣчіе у Толстого бросается въ глаза. Но подобную непослѣдовательность я видѣлъ и у Мицкевича.— И это наводило меня на мысль, не есть ли она неотъемлемое свойство генія, призваннаго толкнуть человѣчество на новые пути? Являясь отраженіемъ кипучихъ на днѣ души и необъятныхъ стремленій къ идеалу, она объясняетъ у Толстого его анархическое отношеніе къ существующему порядку. Но какъ бы ни поражалъ и ни безпокоилъ этотъ анархизмъ тѣхъ — къ числу ихъ принадлежу и я, — кому ясна неотдѣлимость зла отъ природы человѣка, выраженная Церковью въ ученіи о первородномъ грѣхѣ и заставляющая признать необходимость юридическихъ нормъ человѣческаго общежитія, все-таки нельзя не видѣть, что этотъ анархизмъ принимаетъ у Толстого совершенно особый обликъ, будучи просвѣтленъ красотой вѣры въ христіанскій идеалъ. Кто устами Нехлюдова въ «Воскресеніи» сказалъ, что «если можно признать что бы то ни было важнѣе чувства человѣколюбія, хоть на одинъ часъ и хоть въ какомъ-нибудь одномъ, исключительномъ слу-

чаѣ, то нѣтъ преступленія, которое нельзя бы было совершить надъ людьми, не считая себя виноватымъ»,— у кого это сознаніе стало паѳосомъ творчества, основой ученія, тотъ долженъ быть признанъ благодѣтелемъ человѣчества.

«Вмѣсто того, — писалъ я, имѣя въ виду полемику Вл. Соловьева, — чтобы заниматься тѣмъ, что насъ съ Толстымъ раздѣляетъ, лучше взглянуть на то, что насъ къ нему влечетъ, — преклониться передъ могуществомъ его ума, жаромъ чувства, искренностью воли, — вникнуть въ глубину того «крещенія огнемъ», черезъ которое онъ проходилъ въ своемъ исканіи правды, — почтить въ немъ богоизбраннаго мужа, наложившаго на грѣхъ неизгладимое клеймо отверженія. Тогда мы забудемъ о Толстомъ — врагѣ Церкви — и станетъ онъ предъ нами во всемъ величіи своего генія, какъ могучій союзникъ въ борьбѣ со зломъ и вѣстникъ «Воскресенія», въ которомъ «какъ востокъ далекъ отъ запада, такъ Богъ отдаляетъ отъ человѣка его грѣхъ», и «какъ орла обновляетъ его молодость».

Къ моей величайшей радости, такое именно отношеніе къ Толстому стало господствующимъ среди представителей движенія, зарождающагося нынѣ въ римско-католической Церкви. Какъ ни странно можетъ это показаться, но будущему изслѣдователю духовныхъ теченій нашей эпохи, несомнѣнно, придется включить въ область своихъ размышленій вліяніе философскихъ идей Толстого на католическую теологію.

Двадцать лѣтъ назадъ Л. Е. Оболенскій выразился,

что ученіе Толстого есть «удивительное явленіе духа, до того оригинальное, что ему не подыщешь названія, оригинальность его въ томъ, что это есть ученіе о безконечномъ, котораго нельзя назвать метафизикой, такъ какъ въ немъ сознательно отвергается возможность постигнуть безконечное и сверхчувственное разумомъ, но взамѣнъ этого предлагается познать безконечное опытомъ, жизнью, всѣмъ существомъ своимъ»...

Это вѣрно, въ этомъ состоитъ философское значеніе міровоззрѣнія Толстого, но теперь уже не пришлось бы Л. Е. Оболенскому называть его явленіемъ удивительнымъ, безпримѣрнымъ: теорія познанія жизнью вошла въ сущность католическаго движенія, которое называютъ модернизмомъ.

И несмотря на коренное различіе между ученіемъ Толстого и т. назыв. модернизмомъ, замѣчательно то, что послѣдователи этого направленія чувствуютъ большее влеченіе, больше интересуется Л. Н. Толстымъ, нежели личностью Вл. Соловьева и его философіей, хотя въ ней проводится идея возсоединенія Церквей.

Я знаю римско-католическихъ священниковъ итальянцевъ, видныхъ представителей модернистскаго движенія, которые ѣздили въ Ясную Поляну; знаю одного, котораго можно бы причислить даже къ пламеннымъ почитателямъ Толстого. Онъ тоже священникъ и итальянецъ; онъ не философъ, не теологъ, не публицистъ, даже не проповѣдникъ, но имя его поль-

зуется въ Италіи широкой извѣстностью; онъ дѣйствуетъ на людей ясностью своего идеализма, отражающаго чудную синеву итальянскаго неба. Идея Царства Божія перешла у него въ живое сознаніе, стала вдохновеніемъ жизни — и люди чувствуютъ въ немъ послѣдователя Христа—и въ этомъ тайна его обаянія. Я много лѣтъ сряду слышалъ о его восторженномъ отношеніи къ ученію Толстого, о томъ, что онъ началъ его послѣдовательно воплощать въ своей собственной жизни, но сошелся я съ нимъ въ первый разъ только осенью прошлаго года.

Я его посѣтилъ въ устроенной имъ на толстовскихъ началахъ съ помощью добрыхъ людей небольшой земледѣльческой колоніи. Онъ безплатно воспитываетъ двадцать мальчиковъ и учитъ ихъ садоводству. Въ завѣдываніи хозяйствомъ ему помогаютъ двѣ старушки, послѣдовательницы польскаго мистика, Андрея Товянскаго. Я отдохнулъ тамъ отъ житейской суеты въ атмосферѣ тишины, труда, молитвы и радости. Мы бесѣдовали о Толстомъ и о Товянскомъ. И мнѣ казалось, что оба они — Толстой, неумолимый отрицатель Церкви, и давно скончавшійся Товянскій, суровый критикъ ея недостатковъ — невидимо присутствовали тамъ, но не для борьбы, не для спора, а для того, чтобы подать руку помощи на пути къ совершенству, вѣрному служителю Церкви, вызывающему ихъ къ единству съ нею, такъ какъ съ нею будетъ Христосъ до конца вѣковъ. И видѣлъ я возможность единенія людей на тѣхъ духовныхъ высотахъ, на которыхъ пребывалъ раненый

князь Андрей Болконскій, когда смотрѣлъ въ безконечное голубое небо: «Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ него»... Въ сравненіи съ нимъ ничтожно все земное величіе, ничтоженъ великій Наполеонъ, ничтожны рѣчи и ученія, отвлекающія отъ «высокаго, справедливаго и добраго неба», — онѣ проходятъ какъ «жужжаніе мухи».

Prof. Marian Zdziechowski.

Краковъ. 3 мая 1908 г.

Наоши Като.
(Японія.)

ТОЛСТОЙ ВЪ ЯПОНІИ.

Вліяніе графа Толстого въ Японіи должно разсматриваться съ нѣсколькихъ сторонъ. Въ качествѣ переводчика на японскій языкъ его религіозныхъ книгъ: «Въ чемъ моя вѣра», «Исповѣдь», «Чѣмъ люди живы» и «Краткое Евангеліе», я чувствую себя въ правѣ сказать нѣсколько словъ о его вліяніи на религіозный міръ Японіи.

Когда въ 1902 и 1903 годахъ вышли въ Японіи переводы вышеназванныхъ книгъ, было интересно наблюдать, какъ религіозныя мысли Толстого проникали въ каждую извилину японскаго ума, подобно пороху, скрытому въ трещинахъ скалъ, которыя взрывались съ большой силой, потрясая до основанія всѣ существующіе теоріи и принципы. Это была почти революція. Не только христіане, которые достаточно прогрессивны, чтобы быть на уровнѣ современной мысли, пришли къ познанію страшной реальности истины, таящейся въ исповѣдуемой ими религіи, но даже буддисты нашли источникъ вдохновенія въ книгахъ графа Толстого.

Многое указываетъ, что обновленіе, обнаружившееся въ послѣдніе годы въ буддизмѣ, имѣетъ здѣсь свое начало, и если бы вліяніе Толстого ограничивалось религіознымъ міромъ Японіи, было бы слишкомъ много сказать, что его мысль потрясла духовный міръ Японіи до основанія. Но дѣло въ томъ, что его книги нашли самыхъ ревностныхъ читателей и послѣдователей среди молодого поколѣнія Японіи, стоявшаго внѣ религіи. Десяткамъ тысячъ молодыхъ японцевъ открылась религія Христа въ смѣломъ рельефѣ и простѣйшей формѣ, которые сознательно или безсознательно скрывались отъ ихъ взоровъ подъ оболочкой различныхъ догматовъ и суетныхъ условностей, и свѣтъ, брошенный графомъ Толстымъ на область разума, былъ подобенъ радію, проникающему столько слоевъ, сколько находится на его пути. Толстые панцыри, существующіе для охраны отъ заразы религіозныхъ эпидемій, оказались слишкомъ тонкими для яркаго свѣта разумѣнія. Благодаря этому свѣту, люди нашли свою собственную религію, исходящую изъ глубины души, а не привитую внѣшнимъ міромъ подъ именемъ церкви и догматовъ. «Религіозное сознаніе» — вотъ самыя популярныя слова вскорѣ послѣ появленія у насъ книгъ Толстого. До этого времени религія была чѣмъ-то внѣ нашего «я». Это было чѣмъ-то, чему учили, но что не переживалось. Христіанъ было много, но какъ мало среди нихъ дѣйствительно перерождалось къ новой духовной жизни, согласно проповѣди Великаго Учителя. Какъ волшебный ключъ, открывающій каждую потайную дверь,

Евангеліе, проповѣдуемое графомъ Толстымъ, подходило къ скважинамъ всѣхъ человѣческихъ сердецъ, открывая ихъ сознанію таящіяся сокровища, которыхъ нельзя промѣнять на внѣшній міръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было со мной, когда я въ первый разъ прочелъ «Исповѣдь» и, судя по дальнимъ откликамъ, которые слышались вокругъ меня, я нисколько не сомнѣваюсь, что подобное духовное возрожденіе происходило и съ другими.

Конечно, пробужденіе нашего «я» не есть всегда путь къ блаженству. Если ему не сопутствуетъ евангеліе спасенія, то сознающая себя жизнь подобна аду.

Въ этомъ заключается большая опасность. Тѣ, которые просто пробудились къ самосознанію, не найдя при этомъ религіознаго спасенія, стали жертвой ужасной борьбы раздвоеннаго «я». Нѣкоторые безцѣльно, ощупью бродили въ темнотѣ, пока не впали въ бездну отчаянія и наконецъ разрѣшили вопросъ самоубійствомъ, другіе пошли по пути къ индиферентизму и распущенности, съ цѣлью заглушить муки пробудившейся совѣсти, третьи заглушили свое сердце противъ зова высшаго голоса, что давало имъ возможность жить обыденной жизнью, согласно низкому уровню условной морали.

Несмотря на всѣ эти неудачи, какъ онѣ ни печальны, есть много японцевъ, жизнь которыхъ совершенно обновилась религіознымъ пробужденіемъ подъ вліяніемъ графа Толстого. Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ. Близъ Кіото, древней столицы Японіи, живетъ

небольшая группа толстовцевъ, которые посвящаютъ свою жизнь услугамъ ближнихъ, обрабатывая собственнымъ трудомъ землю и проповѣдую евангеліе любви. И мало вожаковъ духовнаго міра въ нашей странѣ, христіанъ, буддистовъ или стоящихъ внѣ религіи, которые не обязаны такъ или иначе своимъ вдохновеніемъ въ той или иной мѣрѣ графу Толстому.

Ни одна эпоха въ исторіи Японіи не обнаружила такого глубокаго религіознаго стремленія и такого энтузіазма по отношенію къ трудамъ по евангелію, какъ теперешняя. И не будетъ преувеличеніемъ сказать всѣмъ друзьямъ графа Толстого въ мірѣ, что широкое вліяніе нашего возлюбленнаго космополита много способствовало пробужденію духовной жизни Японіи, и ни одинъ писатель японской исторіи послѣ 19-го столѣтія не можетъ упустить, что по крайней мѣрѣ часть японской мысли вылилась въ форму идеаловъ, выраженныхъ въ произведеніяхъ графа Толстого.

Да благословитъ Господь нашего стараго друга, который имѣетъ право на глубокую благодарность всѣхъ друзей какъ его родины, такъ и нашей страны Восходящаго Солнца, страны Вишневаго Цвѣта.

Naochi Kato.

Osaka, Japan.

Н. Кашкинъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ МУЗЫКѢ.

Среди поэтовъ, писателей и художниковъ равнодушіе, а иногда даже и враждебное отношеніе къ музыкальному искусству не составляетъ особенно рѣдкаго исключенія. Но гр. Л. Н. Толстой, во всякомъ случаѣ, не принадлежитъ къ категоріи такихъ лицъ, а скорѣе долженъ быть отнесенъ къ самымъ искреннимъ любителямъ музыки, умѣющимъ глубоко чувствовать ея красоту и силу. Отраженія этихъ симпатій можно найти во многихъ его произведеніяхъ, начиная отъ самыхъ раннихъ и кончая позднѣйшими. Можно бы подобрать цѣлую серію выписокъ, гдѣ у гр. Толстого говорится о музыкѣ и о томъ дѣйствіи, которое она производитъ. Кромѣ того, Толстой въ своемъ трактатѣ «Что такое искусство?» совершенно опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на музыку и на ту роль въ жизни человѣчества, какую она должна, по его мнѣнію, играть. Несмотря на всю опредѣленность этихъ сужденій, я не считаю ихъ вполнѣ выражающими собственное его отношеніе къ искусству, ибо они составляютъ толь-

ко выводъ изъ той отвлеченной схемы, которая, по его мнѣнію, должна управлять всѣми проявленіями человѣческаго духа въ искусствѣ и наукѣ. Это ученіе нашего великаго писателя слишкомъ извѣстно.

Мнѣ неоднократно приходилось бесѣдовать съ Л. Н. Толстымъ.

И для меня Левъ Николаевичъ всегда представлялся до извѣстной степени двойственнымъ лицомъ, совмѣщающимъ въ себѣ геніальнаго художника, глубоко проникающаго въ суть вещей, и философа-моралиста, строго и неуклонно подвергающаго пытливому анализу не только все окружающее, но и самого себя, со всѣми своими мыслями и чувствами.

Борьба между художникомъ и моралистомъ продолжается въ Толстомъ непрерывно, проявляясь иногда въ мелочахъ, а иногда принимая довольно тяжелыя формы. Мнѣ случалось иногда наблюдать факты такой борьбы, и для образца я приведу два характерныхъ случая изъ моихъ воспоминаній.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія Москву впервые посѣтила знаменитая Сара Бернаръ, пріѣзжавшая съ цѣлой труппой и дававшая спектакли въ Большомъ театрѣ. Ей предшествовала такая громкая реклама, какой въ Москвѣ до того времени не знали, и объявленный абонементъ на ея представленія имѣлъ неслыханный успѣхъ, такъ что билеты на отдѣльные спектакли перекупались у счастливцевъ, успѣвшихъ ихъ пріобрѣсти, за огромную цѣну.

Въ самый разгаръ погони за билетами на предсто-

ящіе спектакли мнѣ пришлось быть вечеромъ у Толстыхъ въ Хамовническомъ пер., гдѣ за чайнымъ столомъ, въ присутствіи гостей, графъ, между прочимъ, съ негодованіемъ разсказалъ, что одно изъ аристократическихъ семействъ Москвы, пользуясь знакомствомъ съ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ, кн. В. А. Долгоруковымъ, достало себѣ ложу бенуара и потомъ перепродавало ее за большія деньги. Л. Н. былъ вообще въ возбужденномъ состояніи и много говорилъ о драматическомъ искусствѣ.

Это не была простая застольная бесѣда, а цѣлая лекція о предметѣ, очевидно, продуманномъ. И лекція была произнесена сильно и хорошо. Графъ отнесся къ современному театру съ полнымъ отрицаніемъ, при чемъ весьма обстоятельно доказывалъ фальшивость драматическаго искусства вообще. Когда онъ кончилъ, нѣкоторое время царило общее молчаніе. Затѣмъ онъ черезъ столъ обратился ко мнѣ.

— А вы пойдете смотрѣть Сару Бернаръ?

— Конечно, — отвѣчалъ я.

Это вызвало у Л. Н. нѣчто въ родѣ гнѣвнаго восклицанія, и онъ даже слегка ударилъ кулакомъ по столу. Но черезъ нѣсколько времени, при общемъ молчаніи, лицо его расцвѣло добродушнѣйшей улыбкой, и онъ сказалъ:

— А знаете, что? Мнѣ ужасно жаль, что я не пойду.

* * *

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого А. Г. Рубинштейнъ давалъ въ Москвѣ едва ли не послѣдній свой концертъ, билеты на который были разобраны нарасхватъ. Левъ Николаевичъ былъ, между прочимъ, самымъ горячимъ поклонникомъ таланта А. Г. Рубинштейна и ставилъ его выше всѣхъ музыкантовъ-исполнителей, какихъ ему приходилось слышать въ жизни, какъ между драматическими артистами выше всѣхъ ставилъ А. Е. Мартынова. Но по теоретической толстовской схемѣ А. Г. Рубинштейнъ не былъ представителемъ хорошаго, всенароднаго искусства и билета на его концертъ онъ не взялъ. Тѣмъ не менѣе, когда я пришелъ наканунѣ концерта къ Толстымъ, Левъ Николаевичъ началъ горько жаловаться, что вотъ онъ опять не услышитъ Рубинштейна, ибо билетовъ никакихъ, конечно, достать уже нельзя.

Я сказалъ:

— Л. Н., между слушателями вы такой городничій, для котораго мѣсто всегда найдется. И если вы желаете, то я билетъ для васъ достану.

Левъ Николаевичъ, повидимому, очень обрадовался и заранѣе наговорилъ мнѣ благодарностей. Я отправился къ А. Г. Рубинштейну. И какъ только сказалъ ему о моемъ ходатайствѣ, онъ тотчасъ же распорядился непремѣнно устроить мѣсто для гр. Толстого и послать ему билетъ отъ имени Рубинштейна.

Билетъ былъ посланъ и мѣсто приготовлено. Но графъ на концертъ не явился.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней я встрѣтилъ се-

стру Льва Николаевича, графиню Марію Николаевну Толстую, которая разсказала мнѣ, что Левъ Николаевичъ былъ очень обрадованъ присылкой билета, сталъ вечеромъ собираться въ концертъ и даже совсѣмъ юдѣлся для выѣзда, но вдругъ его стали обуревать сомнѣнія: долженъ ли и можетъ ли онъ итти въ концертъ? Сомнѣнія разрѣшились жестокимъ нервнымъ припадкомъ, такъ что пришлось даже посылать за докторомъ.

Послѣ этого, если не ошибаюсь, А. Г. Рубинштейнъ самъ назвался пріѣхать къ графу Толстому и цѣлый вечеръ игралъ у него, приводя Льва Николаевича въ восторгъ.

* * *

Насколько я могу судить по личнымъ впечатлѣніямъ, музыка является для Льва Николаевича привычнымъ, вѣроятно, даже прирожденнымъ языкомъ, ясно говорящимъ его сердцу.

Онъ совсѣмъ не нуждается, какъ многіе любители, въ переводѣ музыки на словесные образы, чтобы ею наслаждаться, и даже возстаетъ противъ такихъ истолкованій. Въ одномъ мѣстѣ, онъ говоритъ по этому поводу, что если бы композиторъ хотѣлъ говорить словами, то онъ бы словами и написалъ.

Музыкѣ Левъ Николаевичъ, вѣроятно, учился съ дѣтства, но такъ, какъ учились въ его время юноши и молодые люди высшихъ классовъ, т.-е довольствуясь болѣе или менѣе хорошимъ развитіемъ техники и знакомствомъ съ ходячей музыкальной литературой, не углу-

бляясь далѣе въ этотъ предметъ. Всѣ его сужденія о музыкальномъ искусствѣ, повидимому, основаны главнымъ образомъ на личныхъ впечатлѣніяхъ, а отчасти, можетъ быть, на чтеніи въ молодыхъ годахъ какихъ-либо сочиненій о музыкѣ или на бесѣдахъ съ музыкантами. Являясь, главнымъ образомъ, приверженцемъ классической музыки онъ въ своихъ сужденіяхъ о ней отдаетъ первое мѣсто Моцарту, относясь въ то же время къ Бетховену съ нѣкоторою непріязнью, ибо считаетъ его не довершителемъ классическаго, періода, а родоначальникомъ упадка музыки, продолжающагося и до нашихъ дней. Вообще, въ его отношеніяхъ къ Бетховену замѣчается нѣкоторая двойственность. Что же касается до общаго положенія, т.-е. до воззрѣнія на Моцарта, какъ на вершину, какой могло достигнуть музыкальное искусство, то его раздѣляли многіе выдающіеся и очень серьезные музыканты, какъ напримѣръ, покойный Ларошъ. Быть можетъ, Левъ Николаевичъ въ годы молодости читалъ французскую книгу русскаго писателя Улыбашева «Beethoven et ses glossateurs», вышедшую въ 1857 г. Улыбышевъ въ то время пользовался громкой европейской извѣстностью за свою обширную біографію Моцарта, вышедшую въ 1844 г., написанную также по-французски и затѣмъ переведенную, кажется, на всѣ европейскіе языки, при чемъ позже всѣхъ явился русскій переводъ. Книга о Бетховенѣ въ свое время надѣлала довольно много шуму, и въ ней высказывалось именно такое воззрѣніе на Моцарта и Бетховена, какого держится и Л. Н. Толстой. Возможно, что книж-

ка эта была еще тогда имъ прочитана и легла въ основу общихъ воззрѣній Л. Н. Толстого на музыку, которымъ онъ въ своихъ печатныхъ сужденіяхъ и въ разговорахъ остается вѣренъ и по настоящее время.

Въ статьѣ «Что такое искусство?» Л. Н. Толстой превосходно опредѣляетъ высшій родъ искусства, который онъ называетъ религіознымъ, не въ смыслѣ искусства церковнаго, а въ смыслѣ воплощенія лучшихъ и высшихъ человѣческихъ идеаловъ. Только за искусствомъ подобнаго рода онъ и признаетъ великое значеніе, противопоставляя его искусству, предназначенному для развлеченія и увеселенія, относимаго имъ къ безполезному и даже вредному роду. При такомъ основномъ воззрѣніи нѣсколько враждебное отношеніе къ Бетховену является трудно объяснимымъ, ибо едва ли произведенія какого-либо другого композитора, не исключая даже Баха, могутъ быть съ большимъ правомъ отнесены къ тому роду искусства, которое графъ Толстой называетъ религіознымъ. Бетховенъ почти всегда бралъ своими задачами высшія проявленія человѣческаго духа.

Особенно непонятно отношеніе Л. Н. Толстого къ 9-й симфоніи Бетховена, которую графъ причисляетъ къ дурному роду искусства, не признавая за ней даже чисто музыкальныхъ достоинствъ. Такой приговоръ невольно наводитъ на мысль, что Льву Николаевичу никогда не приходилось слышать этой симфоніи въ сколько-нибудь хорошемъ исполненіи, ибо во всемъ искусствѣ христіанской эпохи трудно найти что-либо столь

возвышенное по общей идеѣ и столь совершенное по ея выполненію, представляющее собою высшее проявленіе именно того религіознаго искусства, о которомъ говоритъ Л. Н. Толстой въ своей статьѣ.

Изъ личныхъ моихъ наблюденій я вывелъ заключеніе, что графъ Толстой, въ сущности, чрезвычайно высоко ставитъ Бетховена и умѣетъ глубоко наслаждаться весьма многими изъ его произведеній. Когда намъ случалось заговаривать о Шуманѣ, то онъ относился къ нему совершенно отрицательно, не признавая за нимъ, кажется, никакихъ достоинствъ. Но и тутъ мнѣ пришлось убѣдиться, что въ самомъ дѣлѣ Л. Н. не только можетъ, но и умѣетъ цѣнить этого композитора. Однажды у Толстыхъ былъ музыкальный вечеръ, на которомъ пришлось присутствовать и мнѣ. Между прочимъ, на этомъ вечерѣ хорошо былъ сыгранъ фортепіанный квартетъ Шумана. Графъ все время стоялъ въ концѣ зала, слушая очень внимательно, и когда квартетъ окончился, онъ подошелъ ко мнѣ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ:

— Къ стыду своему я долженъ сознаться, что до сихъ поръ не зналъ этого превосходнаго произведенія.

* * *

Чайковскій также подвергся строгому приговору мыслителя Толстого, но вызывалъ у художника Толстого сладкія слезы наслажденія своими сочиненіями.

Для меня всѣ противорѣчія въ сужденіяхъ графа

Толстого о музыкѣ представляются совершенно ясными. Я объясняю ихъ той борьбой между художникомъ и мыслителемъ-моралистомъ, которая постоянно происходитъ въ немъ. И противорѣчія являются результатомъ стремленія быть искреннимъ во всемъ и всегда... Эта правдивость и заставляетъ Льва Николаевича высказывать иногда совершенно противоположныя сужденія объ искусствѣ, смотря по тому, относится ли онъ къ нему съ точки зрѣнія мыслителя-моралиста, или же передаетъ только непосредственное впечатлѣніе своей глубоко чувствующей натуры.

Н. Кашкинъ.

Москва.
1908 г. Авг.

ИЗЪ ПИСЬМА (Японія.)

Въ Японіи издавна процвѣтаетъ нравоученіе, подготовившее японцевъ къ духовнымъ интересамъ. Эта же подготовка очень помогла и помогаетъ интересоваться философско-моральными вопросами. На такой почвѣ очень скоро привилась западно-европейская цивилизація вмѣстѣ съ наукой и философіей, что и помогло пониманію ученія гр. Толстого.

Нравственно-религіозное ученіе гр. Толстого поразило насъ своею чистотою и рыцарствомъ: вся читающая публика благоговѣйно прислушивается къ новымъ его словамъ и весьма сочувствуетъ положенію его въ государствѣ. Литературная слава гр. Толстого не менѣе громка, чѣмъ нравственно-религіозная. Многія изъ чисто-литературныхъ и морально-религіозныхъ произведеній его давно были переведены на японскій языкъ и читаются съ великимъ интересомъ. Японцы понимаютъ ученіе гр. Толстого и цѣнятъ его такъ же, какъ европейцы.

Konissi.

Генри Крауфордъ.
(Австралія.)

УЧИТЕЛЬ.

Одна изъ главныхъ красотъ произведеній Льва Толстого — восхитительная простота, стиль и тонъ, который придаетъ мощь великимъ мастерамъ и, подобно всякому совершенному искусству, освобождаетъ трудную тему отъ неясностей, преподнося ее читателю чистой, какъ хрусталь. Эта красота литературнаго вкуса и ставитъ произведенія Толстого выше твореній его современниковъ.

Обращаясь къ жизни, которая, какъ оболочка, стала безцвѣтной и пустой, сущность его ученія идентична со всѣми великими ученіями міра — это проповѣдь «любви-чувства», на которомъ всецѣло зиждется будущность вселенной.

Толстой учитъ людей заглянуть въ собственную душу, дабы познать общечеловѣческія страсти и такимъ образомъ утилизировать свой опытъ наилучшимъ образомъ.

Ученіе Толстого подтверждаетъ слова Платона: «Не-

изслѣдованная жизнь недостойна быть прожитой». Большаго и притомъ быстрѣе можно достигнуть путемъ самоусовершенствованія, нежели тѣмъ, что Торо назвалъ бы «внѣшнимъ вліяніемъ».

Ученіе Толстого говоритъ больше, пожалуй, чѣмъ всѣмъ другимъ народамъ, намъ, австралійцамъ, измученнымъ законодательствомъ своихъ реформаторовъ, которые, быть можетъ, даже движимые альтруистическими желаніями, не отличаютъ на дѣлѣ альтруизма отъ тираніи. Такъ заблуждается множество реформаторовъ въ стремленіи помочь людямъ и часто накладывая на нихъ лишь новыя узы. Ученіе же Толстого совмѣщаетъ альтруизмъ съ истиннымъ понятіемъ свободы.

Толстой противникъ того ученія, которое сосредоточиваетъ всѣ усилія человѣчества на экономическомъ разрѣшеніи соціальной проблемы. Въ перепискѣ со мной онъ въ слѣдующихъ словахъ осуждаетъ это направленіе: «Мнѣ кажется, вы совершенно правы, милый молодой другъ, въ вашей оцѣнкѣ суевѣрія, царящаго въ церкви и государствѣ. Но я не согласенъ съ вами въ мысли, что братство людей есть та цѣль, къ которой всѣ мы должны непосредственно направлять свою дѣятельность. Братство людей не есть цѣль, къ которой должно стремиться, а неизбѣжный результатъ нашихъ правильныхъ поступковъ, основанныхъ на религіозномъ сознаніи, т.-е. результатъ отношенія нашей жизни къ Бытію, къ Богу».

Здѣсь Толстой открываетъ исканія глубокой души въ борьбѣ съ гнетущей условностью и побѣждаетъ

господствующія силы среды. Со свойственной ему силою онъ выражаетъ это слѣдующими словами: «Это религіозное сознаніе требуетъ отъ насъ вполнѣ опредѣленной линіи поведенія, и братство людей есть лишь одно изъ многихъ благъ, вытекающихъ изъ такого поведенія. Быть можетъ это составляетъ и ваши убѣжденія, и тогда то, что я говорю вамъ, совершенно излишне. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что вы находитесь на правильномъ пути, и я желаю вамъ итти по немъ впередъ».

Воинственные реформаторы яростно осуждаютъ отношеніе Толстого къ этому вопросу, забывая, что наиболѣе желательная и самая истинная форма усовершенствованія должна исходить изнутри. Они полагаютъ, что не имѣютъ ничего общаго съ «луннымъ свѣтомъ», на дѣлѣ же являются сами идеалистами, можетъ быть, безсознательно. Въ сущности, всѣ мыслители — идеалисты, ибо идеаламъ мы обязаны развитіемъ самыхъ возвышенныхъ качествъ, проявляющихся въ эволюціи. Такъ какъ по Толстому невозможно постичь что-либо слишкомъ хорошее или благородное, то мы должны постоянно стремиться подниматься все выше въ усердномъ исканіи правды и въ устроеніи своей жизни согласно высшимъ идеаламъ. По мѣрѣ нашего прогресса жизнь становится непрерывнымъ источникомъ счастья и довольства для насъ самихъ. Единственное, что омрачаетъ наше блаженство, есть страданіе ближнихъ, которое мы несемъ, какъ общее бремя.

Велики и глубоки мысли учителя, и его слова не-

сутся міру, распространяясь множествомъ волнъ, подобно кругу отъ камня, брошеннаго въ тихую воду.

Henry Crawford.

Richmond.
Melbourno.
Australia.
June 27, 08.

В. М. Лопатинъ

ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІИ.

Въ 1889 г. я былъ мировымъ судьею и жилъ въ деревнѣ, когда получилъ приглашеніе отъ графини Татьяны Львовны Толстой принять участіе въ исполненіи на домашней сценѣ, въ Ясной Полянѣ, еще нигдѣ не напечатанной новой пьесы Льва Николаевича «Плоды просвѣщенія» *), въ которой мнѣ предназначалась роль мужика, «старика робкаго и нервнаго», какъ характеризовала его въ своемъ письмѣ Татьяна Львовна. Это приглашеніе меня очень заинтересовало. Представлялась возможность провѣрить впечатлѣнія дѣйствительности въ художественномъ творчествѣ такого глубокаго знатока народной жизни, какъ Л. Н. Толстой. Изъявивъ свое согласіе на участіе въ спектаклѣ, я въ назначенный день пріѣхалъ вечеромъ въ Тулу, въ домъ Н. В. Давыдова, бывшаго тогда прокуроромъ тульскаго окружнаго суда, на репетицію пьесы. Отсюда, по окончаніи репетиціи, многочисленная труппа, разсѣвшись въ розвальни, двинулась въ Ясную Поляну.

---

*) Тогда называлась „Исхитрилась".

Въ морозную ночь мы весело мчались по гладкой дорогѣ Крапивенскаго шоссе, мимо возвышавшейся по сторонамъ живописной чащи Козловской Засѣки, и уже въ поздній часъ, утомленные ѣздой и чистымъ морознымъ воздухомъ, радостно вошли въ привѣтливо освѣщенный уютный яснополянскій домъ.

* * *

Насъ радушно встрѣтили хозяева. Накрытый столъ съ обильнымъ ужиномъ ждалъ насъ. Но на столѣ замѣтно отсутствовали признаки какого-либо хмельного питья, и послѣднее демонстративно замѣнялъ розлитый по графинамъ квасъ. Чувство, схожее съ разочарованіемъ, ощутилось прозябшими путниками. Но тутъ явилась на помощь предусмотрительность одного изъ путешественниковъ, запасшагося изъ Тулы тѣмъ, чему не полагалось быть въ Ясной Полянѣ. И вотъ мы, поочереди, сбѣгали потихоньку отъ глазъ хозяина въ переднюю и здѣсь, подъ лѣстницей, въ уголкѣ, согрѣвали себя глотками водки, подавляя въ себѣ чувство нѣкотораго смущенія и угрызенія совѣсти.

На слѣдующій день, утромъ, мы должны были репетировать пьесу въ присутствіи Льва Николаевича. Когда, на репетиціи въ Тулѣ, я впервые познакомился съ пьесой, меня больше всего поразила необыкновенная вѣрность изображенія и яркая типичность трехъ мужиковъ, уполномоченныхъ обществомъ на покупку земли. Эти три лица, съ нѣкоторыми варіаціями, прохо-

дили передъ моими глазами много разъ въ судебныхъ процессахъ.

1) Краснобай-адвокатъ, 2) скупой на слова, строгій въ поступкахъ, домохозяинъ и 3) надежный старикъ — обычные представители крестьянскаго общества въ томительныхъ мужицкихъ хлопотахъ и выжиданіяхъ у начальства. Въ моемъ воображеніи ярко вырисовывался не только внѣшній образъ третьяго мужика, но и черты его характера, отражающія въ себѣ привычную близость человѣка къ естественнымъ условіямъ жизни.

* * *

На другой день мнѣ все казалось, что Левъ Николаевичъ недовѣрчиво посматриваетъ на меня, какъ на актера, вѣроятно, не замѣчая въ моей внѣшности и поведеніи ничего свойственнаго людямъ, призваннымъ къ служенію сценѣ.

Началась репетиція. Внимательное наблюденіе Льва Николаевича за моею игрою меня немножко смущало, но въ то же время придавало энергію моему старанію дать въ изображеніи мужика именно то, что мнѣ казалось наиболѣе близкимъ къ внутренней правдѣ его личности.

Я чувствовалъ, что это мнѣ удается, и вскорѣ услышалъ смѣхъ Льва Николаевича, смѣхъ чисто-русскій, мужицкій, полный добродушнѣйшей искренности, а затѣмъ и слова одобренія. Разумѣется, это меня обрадо-

вало и одушевило. Я съ усиленнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за впечатлѣніемъ, производимымъ на Льва Николаевича; и передававшееся моему настроенію сочувствіе его всему, что казалось самому мнѣ естественнымъ и правдивымъ въ изображеніи 3-го мужика, разсѣивало мою неувѣренность и увлекало мое воображеніе. Я испытывалъ полное артистическое удовлетвореніе подъ обаяніемъ тончайшей чуткости автора пьесы къ каждой капелькѣ правды въ моей игрѣ, и, невольно освобождаясь отъ всего условнаго и банальнаго, обычно вносимаго актерами въ исполненіе бытовыхъ ролей, особенно мужицкихъ, сумѣлъ, казалось мнѣ, дать образъ правдивый.

На Льва Николаевича моя игра, видимо, произвела впечатлѣніе, превышавшее мои ожиданія. Онъ ею былъ удовлетворенъ, и это удовлетвореніе выразилось въ такой, почти дѣтской, его радости, которая совершенно смутила меня.

Онъ смѣялся до слезъ, оживленно дѣлился своими сужденіями съ окружающими, ударялъ себя ладонями по бокамъ и добродушно, по-мужицки, моталъ головой.

Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Знаете ли, — сказалъ онъ, — я всегда упрекалъ Островскаго за то, что онъ писалъ роли на актеровъ, а теперь вотъ я его понимаю; если бы я зналъ, что 3-го мужика будете играть вы, я бы многое иначе написалъ: вѣдь вы мнѣ его объяснили, показали, какой онъ; надо будетъ измѣнить.

И Левъ Николаевичъ взялъ рукопись и пошелъ ее передѣлывать.

Роль 3-го мужика была значительно пополнена словами и нѣсколько измѣнена. Между прочимъ, деньги, которыя, по первоначальной редакціи, хранилъ у себя второй мужикъ, были переданы 3-му мужику, какъ самому надежному и горячему блюстителю общественныхъ интересовъ; въ послѣднемъ актѣ 3-й мужикъ уже падалъ второпяхъ на порогѣ двери, врываясь въ переднюю Звѣздинцева, а не ударялся лицомъ о косякъ, какъ это было въ первой редакціи.

* * *

Въ тотъ же день, вечеромъ, за чаемъ, бесѣдуя о сценическомъ искусствѣ, Левъ Николаевичъ такъ опредѣлялъ смыслъ и значеніе художественнаго творчества:

— Наблюдательность художника заключается въ способности видѣть въ окружающей дѣйствительности тѣ черты явленій, которыя не затрогиваютъ сознанія другихъ людей; онъ видитъ кругомъ себя то же, что и другіе, но видитъ не такъ, какъ другіе, и затѣмъ, воспроизводя въ своемъ творчествѣ именно тѣ черты дѣйствительности, которыя другими не замѣчались, заставляетъ и другихъ людей видѣть предметы такъ, какъ онъ самъ ихъ видитъ и понимаетъ.

Поэтому въ каждомъ художественномъ произведеніи мы находимъ для себя нѣчто новое, поучаемся.

Вотъ вы, — сказалъ Л. Н., — въ изображеніи мужика даете тотъ самый образъ, который каждый изъ насъ видѣлъ въ дѣйствительности, но вы сумѣли замѣтить и передать въ немъ то, чего нами не примѣчалось, и я самъ увидѣлъ въ этомъ образѣ нѣчто для себя новое....

Въ томъ же разговорѣ меня удивило и опечалило отрицательное отношеніе Льва Николаевича къ Шекспиру. Левъ Николаевичъ утверждалъ, что люди, принадлежащіе къ такъ называемому высшему классу, восторгаются Шекспиромъ только потому, что считаютъ нужнымъ это дѣлать, просто по общепринятому ходячему мнѣнію о его геніальности, но не даютъ себѣ отчета, въ чемъ же собственно міровое значеніе художественныхъ произведеній Шекспира; серьезно мыслящимъ людямъ чуждъ интересъ къ тому, что изображаетъ Шекспиръ; его пьесы устарѣли: кому теперь какое дѣло, что кто-нибудь полюбилъ или разлюбилъ кого-нибудь; личныя страсти, столкновенія и интриги, все это не можетъ уже захватывать души современнаго человѣка; отъ художественнаго произведенія мы теперь требуемъ иного, требуемъ разрѣшенія волнующихъ насъ вопросовъ жизни, новаго знанія, поученія.

Такіе взгляды на искусство шли совершенно въ разрѣзъ съ моими, и я сталъ возражать. Левъ Николаевичъ горячо оспаривалъ меня. Но и тогда, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ разговорахъ въ его присутствіи, меня поразила та серьезность, съ которою онъ считался съ чужими мнѣніями, хотя бы эти мнѣнія при-

надлежали человѣку, передъ которымъ Левъ Николаевичъ стоялъ на недосягаемой высотѣ научныхъ знаній и философской мысли.

Къ каждому собесѣднику онъ относился, какъ къ равному себѣ. Спорилъ онъ горячо, рѣзко, но надо было видѣть эту чистую, искреннюю радость, которой свѣтились его глаза, когда онъ находилъ сочувствіе въ своемъ слушателѣ, или видѣлъ, что мысль его понята собесѣдникомъ.

Мнѣ ясно стало, до какой степени несправедливо распространненое въ обществѣ мнѣніе о томъ, что Левъ Николаевичъ рисуется своими проповѣдями, что не проводитъ въ свою жизнь своего ученія, словомъ — дѣлаемые ему упреки въ его неискренности. Я вынесъ твердое убѣжденіе въ томъ, что каждое слово Толстого вытекаетъ изъ глубины его сердца, что его проповѣдь— результатъ не только величайшей работы мысли, но и сильнѣйшихъ душевныхъ мукъ, тѣхъ мукъ, которыя можетъ дать человѣку необъятная ширь воображенія. И мнѣ казалось, что въ душѣ Льва Николаевича совершается трагедія, что безпощадность самоанализа лишаетъ его возможности найти удовлетвореніе въ самомъ себѣ, что онъ не находитъ въ себѣ самомъ того, что признаетъ необходимымъ для человѣческой жизни и чего требуетъ отъ другихъ, сознаетъ въ себѣ противорѣчіе съ непосредственнымъ чувствомъ, борется самъ съ собой; и въ этомъ раздвоеніи — его страданіе.

* * *

На слѣдующій день была генеральная репетиція. Исполненіе пьесы въ общемъ было удачнымъ. Покойная Марія Львовна Толстая съ удивительной простотой и юморомъ исполняла роль кухарки. Звѣздинцева игралъ С. А. Лопухинъ, давая необыкновенно жизненный образъ изящнаго, мягкаго, увлекающагося, готоваго отъ увлеченія даже прилгнуть, много пожившаго барина, угнетаемаго несдержанною нервозностью своей жены. Н. В. Давыдовъ съ убѣдительностью произносилъ многословную рѣчь на спиритическомъ сеансѣ и отъ души огорчался безтактностью присутствовавшей на сеансѣ молодежи, въ роли профессора; да и всѣ остальныя роли проводились жизненно, весело и дружно.

Воодушевленіе исполнителей было полное. Левъ Николаевичъ былъ доволенъ и весело подбадривалъ актеровъ своими мѣткими замѣчаніями. Какъ зритель, Левъ Николаевичъ былъ необыкновенно пріятенъ. Чувствовалось отношеніе къ актерамъ участливое, доброжелательное, съ оттѣнкомъ той наивности, которая, какъ я замѣчалъ, свойственна впечатлительности старыхъ людей, видавшихъ русскую сцену въ ея прошедшую славную эпоху господства величайшихъ талантовъ. Въ его критикѣ не было и тѣни той педантичной требовательности и той холодной строгости анатомическаго изслѣдованія игры актера, которыя составляютъ отличительныя свойства современной театральной критики и способны погасить въ актерѣ всякую искру увлеченія. Онъ отдавался впечатлѣнію довѣрчиво, всей полнотою души.

Генеральная репетиція прошла съ полнымъ успѣхомъ.

*
* *

Наступилъ спектакль. Левъ Николаевичъ былъ полонъ оживленія. Онъ то приходилъ за кулисы и смотрѣлъ гримъ, восторгаясь удачной гримировкой или костюмомъ, то ходилъ по рядамъ публики и съ увлеченіемъ разсказывалъ, какъ репетировалась пьеса и какъ кто играетъ. Увидавъ меня за кулисами въ костюмѣ и полномъ гримѣ, Левъ Николаевичъ вышелъ въ публику и объявилъ:

— Лопатинъ, какъ выйдетъ — всѣхъ уморитъ. Уморитъ, уморитъ!.. — повторялъ онъ, хохоча до слезъ.

Такое предсказаніе до того меня смутило, что я нѣсколько омрачнѣлъ. «Что же это со мной дѣлаетъ Левъ Николаевичъ? — думалъ я, — каково мнѣ выходить на сцену при ожиданіи публики увидѣть во мнѣ нѣчто до того великолѣпное, что можно «умереть отъ смѣха». И я игралъ уже не съ тѣмъ подъемомъ, какъ на генеральной репетиціи. Я даже высказалъ по этому поводу свою досаду Льву Николаевичу.

— Ну, да это для васъ вышло не такъ, — отвѣтилъ онъ, — а для насъ-то такъ. По-моему — превосходно.

Такъ были сыграны въ первый разъ «Плоды просвѣщенія», 30-го декабря 1889 года.

*
* *

Съ моимъ участіемъ въ первомъ представленіи «Плодовъ просвѣщенія» связано другое артистическое предпріятіе въ домѣ Льва Николаевича, задуманное участниками яснополянскаго спектакля, два года спустя, когда Левъ Николаевичъ и вся его семья переселились на зиму въ Москву, въ свой домъ, въ Хамовническомъ переулкѣ.

При пробахъ грима на генеральной репетиціи «Плодовъ просвѣщенія» въ Ясной Полянѣ я случайно приложилъ къ своему лицу бороду, по складу своему напоминавшую бороду Льва Николаевича, и всѣ присутствовавшіе были крайне удивлены неожиданнымъ сходствомъ, получившимся у меня, съ лицомъ Льва Николаевича. И вотъ, черезъ два года, когда у молодого поколѣнія Толстыхъ явилось желаніе устроить на святкахъ какую-либо святочную забаву, о сходствѣ моего грима съ лицомъ Льва Николаевича вспомнили и рѣшили устроить костюмированный вечеръ, на которомъ и изобразить посредствомъ грима современныхъ общественныхъ дѣятелей, а въ ихъ числѣ и самого Льва Николаевича.

Воспроизведеніе двойника Льва Николаевича было поручено мнѣ.

Участіе въ задуманной затѣѣ меня нѣсколько смущало. Я опасался возможности произвести на Льва Николаевича непріятное впечатлѣніе изображеніемъ пародіи на него же самого, да и, кромѣ того, не былъ увѣренъ въ самомъ успѣхѣ такого замысла. Могло получиться что-нибудь очень нехудожественное. Тѣмъ не

менѣе, участвовать въ затѣѣ я согласился. Татьяна Львовна добыла блузу и кушакъ Льва Николаевича. И вотъ у нихъ во флигелѣ, вечеромъ, вся наша компанія одѣлась въ соотвѣтствующіе изображаемымъ лицамъ костюмы и загримировалась. У всѣхъ гримъ оказался удачнымъ и, кажется, однимъ изъ лучшихъ у меня.

Заранѣе была сдѣлана по портрету Льва Николаевича борода, очень искуснымъ гримеромъ, извѣстнымъ Яшей Гремиславскимъ (нынѣ гримеромъ Художественнаго театра), имъ же были наложены по портрету Льва Николаевича черты лица, и получилось изъ моего лица нѣчто очень схожее со Львомъ Николаевичемъ.

Но, не смотря на всѣ старанія гримера, ни одинъ парикъ не усиливалъ сходства моего лица съ портретомъ Льва Николаевича, напротивъ, какъ бы схожи волосы парика ни были съ волосами Льва Николаевича, сходство съ нимъ моего лица парикомъ убивалось. И я рѣшилъ оставить свои собственные волосы.

Одѣвшись въ блузу Льва Николаевича, надѣвъ его поясъ и засунувъ руки за поясъ, я со всей компаніей направился въ залу.

Тутъ были: извѣстный профессоръ Захарынъ (его изображалъ А. А. Федотовъ), Антонъ Рубинштейнъ (В. А. Маклаковъ), Владиміръ Соловьевъ (А. В. Цингеръ), Левъ Лопатинъ (В. Е. Ермиловъ), И. Е. Рѣпинъ (В. К. Молодзіевскій), А. А. Брандуковъ (Д. П. Суховъ).

Мы входили въ залу постепенно. Первыми появи-

лись *Владиміръ Соловьевъ* и *Левъ Лопатинъ*. Не всѣ сразу замѣтили, что это маскарадъ. Присутствовавшіе же на вечерѣ дѣти покойнаго профессора Н. Я. Грота даже здоровались съ Цингеромъ, какъ съ настоящимъ Соловьевымъ.

Слѣдующую пару составляли *Рубинштейнъ* и *Брандуковъ*. За ними вошли *Захарьинъ* и *Рѣпинъ*.

Левъ Николаевичъ стоялъ въ дверяхъ гостиной и съ большимъ интересомъ смотрѣлъ на входящихъ. Послѣднимъ вошелъ въ залу я. Мое появленіе сначала произвело среди присутствующихъ видимое смущеніе, но тотчасъ же смѣнившееся шумнымъ одобреніемъ.

Подъ шумъ аплодисментовъ я подошелъ ко Льву Николаевичу. Онъ подалъ мнѣ руку. И вотъ, подъ общій громкій смѣхъ, общіе аплодисменты и визгъ дѣтей, два Льва Толстыхъ жали другъ другу руки. Самъ Левъ Николаевичъ разразился заразительнымъ смѣхомъ и съ добродушнымъ любопытствомъ началъ осматривать меня.

— Блузу-то откуда вы взяли? — спросилъ онъ.

— Тайно похитили у васъ...

* * *

Весь этотъ вечеръ Левъ Николаевичъ былъ очень веселъ. Гримъ оказался настолько правдоподобнымъ, что когда начали пріѣзжать группы ряженыхъ, а я стоялъ у лѣстницы и встрѣчалъ пріѣзжавшихъ, то маски съ благосклоннымъ любопытствомъ всматривались

въ меня и отдавали мнѣ самый почтительный поклонъ, очевидно принимая меня за подлиннаго Льва Николаевича. Я отвѣчалъ на поклоны, стараясь въ манерахъ симулировать оригиналъ. И надо было видѣть крайнее недоумѣніе, когда гости тутъ же слѣдомъ встрѣчали другого Льва Николаевича.

Мнѣ все-таки неловко было изображать собою подобіе Льва Николаевича передъ его собственными глазами. Но онъ, кажется, не находилъ ничего въ этомъ непріятнаго для себя и самъ восхищался удачною пародіей на себя.

* * *

Посѣщеніе Ясной Поляны въ 1889 году наградило меня минутами высокаго духовнаго наслажденія въ области театральнаго искусства и въ то же время обогатило такими личными наблюденіями, которыя разсѣяли для меня навсегда всякія сомнѣнія въ оцѣнкѣ нравственнаго достоинства Льва Николаевича.

Оно дало мнѣ возможность наглядно убѣдиться въ безграничной силѣ томящей Льва Николаевича жажды найти правду жизни, почерпнуть ее для себя откуда бы то ни было и убѣдить людей итти по той дорогѣ, которая одна ведетъ къ осуществленію истинной цѣли человѣческаго назначенія. Простота отношенія Льва Николаевича къ мыслямъ и чувствамъ каждаго человѣка, его интересъ ко всему, что каждый думаетъ и знаетъ, проникновеніе горечью отъ несоотвѣтствія его

міропониманію взглядовъ и стремленій окружающихъ людей и та чистая, почти дѣтская радость, которою озарялся онъ отъ каждаго проблеска пониманія его духовнаго міра другимъ человѣкомъ, убѣдили меня въ широкой честности, дѣлающей Льва Николаевича Толстого изъ великаго художника — великимъ учителемъ-христіаниномъ.

Вл. Лопатинъ.

С. Никольское.

Люси Малори.
(Америка).

ВОЖДЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Нѣтъ сомнѣнія, что Левъ Толстой есть величайшій вождь, учитель и реформаторъ современной эпохи. До него человѣчество еще никогда не имѣло вождя, вліяніе котораго захватывало бы весь міръ.

Были и другіе, такъ называемые, вожди, которые, въ предѣлахъ извѣстной мѣстности и на время, путемъ кровопролитія и грабежа, силой принуждали людей слѣдовать за собой. Но ни одинъ народъ еще никогда не достигалъ прочнаго блага путемъ насилія.

Единственной же силой, которой пользовался Толстой, была сила любви и мудрости. И поэтому вліяніе его никогда не ослабнетъ, а будетъ продолжать все больше и больше развивать красоту и гармонію жизни, ибо любовь сама себя создаетъ, сама въ себѣ существуетъ и содержитъ въ себѣ начало вѣчнаго роста — развитія и совершенства.

Онъ доказалъ свое превосходство тѣмъ, что проводитъ свое ученіе въ жизнь, а также вліяніемъ, которое онъ оказываетъ на весь современный ему міръ. Дру-

гимъ реформаторамъ удавалось добиться извѣстности и послѣдователей лишь спустя долгое время послѣ того, какъ они покинули свою земную, преходящую оболочку.

Левъ Толстой заслужилъ свое безсмертіе. Онъ сталъ безсмертнымъ еще при жизни. Онъ далъ міру ту сущность самого себя, которая и въ тѣлесной оболочкѣ не перестанетъ проявлять себя до тѣхъ поръ, пока существуетъ сама вѣчность.

(*Miss Lusy*) *A. Mallory.*

Potland.
Oregon.

Викторъ Маргеритъ.
(Франція.)

ИЗЪ ПИСЬМА.

Какія найти выраженія, чтобы въ этомъ концертѣ — во славу одного изъ величайшихъ человѣческихъ геніевъ — передать съ достаточной силой то волненіе, которое охватило меня и всѣхъ вступавшихъ тогда въ область мысли, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда появились «Война и миръ», «Анна Каренина»? Съ тѣхъ поръ Толстой не переставалъ потрясать насъ, пропуская во тьму совѣстей — словно пламенѣющій факелъ — потоки свѣта, безостановочныя волны любви, благочестиваго гнѣва, неумолимаго разума и справедливости... Его имя сіяетъ надъ всѣмъ міромъ...

Очень сладкая радость привѣтствовать его издали, снизу, какъ одинъ изъ тѣхъ сторожевыхъ огней на высотѣ, свѣтъ которыхъ указываетъ изъ вѣка въ вѣкъ путь поколѣніямъ.

Victor Margueritte.

Поль Маргеритъ.
(Франція.)

ИЗЪ ПИСЬМА.

Можно ли говорить о Толстомъ безъ глубокаго волненія?

Могучій романистъ и провидецъ душъ, онъ въ величайшихъ человѣческихъ фрескахъ возродилъ жизнь и повелѣлъ созданіямъ, которымъ онъ далъ дыханіе:

— Воспрянь и шествуй!..

Глубокій моралистъ, онъ обновилъ христіанское чувство и возстановилъ въ современной совѣсти чувство справедливаго и несправедливаго.

Онъ — моральный свѣтъ избраннаго человѣчества, и мы поклоняемся съ глубокимъ почтеніемъ писателю, который былъ апостоломъ, и апостолу, который былъ человѣкомъ.

Paul Margueritte.

Маццонни.
(Италія.)

ИЗЪ ПИСЬМА.

...когда читаешь произведенія Льва Толстого, невозможно не чувствовать въ нихъ русской души, не восторгаться характеристикой славянской расы; но вмѣстѣ съ тѣмъ не воскликнуть:

«О, какъ подмѣчена, какъ понята и изображена имъ жизнь... Никто не читаетъ въ душѣ человѣка такъ, какъ Толстой!»

Guido Mazzoni.

Л. Міеропъ.
(Голландія.)

ГЕРОИ.

Въ Толстомъ я вижу прежде всего «героя» — человѣка-великана, созданнаго жизнью. Это въ немъ привлекло меня прежде всего и привязало къ нему навсегда. Удивленіе, благоговѣніе, сочувствіе, уваженіе, любовь, почитаніе, чувство духовнаго сродства и еще многое пробудилось во мнѣ къ этому человѣку. — Ибо я видѣлъ въ немъ героя — героя человѣческой жизни. Во всемъ, что онъ говоритъ, во всемъ, что онъ дѣлаетъ, я всегда вижу въ немъ великаго, героическаго человѣка.

Онъ родился героемъ и является героемъ въ каждомъ періодѣ своей жизни, въ каждой работѣ, которую даритъ намъ его личность. Какъ справедливо говоритъ Карлейль: «Герой можетъ быть и поэтомъ, и пророкомъ, и королемъ, и священникомъ, и кѣмъ угодно, смотря по тому, въ какомъ мірѣ онъ родился».

Въ человѣческомъ мірѣ мы встрѣчаемъ время отъ времени непримиримое противорѣчіе между старымъ и новымъ, между тѣмъ, что насаждено преданіемъ, и тѣмъ, что создается новымъ творчествомъ, между уна-

слѣдованной стариной взглядовъ и обычаевъ и молодымъ порывомъ, пробивающимъ новые пути въ мысляхъ и дѣлахъ.

Тутъ надо бороться, чтобы жить. Тотъ, кто принадлежитъ къ большинству, даетъ увлечь себя въ старое русло. Онъ самъ лично мало ощущаетъ борьбу. Но тотъ, кто принадлежитъ къ меньшинству и самъ ищетъ новыхъ путей въ собственномъ направленіи, тотъ стоитъ въ самомъ центрѣ этой борьбы. Въ этомъ смѣломъ порывѣ нужно мужество, чтобы пробиться. — Среди этихъ смѣлыхъ впереди всѣхъ великимъ героемъ стоитъ Толстой.

Онъ предпринялъ борьбу, возстановилъ разумъ и совѣсть противъ всеприниижающей власти преданія, денегъ, церкви и государства.

Онъ былъ великанъ и боролся, какъ великанъ.

Для того, чтобы показать себя героемъ, надо имѣть твердую вѣру.

Толстовская вѣра зиждется на высшемъ «я» въ человѣкѣ.

«Религіозная анархія» кажется мнѣ наиболѣе подходящимъ названіемъ.

Совершенно естественно, что мы всѣ, придерживающіеся одного направленія въ жизни, смотримъ на него, какъ на нашего старшаго брата, и любимъ его. — Онъ, великанъ въ своихъ писаніяхъ, въ мысляхъ, въ жизни, во многихъ отношеніяхъ насъ поддержалъ и подкрѣпилъ жизнью, которая велика любовью.

Мы всѣ чувствуемъ себя призванными къ той же

работѣ, хранимъ въ своихъ сердцахъ искреннюю благодарность за то, что сильный, мужественный, «старшій братъ» нашъ ведетъ ту же борьбу на одной сторонѣ съ нами.

И въ нашей странѣ очень и очень многіе внимательно прислушивались къ тому, что онъ высказывалъ людямъ, прислушивались, захваченные до глубины сердца той правдой, которой такъ проникнуто все, что онъ пишетъ.

Для всѣхъ насъ проповѣди Толстого не пропадали безслѣдно; они испытывали его могучее вліяніе; ихъ жизнь часто потрясалась до основанія, но въ то же время становилась богаче. Исполненные благодарностью, смотрятъ они на востокъ, на героя духа, который снова пробудилъ человѣческое въ человѣкѣ.

Онъ родился героемъ. Онъ останется героемъ и послѣ смерти.

Mierop.

Soest, Holland.

Б. Мироновъ.

СВИДАНІЕ СЪ ТОЛСТЫМЪ.

(Изъ записокъ бывшаго юнкера).

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я дня, когда насъ должны были отпустить изъ юнкерскаго училища на рождественскіе праздники.

Проѣздомъ черезъ Москву я рѣшилъ заѣхать къ Л. Н. Толстому и поговорить съ нимъ о волновавшихъ меня вопросахъ.

Съ этой мыслью я нѣкоторое время почти не разставался; съ нею я ѣхалъ на вокзалъ, съ нею просыпался ночью въ холодномъ нетопленомъ вагонѣ, съ нею же и пріѣхалъ въ Москву.

Здѣсь меня осадили извозчики. Я уговорился съ однимъ изъ нихъ и, усѣвшись въ закрытыя полостью санки, помчался къ Дѣвичьему Полю.

Вечерѣло и морозило. Ѣхали мы очень долго. Наконецъ, добрались до Хамовническаго переулка. Извозчикъ никакъ не могъ разыскать домъ Толстого. Остановившись, по указанію прохожихъ, у деревяннаго забора, за которымъ виднѣлся двухъ-этажный деревянный домъ, я вылѣзъ изъ саней и прочелъ, наконецъ,

на висѣвшей у воротъ дощечкѣ: «Домъ гр. С. А. Толстой».

Но, войдя во дворъ, я не зналъ, куда итти. Невдалекѣ отъ воротъ свѣтилъ огонь въ сторожкѣ. Я направился туда и остановился на порогѣ освѣщенной людской. Меня обдалъ теплый запахъ жилья.

— Дома Левъ Николаевичъ? — громко спросилъ я, никого не видя, но слыша за перегородкой чьи-то голоса.

– Должно — дома, — спокойно отвѣтилъ чей-то голосъ и объяснилъ мнѣ, какъ пройти въ домъ.

Отыскавъ въ темнотѣ ручку дверей, я вошелъ въ переднюю.

Здѣсь никого не было.

Но скоро показался опрятный слуга и спросилъ меня:

— Вы кого желаете видѣть — графиню или графа?

Я сказалъ, что Льва Николаевича, и спросилъ, принимаетъ ли онъ.

— Они не совсѣмъ здоровы нынче, — отвѣтилъ слуга. — Но у нихъ сейчасъ одинъ фабричный сидитъ. Должно — можно. Какъ прикажете доложить?

Я назвалъ свою фамилію.

Слуга поднялся по лѣстницѣ и скрылся за поворотомъ. Не рѣшаясь раздѣваться, пока не выяснится вопросъ, я сталъ осматривать переднюю. Это была небольшая комната съ бѣлой кафельной печкою, возлѣ которой стояло простое зеркало.

Правѣе висѣла зимняя одежда. Я замѣтилъ овчин-

ный полушубокъ и круглую шапочку и рѣшилъ, что это вещи Льва Николаевича... У окна деревянный диванъ. Прямо противъ входной двери неширокая лѣстница, на поворотѣ которой виднѣлось чучело медвѣдя. Правѣе лѣстницы — закрытая дверь въ какую-то комнату, такая же дверь и налѣво отъ входной двери. Отъ всей обстановки вѣяло простотой...

Послышались шаги на лѣстницѣ. Спускался слуга.

— Просятъ васъ къ себѣ, — тихо и учтиво сказалъ онъ.

Я раздѣлся и пошелъ за слугою по лѣстницѣ. Поднявшись, мы вошли въ обширный залъ и, пройдя его, спустились по нѣсколькимъ ступенькамъ въ узкій коридорчикъ.

Слуга шелъ неслышно и, остановившись въ концѣ коридорчика возлѣ двери, указалъ на нее рукой.

— Пожалуйте сюда.

Сердце у меня сильно забилось... Я отворилъ дверь и вошелъ въ небольшую, слабо освѣщенную комнату. Никого не было видно.

— Пожалуйте, пожалуйте! — услышалъ я голосъ.

Я взглянулъ направо и увидалъ полулежащаго на диванѣ въ халатѣ старика, изъ-подъ сѣрыхъ бровей котораго пристально глядѣли на меня зоркіе глаза

Это онъ — Левъ Николаевичъ!

Какой же онъ старый! Я представлялъ его себѣ гораздо моложе. Но блестѣвшіе, пронизывающіе глаза оживляли старческое лицо съ темноватой кожей и сѣдой раздвоенной бородой.

Передъ нимъ горѣла свѣча, а съ правой стороны отъ него сидѣлъ небольшого роста фабричный — плотный, съ небольшой бородой.

Я поздоровался съ хозяиномъ и его собесѣдникомъ и спросилъ:

— Не помѣшалъ ли я вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Садитесь...

— Я, Левъ Николаевичъ, тотъ самый юнкеръ Мироновъ, которому вы писали въ отвѣтъ на его письмо, — сказалъ я.

— Ага! Какъ же вы теперь?

— Плохо, Левъ Николаевичъ. Невмоготу мнѣ моя служба.

— Но если служите, значитъ, можете?

— Служу, потому что нѣтъ другого исхода.

Л. Н. пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Старайтесь не пускать себѣ грѣха въ душу... Недавно я получилъ письмо отъ одного офицера. Тоже спрашиваетъ о военной службѣ. Я написалъ ему, чтобы онъ слушался только голоса своей совѣсти и не мѣнялъ жизни безъ настоятельнаго внутренняго зова. Я не помню, что именно я вамъ писалъ, но въ такихъ случаяхъ я всегда это пишу.

Я передалъ главную мысль его письма, въ которомъ, между прочимъ, говорилось и о куреніи.

— Что же, бросили вы курить? — спросилъ Л. Н.

Я замялся. Я курилъ, но мало и то больше въ компаніи товарищей, когда они настаивали на этомъ. Но я почему-то сказалъ;

— Бросилъ.

— Будто бы? — улыбнувшись и не спуская съ меня глазъ, спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Бросаю... стараюсь бросить... хотя не совсѣмъ еще бросилъ... — поправился я и заговорилъ о томъ, что меня мучило въ то время, т.-е., что хотя я и отошелъ уже отъ той среды, въ которой жилъ, но еще не началъ жить духовной жизнью.

— Да какая же еще духовная жизнь? — сказалъ Л. Н. — Вѣдь вамъ сколько лѣтъ? Лѣтъ 20?

— Девятнадцать.

— Ну, вотъ видите!.. Вы мнѣ вотъ что скажите: если бы васъ подвергли одиночному заключенію или сослали на необитаемый островъ, какъ Робинзона Крузо, могли бы вы тогда жаждать жить?

Я не зналъ, какъ отвѣтить, и проговорилъ:

— Думаю, что могъ бы.

— Какъ же вы достигли бы этого? Ну, я слишкомъ трудный вопросъ вамъ задалъ и самъ отвѣчу на него. Въ такомъ случаѣ можно было бы заняться очисткой самого себя и стараться уйти изъ этой жизни чище и лучше, нежели пришелъ въ нее. Вѣдь это то же, что молитва, когда человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы въ бесѣдѣ съ Богомъ... Бываютъ у васъ такія минуты?

— Бываютъ, Левъ Николаевичъ!.. Иногда бываютъ, но не скажу, чтобы я всегда былъ въ такомъ состояніи.

— Это и невозможно всегда... И я думаю, — продолжалъ Л. Н., — что жизнь человѣка раздѣляется на такіе періоды: ребенкомъ онъ живетъ исключительно

животной жизнью; дальше у него появляется похоть, тщеславіе: ему хочется быть лучше другихъ. Смотрите, молъ, вотъ я каковъ! Навѣрно, и вы это испытывали?

— Какъ же.

— Затѣмъ ему хочется жить уже для другихъ, но похоть въ немъ все еще остается... Наконецъ, въ старости весь смыслъ жизни становится въ Богѣ...

Наступила пауза, я сказалъ:

— Левъ Николаевичъ, я понимаю васъ и откликаюсь на ваше ученіе всѣмъ сердцемъ. Но я никакъ не могу поставить его въ прямую связь съ Богомъ, Котораго представляю себѣ, какъ внушили мнѣ Его съ дѣтства...

— Это понятно, — отвѣтилъ Л. Н. — Но вѣдь Богъ внутри насъ. Для меня, напримѣръ, теперь весь внѣшній міръ представляется безсмыслицей. Для чего вся эта каша: люди родятся, живутъ, умираютъ, опять родятся и т. д.? Вѣдь если даже допустить ученіе, что земля оторванный комочекъ солнца, который отвердѣлъ, покрылся травой, животными, людьми, — то, опять-таки, къ чему все это? А разумъ требуетъ, чтобы все было осмысленно. Вотъ этотъ-то разумъ и есть Богъ... И для меня всегда имѣетъ глубокое значеніе евангельская притча о виноградаряхъ... Какъ виноградари вообразили, что садъ принадлежитъ имъ, и стали жить въ свое удовольствіе.

— Позабыли о Хозяинѣ, — вставилъ фабричный.

— Да, да, — сказалъ Л. Н.

Наступило молчаніе.

— Вы куда жъ теперь ѣдете? — спросилъ Л. Н., обращаясь ко мнѣ.

— Къ отцу.

— А вашъ отецъ чѣмъ занимается?

Я сказалъ и разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ N., съ которымъ Л. Н. былъ друженъ.

— А гдѣ же вы познакомились съ N.? — спросилъ Л. Н.

— Тамъ же, въ нашей мѣстности. Онъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ и, могу сказать, имѣетъ на отца очень хорошее вліяніе.

— Мнѣ N. тоже извѣстенъ, — сказалъ фабричный, — прекрасный онъ человѣкъ.

— Прекраснѣйшій человѣкъ, — проговорилъ съ чувствомъ Л. Н. — И какой умный! Я люблю читать его сочиненія: въ нихъ все такъ ясно.

Наступило опять молчаніе, послѣ котораго Л. Н. спросилъ меня:

— Вы теперь откуда же? Изъ Петербурга? Не слыхали ли вы тамъ о штундистахъ?

Я сказалъ, что ничего не приходилось слыхать.

— А что такое, Левъ Николаевичъ? — спросилъ фабричный.

— Да теперь тамъ судятъ ихъ. И среди нихъ оказываются удивительно убѣжденные люди... Вотъ онъ тоже принадлежитъ къ сектѣ, — сказалъ Л. Н., указывая на фабричнаго. — Какъ вы называетесь: «безпоповцами»?

— Безпоповцами, Левъ Николаевичъ! Мы отрицаемъ поповъ.

Л. Н. помолчалъ и сказалъ:

— Интересно, какъ они освобождаются отъ военной службы: тѣ изъ нихъ, которые подлежатъ призыву, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого начинаютъ мало ѣсть, худѣютъ и достигаютъ того, что ихъ признаютъ негодными къ службѣ.

— Какъ есть высыхаютъ, — вставилъ фабричный...

Я попросилъ Льва Николаевича разъяснить мнѣ, почему нѣкоторые изъ моихъ близкихъ предпочитаютъ, чтобы я увлекался свѣтскими прихотями, нежели его писаніями, хотя въ принципѣ противъ нихъ ничего не имѣютъ, но опасаются какого-нибудь несчастья для меня.

— Можетъ быть, ихъ опасенія и не лишены основанія, — сказалъ Л. Н. — Если бы они видѣли въ васъ человѣка несомнѣнно сильнаго и способнаго стойко перенести всякаго рода лишенія и страданія, то они, можетъ-быть, только уважали бы васъ и не опасались за васъ. А то можетъ случиться, что вы пойдете къ нимъ, — сказалъ Л. Н., указывая на фабричнаго, — начнете жить простой, трудовой жизнью, а затѣмъ вамъ покажется, что тамъ еще больше лжи, чѣмъ въ вашей жизни, да вдобавокъ еще и грязь, и вши, и изжога отъ чернаго хлѣба. И вы скажете: «Ну ее совсѣмъ, эту трудовую, простую жизнь!» Тогда ваше положеніе будетъ, дѣйствительно, ужасное... И такіе случаи нерѣдки. Будете жалѣть о своемъ поступкѣ. А вѣдь нѣтъ

ничего ужаснѣе, когда человѣкъ жалѣетъ о жертвѣ, которую принесъ, — проговорилъ съ чувствомъ Л. Н. — И опять я вамъ скажу: вы уйдете изъ военной службы, но можете совсѣмъ не найти того, чего ищете... Нѣтъ, нѣтъ, не надо мѣнять свою жизнь вслѣдствіе однихъ логическихъ разсужденій. Не надо!.. Иное дѣло, если чего-нибудь требуетъ все наше существо... Вотъ если бы, напримѣръ, мнѣ предстояло пойти на войну или присягнуть, — я бы не могъ этого сдѣлать, положительно не могъ бы, — какъ не могу черезъ этотъ потолокъ выскочить на крышу... Я никогда не забуду, какъ, лѣтъ 20 тому назадъ, меня назначили въ судьи. Я поѣхалъ. Но, когда вошелъ въ залъ суда, когда увидалъ судей, подсудимыхъ и всю картину суда, мнѣ стало очевидно, что я не могу судить.

Л. Н. замолчалъ и затѣмъ обратился ко мнѣ:

— Богъ дастъ, и вы выйдете изъ вашего теперешняго положенія. И даже навѣрное выйдете... Только не одурманивайте себя! И прежде всего — не курите. А какъ вы учитесь? — спросилъ онъ меня черезъ нѣкоторое время.

— Довольно порядочно. Но хотѣлось бы въ свои занятія вкладывать больше души. А не могу: фортификаціи, артиллеріи и больше ничего.

— Но читать вы имѣете же возможность?

— Очень мало, притомъ за день такъ устанешь, что положительно перестаешь соображать.

— Хм!.. — проговорилъ Л. Н., покачавъ головою.

За дверью послышались шаги, и въ комнату вошла

графиня Софья Андреевна. Она остановилась у двери. Мы встали съ фабричнымъ и поклонились. Софья Андреевна привѣтливо отвѣтила намъ и обратилась ко Льву Николаевичу:

— Ты не придешь къ намъ?

— А что? Тамъ есть кто-нибудь?

— Марія Алексѣевна пришла... И Лева хочетъ еще поговорить съ тобою. Ему нездоровится что-то сегодня.

— Хорошо, я приду.

— Какъ ты себя чувствуешь?

— Да ничего сейчасъ.

— А вы, Левъ Николаевичъ, себя плохо чувствуете послѣднее время? — участливо спросилъ фабричный.

— Что дѣлать?.. Не два же вѣка жить? Пожилъ и довольно.

— А я недавно читалъ въ газетахъ, что вы совершенно здоровы и ѣздили туда-то и туда-то.

— Ахъ, газеты ничего не знаютъ и только врутъ,— сказала Софья Андреевна. — Сегодня я получила французское обозрѣніе, и тамъ напечатанъ «портретъ графини Толстой». Просто какая-то полуголая баба. А въ волосахъ все жемчугъ и жемчугъ... Какая-нибудь барыня пожелала, чтобъ ее напечатали, и выдала себя за «графиню Толстую».

А вы читали, Левъ Николаевичъ, въ газетахъ рѣчь Іоанна Кронштадтскаго? — спросилъ фабричный.

— Да... и она мнѣ даже понравилась: какъ это онъ ругалъ — ругалъ меня, а въ концѣ-концовъ все-таки сказалъ: «аминь».

— Но онъ, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ этотъ Іоаннъ Кронштадтскій! — сказала Софья Андреевна. — Говоритъ: «апостолы и пророки чудеса дѣлали, и я, грѣшный, творю чудеса»...

— Мнѣ все-таки тяжело, что онъ имѣетъ на меня зло, — проговорилъ грустно Левъ Николаевичъ.

— А почему онъ имѣетъ на васъ зло? — спросилъ фабричный.

— Вѣроятно изъ-за «Воскресенія», — сказала Софья Андреевна. — Хотя онъ человѣкъ очень мало читающій и мало образованный... Впрочемъ, лично я ничего противъ него не имѣю. Въ голодный годъ онъ прислалъ мнѣ 200 рублей и написалъ очень любезное письмо... Ты сейчасъ придешь? — спросила Софья Андреевна мужа.

— Нѣтъ, немного погодя.

Софья Андреевна повернулась и вышла изъ комнаты.

— Можетъ, Левъ Николаевичъ, вы сейчасъ бы пошли? Можетъ, мы задерживаемъ васъ? — спросилъ фабричный.

— Нѣтъ, ничего, я еще посижу... Я тогда самъ скажу, — проговорилъ дружески Л. Н. — Да... такъ, такъ-то!.. Что жъ, есть юнкера, съ которыми вы дружите, можете по душѣ поговорить? — обратился ко мнѣ Л. Н.

— Нѣтъ, ни одного такого.

— А интересуются они какими-нибудь теченіями или ученіями? Марксизмомъ, соціализмомъ?..

— И въ поминѣ нѣтъ. Только служба, затѣмъ вино...

— И женщины? — прибавилъ Л. Н.

— Да, и женщины... Какъ бы хорошо было, Левъ

Николаевичъ, я часто думалъ объ этомъ, если бы вы подняли свой голосъ объ учащейся молодежи... Передъ нею не ставятъ никакихъ идеаловъ... Воспитаніе самое безбожное...

— Именно безбожное, — подтвердилъ Левъ Николаевичъ. — А вы были религіозны? Это мнѣ очень пріятно слышать, очень пріятно, — сказалъ Левъ Николаевичъ.

Черезъ нѣкоторое время рабочій опять догадался и напомнилъ Льву Николаевичу, что его ждутъ домашніе.

— Тогда простимся, — сказалъ Левъ Николаевичъ и всталъ съ мѣста. — Очень радъ былъ съ вами познакомиться, — обратился онъ ко мнѣ, пожимая мою руку своей крѣпкой горячей рукою.

— Левъ Николаевичъ, — сказалъ фабричный, — я хотѣлъ васъ спросить еще объ одной вещи, да не знаю, хорошо ли это будетъ при молодомъ человѣкѣ.

— Отчего же?.. Я думаю, что можно.

Левъ Николаевичъ стоялъ посрединѣ комнаты, обернувшись ко мнѣ въ полоборота и открывъ свою жилистую старческую шею. Чтобы не мѣшать своимъ присутствіемъ, я вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ помѣщались умывальныя принадлежности.

— Пожалуйте, пожалуйте, Мироновъ! — скоро услыхалъ я голосъ Льва Николаевича.

— Я вѣдь, Левъ Николаевичъ, почему? Я думалъ, какъ бы это не соблазнительно было, — объяснилъ фабричный.

— Да, да, я понимаю. Но нѣтъ, отчего же? Это можно сказать.

Левъ Николаевичъ снова сѣлъ на стоявшее у стѣны кресло и сказалъ:

— Видите ли, въ чемъ дѣло? Вы знаете, какая изъ книгъ Новаго Завѣта была написана первой?.. Нѣтъ? Посланіе апостола Павла. Оно было написано спустя сорокъ лѣтъ послѣ Рождества Христова. У евреевъ было въ обычаѣ писать такія посланія. Извѣстно, напримѣръ, что пророчество Исаіи писали три разныхъ Исаіи, притомъ въ разное время... Все это доказывается въ книгѣ одного нѣмца, которую онъ мнѣ на-дняхъ прислалъ...

— А не можетъ ли это смущать людей? — снова спросилъ фабричный.

— Можетъ быть, и можетъ, — сказалъ Левъ Николаевичъ. — Но что же дѣлать? Если бы меня спросили объ этомъ, я такъ бы и сказалъ...

Я давно интересовался вопросомъ о свободномъ преподаваніи въ школахъ и рѣшился спросить объ этомъ Льва Николаевича. Онъ высказалъ предпочтеніе частному, свободному образованію передъ школьнымъ.

— А какъ же вы сами преподавали въ своей яснополянской школѣ?

— Вотъ и сынъ меня то же спрашивалъ: «какъ это тебѣ разрѣшили свободно преподавать?» А мнѣ и въ голову не приходило спрашивать у кого-нибудь разрѣшенія. Собралъ ребятъ и сталъ ихъ учить.

Съ этими словами Левъ Николаевичъ всталъ.

— Такъ вотъ, — сказалъ онъ мнѣ, — я и теперь скажу то же самое, что писалъ вамъ: Богъ дастъ, все устроится. Вы еще такой молодой, жизнерадостный... Кланяйтесь N — у отъ меня и вашему отцу...

Мы подошли къ лѣстницѣ, ведущей внизъ. Левъ Николаевичъ бодро и легко сошелъ, почти не глядя подъ ноги.

Въ передней онъ еще разъ простился съ нами и скрылся за дверью, за которой слышались оживленные голоса.

Мнѣ было невыразимо грустно разставаться съ нимъ...

Но надо было одѣваться и уходить въ морозную тьму, чтобы ѣхать на вокзалъ и трястись въ поѣздѣ дальше и дальше...

В. Мироновъ.

Е. В. Молоствова.

ВЪ ЧАСЪ ЗАКАТА.

Для человѣка, живущаго духовной жизнью, нѣтъ смерти.

Л. Н. Толстой.

Мы встали изъ-за стола и подошли къ окну. Заря догорала. Садъ былъ полонъ золотистаго свѣта и полугрустныхъ предвечернихъ тѣней.

— Посмотрите на эту елочку, — сказалъ Левъ Николаевичъ, — сажая ее, я говорилъ, что ни за что не доживу до того времени, когда она вырастетъ до линіи горизонта... А теперь — насколько она выше! А я все живу... Да, быстро бѣжитъ время... Быстро... — повторилъ онъ, помолчавъ: — а какъ люди мало думаютъ объ этомъ! Какъ мало вспоминаютъ смерть, которая всегда за плечами... Говорятъ даже, что къ мысли о смерти нельзя привыкнуть. Но это неправда. Если смерть страшна, то причина этого не въ ней, а въ насъ. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ меньше онъ боится смерти, потому что жизнь для него — не видимыя измѣненія въ его тѣлѣ отъ рожденія до смерти, а развитіе того, что одно можетъ дать благо человѣку и что безсмертно—

развитіе въ немъ любви, побѣждающей смерть. И эта работа жизни должна быть непрестанной. И нѣтъ такой минуты, когда бы можно было ее не дѣлать, потому что каждый самый незначительный поступокъ и каждое самое незначительное слово могутъ имѣть необъятное по своимъ послѣдствіямъ значеніе. Этого нельзя знать. Но мы всегда должны помнить одно: что только при любовномъ отношеніи другъ къ другу мы живемъ истинной жизнью...

Левъ Николаевичъ замолчалъ. Глядя на его лицо, озаренное послѣднимъ отблескомъ заката, и думала:

Да, любовь побѣждаетъ смерть. И потому-то Левъ Николаевичъ и безсмертенъ. Тысячи огней зажгутся о великій огонь его души; и придетъ время, когда люди, увѣровавъ въ силу этого огня, не только перестанутъ страшиться смерти, но смогутъ сказать спокойно и радостно то, что онъ однажды написалъ мнѣ:

— Я живу хорошо: что ближе къ смерти, то лучше.

Е. Молоствова.

В. С. Морозовъ.

ИЗЪ ИСПОВѢДИ.

Отъ редактора.

Печатаемые отрывки изъ «Исповѣди» принадлежатъ яснополянскому крестьянину Василію Степановичу Морозову, одному изъ любимѣйшихъ учениковъ Л. Н. Толстого по яснополянской школѣ.

В. Морозовъ, тотъ самый одаренный художественной жилкой крестьянскій мальчикъ Васька, съ которымъ Л. Н. писалъ нѣкогда вмѣстѣ «Солдаткино житье» подъ знаменитой фирмой: «Морозова, Макарова, Толстова». Объ этомъ литературномъ дебютѣ Морозова и писалъ однажды Л. Н.:

«Я чувствовалъ, что для него раскрылся новый міръ наслажденій и страданій — міръ искусства; мнѣ казалось, что я подсмотрѣлъ то, что никто никогда не имѣетъ права видѣть,—зарожденіе таинственнаго цвѣтка поэзіи. Мнѣ и страшно, и радостно было, какъ искателю клада, который бы увидалъ цвѣтъ папоротника,— страшно потому, что искусство вызывало новыя требованія, цѣлый міръ желаній, несоотвѣтственный средѣ, въ которой жили ученики».

В. Морозовъ съ дѣтства ушелъ въ городъ и жилъ въ Тулѣ, въ извозчикахъ, но отъ времени до времени вступалъ въ непосредственное общеніе со своимъ дорогимъ учителемъ.

И вотъ какъ онъ описываетъ въ письмѣ ко мнѣ свое недавнее свиданіе съ Л. Н. Толстымъ:

«Я былъ у Льва Николаевича за справками о своихъ писаніяхъ. Одно писаніе мое онъ одобрилъ, назвалъ прекраснымъ и обѣщался напечатать. О второмъ писаніи онъ даже извѣщалъ, чтобы я побывалъ у него, при чемъ просилъ написать для него воспоминанія о яснополянской школѣ. Ему было нужно кому-то послать. О справкахъ моихъ Л. Н. сказалъ: «У меня былъ С. Я передалъ ему твои писанія, онъ прочелъ. Ему понравилось. Обѣщался исправить и напечатать». Потомъ, кабы спохватясь, Л. Н. взялъ меня за рукавъ и сказалъ: «Пойдемъ, пойдемъ. Мы съ тобой посидимъ». И сталъ передо мною извиняться: «Прости меня, Василій! По старости моей, я виноватъ. Ну, и выругай меня. Вѣдь я перепуталъ, старый дуракъ! Разсказъ твой забытъ мною. Онъ еще не отправленъ. Но я непремѣнно, непремѣнно для тебя устрою. Прости меня, стараго дурака». Такое признаніе Л. Н—ча смутило меня. Но Л. Н—чъ повелъ меня наверхъ, показалъ стенографъ (очевидно — фонографъ) и проговорилъ въ трубу стенографа изъ моего разсказа («За одно слово»). Потомъ прикрылъ и сказалъ: «Ну, теперь ты остался навѣки здѣсь, Морозовъ!» Затѣмъ мы бесѣдовали. Онъ разспрашивалъ о жизни моей, о матеріальныхъ недостат-

кахъ, искренно сочувствовалъ мнѣ и не забывалъ называть себя старымъ дуракомъ...»

Разсказъ «За одно слово», о которомъ говоритъ В. Морозовъ, дѣйствительно пристроенъ Л—мъ Н—чемъ и напечатанъ съ его предисловіемъ въ «Вѣстникѣ Европы». (Сент. 1908 г.).

П. С.

I.

Чудесныя воспоминанія.

Мнѣ не суждено было крестьянствовать и заниматься земельнымъ трудомъ. Я попалъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ городъ.

Первые годы моей жизни въ городѣ были для меня очень тяжелы. За ненахожденіемъ себѣ должности, я сдѣлался босякомъ. Бывалъ голодный, холодный, ютился, гдѣ попадало.

Подчасъ приходилось вспоминать о яснополянской школѣ и плакать, что я пропащій. Зачѣмъ и кому я нуженъ? Будь у меня мать родная, пошелъ бы я въ деревню, но у меня была мачеха. Начнетъ изъ-за меня ссориться съ отцомъ... Онъ не вытерпитъ, еще болѣе напьется.

И дошелъ я до крайности... Звали воровать. Но я рѣшилъ: лучше съ голоду умереть. Думалъ, что со мной будетъ, если слухъ дойдетъ до Льва Николаевича.

Я не послѣднимъ былъ ученикомъ въ его школѣ и гордился, что чѣмъ-то выдавался. Нѣтъ, лучше умереть. Думалъ повидаться со Львомъ Николаевичемъ. Но страшно было. Какъ я пойду къ нему? Я голъ, какъ соколъ, босякъ. Знаю, онъ приметъ меня и будетъ разговаривать любезно. Но потомъ, вѣдь я знаю его ухватку, будетъ порицать меня, почему я не живу въ деревнѣ, а ушелъ развратничать. Онъ ненавидѣлъ городъ. Какъ я буду возражать ему на его порицанія?— Нѣтъ, не пойду до поры, до времени.

Такъ продолжалась моя жизнь и вела меня къ роковой судьбѣ несчастной. Стало невмоготу. И пришла мысль: «Пойду, утоплюсь. Прощай, Левъ Николаевичъ! Прощай, Ясная Поляна! Прощай и ты, дорогая сестра!...»

И я отправился на рѣчку. День былъ жаркій. На рѣчкѣ народу было много. Купались. Шумъ стоялъ, какъ въ торговой банѣ. Сѣлъ я на берегъ, разулся и вспоминаю, какъ когда-то я и всѣ ученики школы въ Ясной Полянѣ во главѣ со Львомъ Николаевичемъ купались въ прудѣ, какъ мы показывали ему свое искусство: прыгали съ берега въ разгонку, плавали, ныряли, перегоняли другъ друга. А Левъ Николаевичъ лежалъ на травѣ, подпершись рукою подъ голову, и смѣялся во весь ротъ, въ особенности когда кто хотѣлъ показать себя, а не выходило.

— «Довольно, довольно, вылѣзайте! — смѣялся Левъ Николаевичъ. — Одѣвайтесь. А то вонъ Мурзикъ совсѣмъ замерзаетъ».

И смотритъ на насъ, перемерзшихъ, какъ руки трясутся у насъ и какъ мы не можемъ попасть скоро въ рукава рубашекъ. Потомъ Левъ Николаевичъ заставлялъ насъ бѣгать попарно кругомъ пруда въ перегонку, кто скорѣе перебѣжитъ мѣсто. Опять смѣхъ. На-послѣдяхъ Л. Н. вскрикивалъ: «Ребята! Кто впередъ добѣжитъ до школы? Ура!» И самъ бросался со всѣхъ ногъ. Мы за нимъ съ крикомъ, съ визгомъ, толкаемъ другъ друга, спотыкаемся, падаемъ, опять бѣжимъ. Но побѣдителемъ всегда оставался Л. Н.

Еще вспомнилось мнѣ, какъ однажды меня купалъ Л. Н. въ рѣкѣ Волгѣ. Мы были въ Самарской губерніи на кочевкѣ у башкирцевъ. Л. Н. пользовался кумысомъ. Разъ ему вздумалось проѣхать по рѣкѣ. Жара была нестерпимая. Мы ѣхали втроемъ по рѣкѣ. Я сказалъ Льву Николаевичу: «Хорошо бы искупаться. Какая тутъ вода чистая! Но боюсь, глубоко». — Ничего, сказалъ Л. Н., — раздѣвайся, мы тебя привяжемъ веревкой, и ты поплаваешь».

Привязали меня на веревку. Я спустился. Но вода была холодная. Я испугался и хотѣлъ вернуться въ лодку, но шутникъ Л. Н. ударилъ веслами по водѣ, и лодка потащила меня на веревкѣ. Я былъ въ страхѣ. «Вотъ оборвется веревка и я утопну, или подкрадется рыба и схватитъ».

Но Л. Н—чъ все смѣялся и говорилъ: «Ну, еще немного». И то подернетъ меня за веревку, то отпуститъ.

Затѣмъ подтащилъ меня на веревкѣ и смѣется:

— Ай, какой ты трусъ!

— Да, трусъ, — говорю я. — Тебя бы такъ привязать да тащить. Вѣдь это не у насъ въ прудѣ. Небось, и ты бы заоралъ.

Л. Н. расхохотался и успокоилъ меня.

Еще вспоминаю, какъ ѣздили мы съ нимъ въ розвальняхъ въ Пирогово. Ѣхать было верстъ 40. Лошадь была хорошая. Но санный путь еще не вполнѣ установился. Пріѣхали къ броду. Что дѣлать? Переѣзжать — рискованно, потому глубины не знаемъ. А объѣзжать много крюку. Мнѣ пришла мысль, я и говорю товарищу Игнату:

— Игнатъ, проѣзжай ты впередъ одинъ.

— Да, да, Игнатъ, — сказалъ Л. Н. — Ты проѣдешь одинъ, подъ однимъ сани не потопнутъ.

А Инатъ и говоритъ Льву Николаевичу:

— Вѣдь лошадь-то твоя. Возьми да самъ и испробовай.

— Игнатъ, ты полегче меня, — говоритъ Л. Н., — подъ тобой сани будутъ плыть, а я потоплю ихъ.

— Нѣтъ, Л. Н., лучше ты умри нынче, а я завтра, — говоритъ Игнатъ.

Л. Н. расхохотался. И опять мы начали разсуждать. Я говорилъ, что лошадью не управлю, Л. Н., что тяжелъ, сани потопитъ, а Игнатъ говорилъ: «умрите вы нынче, а я завтра».

Дѣло наше застряло. Начало вечерѣть. На наше счастье или бѣду подъѣхалъ мужикъ въ розвальняхъ, остановилъ лошаденку, слѣзъ, подошелъ къ броду, посмотрѣлъ и говоритъ:

— Что уперлись? Слѣдъ есть. Валяйте!

Л. Н. сказалъ: — «Намъ мѣсто незнакомо. Поѣзжай передомъ, а мы за тобой».

Но мужикъ отказался и одобрилъ нашу лошадь.

— На вашей лошади я море переѣхалъ бы.

Левъ Николаевичъ предложилъ лошадь мужику, проѣхать бродъ первымъ, но мужикъ сказалъ:

— Лошадь ваша и воля ваша.

И отошелъ. «Молъ, не за ту, братъ, тянешь, оборвешь».

Л. Н. не сталъ болѣе уговаривать мужика и сказалъ рѣшительно:

— Поѣдемте. Слѣдъ есть. Садись, Игнатъ! Берись за вожжи.

Мы установились въ саняхъ.

— Ну, съ Богомъ! Трогай, Игнатъ!

Игнатъ ноокнулъ и чмокнулъ губами. Но лошадь заартачилась и не хотѣла итти съ берега. Мужикъ взялъ ее подъ уздцы, подвелъ къ берегу и стегнулъ кнутомъ. Лошадь шарахнулась и пошла въ бродъ. Но отъ толчка всѣ мы споткнулись — Игнатъ на лошадь, Л. Н. — на Игната, я — на Л—а Н—а.

А мужикъ кричитъ:

— Гоните, погоняйте скорѣй лошадь!

Лошади чуть не закрывало спину водою. Сани опустились, и мы были по поясъ въ водѣ. Но, слава Богу, переѣхали бродъ.

— Теперь скорѣй до деревни. А то мы перемерзнемъ, — сказалъ Л. Н—чъ.

Игнатъ хлестнулъ лошадь, и мы живо покатили.

— Ну, бросайте лошадь, — сказалъ Л. Н. около первой избы, — пойдемъ обогрѣваться.

Въ избѣ былъ старикъ, старуха и молодайка. Л. Н. обратился къ старику:

— Уберите, пожалуйста, нашу лошадь, а намъ дайте мѣстечко обогрѣться. Мы чуть не утонули тутъ у васъ въ броду.

Старуха засуетилась.

— Батюшки вы мои, родименькіе! Полѣзайте же на печку, разувайтесь и скидайте съ себя все мокрое. Тамъ конопля постелена, разгребите и отогрѣвайтесь.

Мы усѣлись на печкѣ и поскидали съ себя все.

— Да вы откуда сами-то будете? — спросила старуха.

— Мы изъ Ясной Поляны, — отвѣтилъ Л. Н., — а ѣдемъ въ Пирогово.

— Знаю, знаю Ясную, тамъ еще учоба. А въ Пирогово вы къ кому ѣдете, къ граху Сергѣй Миколаевичу, на барскій дворъ, или на деревню?

— Къ Сергѣю Николаевичу. Онъ мнѣ братъ.

Старуха отъ этихъ словъ растерялась.

— Охъ, душончикъ ты мой! Скиньте же съ себя все мокренькое.

И старуха достала изъ сундука и подала Л. Н—чу бѣлую рубаху и полосатые портки.

— Накося вамъ, душонокъ! Переодѣнь, переодѣнь сухонькое на себя, а твои я брошу, посушу.

Л. Н. пробовалъ отказаться. Но старуха настаивала.

Л. Н. подчинился и надѣлъ рубаху и портки. Но оказалось, что рубаха была старушья. Однако, Л. Н—чъ принарядился и изображалъ изъ себя по рубахѣ бабу, а по порткамъ — мужика. Мы смѣялись съ Игнатомъ до боли животовъ. А Л. Н—чъ улыбнулся и говорилъ:

— А все-таки сухонькое.

Обсушившись, Л. Н. отблагодарилъ хозяевъ и сказалъ спасибо старухѣ за чистое бѣлье. Черезъ часъ мы уже были у Сергѣя Николаевича, и Л. Н. разсказывалъ брату о нашихъ приключеніяхъ. Всѣ очень смѣялись. Особенно смѣялись надъ Игнатомъ, которому не хотѣлось умереть сегодня, а завтра...

Вспомнилъ я все это на берегу рѣки, и кошмаръ у меня разлетѣлся. Пущай отрицаютъ чудеса. Но я считаю чудомъ это. Воспоминаніе о Л—ѣ Н—ѣ разсѣяло во мнѣ злую мысль о самоубійствѣ.

И это воспоминаніе останется до конца моей жизни...

II.

Учитель.

Я зналъ Льва Николаевича съ шестидесятыхъ годовъ. Я былъ ученикомъ школы въ Ясной Полянѣ, любилъ школу, любилъ и Льва Николаевича. Помню, что у насъ была самая искренняя, дѣтская привязанность къ нему и самая искренняя привязанность была

и Льва Николаевича къ намъ. Это была община, но не принудительная, а община, соединенная связью любви. У насъ не было ревности другъ противъ друга въ томъ смыслѣ, что Левъ Николаевичъ отдавалъ бы что-нибудь отдѣльное одному болѣе, нежели другому.

Такія чувства я вынесъ изъ школы Ясной Поляны. Какъ клеймо Іерусалимское, осталась она у меня на душѣ. И до сихъ поръ я ношу его... Здѣсь я остановлюсь. Не буду описывать подробностей о школѣ, хотя у меня матеріалъ есть и память ясна. И каждую ступень я помню.

Весь мой интересъ теперь, какъ я сталъ понимать Льва Николаевича въ духовномъ смыслѣ.

До восьмидесятыхъ годовъ я жилъ такъ, какъ живутъ всѣ русскіе крестьяне. Я зналъ грѣхи за собою, но зналъ, съ какимъ грѣхомъ къ какому святому обратиться и съ какой жертвой...

Въ восьмидесятыхъ годахъ меня перевернуло. Я какъ бы вольно или невольно сталъ спиною къ прежнему и сталъ прислушиваться къ голосу, давно мнѣ знакомому, учителя Льва Николаевича.

Съ восьмидесятыхъ годовъ стали появляться его книги нравственно-религіознаго содержанія, изданія «Посредника». Не буду перечислять всѣ изданія. Онѣ извѣстны и критикамъ, и искренно любящей читающей публикѣ. Я началъ увлекаться дошедшими до меня этими изданіями, читалъ и перечитывалъ, собиралъ себѣ товарищей, послушать книжнаго писанія. Читающая публика изъ нашей среды простого народа приходила въ

восторгъ. Отъ этихъ чтеній не было недомолковъ въ простомъ народѣ. Каждый чувствовалъ въ своей душѣ что-то липкое и говорилъ: «Эта хороша книжечка. И эта хороша». И между нами стали объясненія на эти книги. Были и цѣнители и выбирали изъ нижечекъ такія слова, которыя примѣнялись къ какому-нибудь человѣку... «Ты, говорили, — настоящій Пахомъ», или: «Этотъ настоящій Елисѣй Бодровъ».

Я былъ самый горячій читатель этихъ книжекъ и тянулъ за собою послѣдователей.

Мнѣ было ясно, что я дѣлаю надъ собой крутой поворотъ. Было замѣтно это и семьѣ моей, отъ которой я получалъ укоризну и поносительныя слова. Болѣе всего приходилось терпѣть отъ семейства, когда я началъ приводить ученіе Евангелія въ исполненіе своей жизни. Меня глубоко поражали книжечки Льва Николаевича, въ особенности «Два старика», которые направились въ Іерусалимъ Богу молиться, одинъ дошелъ до Іерусалима, а второй, Елисѣй Бодровъ, отставшій отъ своего товарища, Ефима Шевелева, накормилъ семейство и спасъ отъ смерти голодныхъ, постигшихъ неурожайнымъ годомъ.

Послѣ этого рѣшеніе моего вопроса становилось для меня легкимъ. И въ Евангеліи я какъ разъ нашелъ слова, сказанныя Христомъ: «Я былъ голоденъ — вы накормили меня, жаждалъ — напоили».

До этого времени я смутно понималъ, какъ накормить голоднаго, давая ему копейку, или, по щедрости, — пятачокъ.

Иногда приходилось такъ дѣлать изъ самолюбія, потому я понималъ себя и воображалъ, что я есть Степановичъ, жертвователь нищимъ. Пятачокъ даю имъ, а рублевку сюда дай... Да, для меня Елисѣй Бодровъ открылъ жизнь внутреннюю. Онъ накормилъ и спасъ отъ смерти голодныхъ, не пошелъ за море искать Христа, а нашелъ его ближе — въ своей душѣ. Я же, величайшій лицемѣръ противъ Бодрова, давалъ копейку нищему. И я думалъ, что копейкой этой служу Богу. Но затѣмъ я сталъ понимать, что не служу Ему, а своей жизнью осмѣиваю Его законъ.

И все дальше и дальше меня затягивали книги. Я какъ голодный, не сразу удовлетворялся этими разсказами. Истинно говорю, у меня аппетитъ былъ такой, какъ у хорошаго работника жажда послѣ усиленныхъ трудовъ. Ни одна брошюра не была прочтена мною одинъ разъ, а много, десятки разъ читалъ я самъ и съ другими. Вся моя жизнь стала представляться мнѣ иною послѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Въ скоромъ времени, съ появленіемъ книжечекъ Льва Николаевича, толки о немъ начались усиливаться въ народѣ.

Какъ бы выростало что-то такое новое и удивительное. И дѣйствительно это было ново для меня и для многихъ.

Стоило только было прислушаться, и рѣчи лились потокомъ все въ сторону Льва Толстого. Каждый су-

дилъ и рядилъ по-своему. Были и хуленія и проклятія. Были и самые признательные ему люди, которые оспаривали враждующихъ и говорили: «Антихристъ не Левъ Толстой, который пишетъ правду, а тѣ антихристы, которые скрываютъ правду».

Изъ этихъ толковъ стало выходить и опасное. Начали уже и преслѣдовать рьяныхъ къ писаніямъ Льва Толстого.

Не смущаясь такими толками и критиками, я все болѣе увлекался книжечками Л—а Н—а и каждое его слово пришивалъ къ своей душѣ. Новые выпуски были запрещены и преслѣдуемы. Но запрещенный плодъ сладокъ. И я дѣлалъ усилія: добивался запрещеннаго; и каждая книга будто была направлена противъ меня и моей плохой жизни.

Такъ ли я понялъ отвѣтъ мнѣ Евангелія, но чувствовалъ, что я уже оторвался отъ прежняго. Былъ край, отъ котораго я отошелъ. Мнѣ нужно было внутреннее усовершенствованіе, которое меня тянуло къ новой жизни; нуженъ былъ другой берегъ. Ужасная борьба была для меня! Я отъ одного берега отошелъ и другого не достигъ. Стою посрединѣ.

Было радостно прочесть книжку «Много ли человѣку земли нужно». Я чувствовалъ себя, какъ Пахомъ, когда онъ хотѣлъ отъ восхода и до заката солнца захватить много земли и тутъ же умеръ, отмѣрилъ себѣ только три аршина. Изо всей этой книжки у

меня оставался въ душѣ вопросъ: «Я тоже Пахомъ?» Бѣгу, обезпечиваю себя. Не получу ли и я обезпечиванія въ три аршина? Доживу ли до солнца восхода — это не дано знать». И схватилъ я, какъ говорится, всего Толстого, все, что выходило изъ-подъ его пера. И всѣ его произведенія казались написаны на одну тему толкованія Евангелія и ученія Христа. Я былъ сытъ, но не совсѣмъ. Мнѣ хотѣлось что-то еще добавить. Остановиться хотя бы на тѣхъ двухъ книжечкахъ. Не итти за море искать Христа... Онъ съ нами и вездѣ. Остановить свою быстроту захвата. Вѣдь человѣку нужно только три аршина. И повѣрить Семену Сапожнику въ книжкѣ «Чѣмъ люди живы». Жена говоритъ:

— «Семъ, а Семъ, какъ намъ быть завтра? У насъ нѣтъ ничего».

Семенъ поддернулъ на себя кафтанъ и сказалъ: «Будетъ-те. Живы будете, и сыты будете», — и заснулъ. И я началъ себя увѣщевать мыслями: «Довольно, Василій, останься безъ добавленія. Достаточно для твоей жизни. Не переѣзжать моря для исканія Бога. Тамъ, гдѣ ты, и есть Богъ».

Тѣмъ и заканчиваю. Теперь у меня бы спросили: «Вѣришь ли ты въ Бога?» Я бы вытаращилъ глаза и сказалъ: „Что ты говоришь? Какъ не вѣровать? Вѣрую“.

Между тѣмъ въ народѣ все разгоралось новое ученіе Толстого, и порицанія, и хуленія, и хваленія.

Но чѣмъ болѣе Толстого порицали, тѣмъ чаще я сталъ заглядывать въ Евангеліе. И мнѣ становилось яснѣе и понятливѣе все. И я чувствовалъ въ себѣ силу, что могъ стать противъ критики отвѣтами изъ ученія Христа. Но, не имѣвши въ себѣ хотя бы малой части добрыхъ дѣлъ, я болѣе умалчивалъ. Изрѣдка, бывало, только выронишь слово въ защиту Толстого, или задушевный его разсказъ. И все-таки меня стали порицать и называть перекувыркой, перешедшимъ въ антихристову вѣру. И если бы я пускался въ споръ, то, думаю, много бы разъ у меня была побита рожа.

Простите мнѣ, смиренные люди, за откровенность моей исповѣди. Произведенія Толстого разбудили спящихъ. И я, и многіе стали протягивать чаще руки къ Евангелію.

Я не заканчиваю свою исповѣдь, а доведу до конца. Я зналъ, когда я былъ ученикомъ школы въ Ясной Полянѣ, учителя Льва Николаевича — и болѣе ничего.

Теперь я понимаю его въ другомъ смыслѣ. И для меня другой Толстой, о которомъ скажу ниже.

III.

Въ Ясной Полянѣ.

Въ 80-хъ годахъ по слухамъ черезъ моихъ товарищей — земляковъ Ясной Поляны — мнѣ стали извѣстны удивительныя дѣла о Львѣ Николаевичѣ: что онъ сталъ простымъ работникомъ, сталъ пахаремъ, кос-

цомъ, сѣвцомъ, дроворубомъ, печникомъ, плотникомъ и сапожникомъ. Вся крестьянская премудрость далась ему, какъ закоренѣлому крестьянину. Разсказы моихъ сотоварищей удивляли меня. Искренный мнѣ другъ и товарищъ по школѣ Игнатъ Макаровъ передавалъ мнѣ въ лицахъ:

— Ты теперь не узнаешь, Морозовъ, какой сталъ Левъ Николаевичъ. Помнишь, какъ мы учились? Хорошъ онъ былъ для насъ, а теперь сталъ еще лучше, и для всѣхъ. Посмотри, какъ работаетъ, какъ пашетъ, какъ коситъ! Да вѣдь ты знаешь его силищу. Вѣдь если плоха лошадь, то его хоть самого запрягай въ соху. Безъ обѣда выходитъ три осминника. И какъ работаетъ съ нами въ деревнѣ! Ни хвори, ни холеры не боится. Вотъ какъ мы его пріучили. Безъ докторовъ лѣчимся... И какъ еще похваливается: «Ахъ, Игнатъ, — говоритъ, — я вчера пріуморился. Но зато крѣпко какъ спалъ». А я ему: «Изъ-за одного сна, Левъ Николаевичъ, слѣдуетъ работать». А онъ: «Да, да, Игнатъ, ты правду говоришь...» Ты бы заѣхалъ, Морозовъ, ко Льву Николаевичу. Онъ былъ бы тебѣ радъ. Онъ часто спрашиваетъ: «Какъ Морозовъ живетъ?» Пріѣзжай, мы вмѣстѣ пройдемъ, почитаемъ и книгъ съ собой возьмемъ. У меня уже много хорошихъ книжекъ.

Я полюбопытствовалъ у друга

— Какія у тебя книги?

— Всѣхъ, — говоритъ, — и не вспомнишь. Вотъ хороша книжечка: «Два старика», «Семенъ сапожникъ».

Потомъ, какъ одинъ захватывалъ землю и околѣлъ. Хорошія книжечки. Пріѣзжай».

Я не открылся Игнату, что читалъ всѣ эти книжечки и какъ онѣ на меня подѣйствовали. Но на душѣ было радостно и легко послѣ бесѣды съ другомъ, который понимаетъ одинаково доброе, какъ и я.

И вотъ собрался я въ Ясную Поляну, чтобы родныхъ провѣдать и со Л. Н. повидаться. Едва успѣлъ я пріѣхать, постановить лошадь, какъ прибѣжала моя восьмидесятилѣтняя тетка и стала разсказывать, какъ ей трудно на свѣтѣ живется.

— Ничего, — говоритъ, — нѣту, ни тычинки. Спасибо, дай Богъ здоровья графу, онъ вступился за насъ, сиротъ: и покосъ намъ убралъ, и навозъ вывезъ, и паръ вспахалъ, и посѣялъ. Дай Богъ имъ здоровья и силушки. Теперь вотъ, посмотри, дворъ намъ перебираетъ. И самъ лѣсъ натаскалъ... Придушилъ бы дворъ, стоялъ еле-еле...

Слушаю я теткинъ разсказъ, и въ головѣ у меня образъ Л — а Н — а представлялся, какъ онъ пашетъ, какъ сидитъ на облучкѣ, какъ возитъ навозъ...

Поговорилъ я съ теткой и отправился на свиданіе ко Льву Николаевичу — плотнику. Но подошелъ не сразу къ плотникамъ, а остановился, чтобы они меня не видѣли, а мнѣ все было видно. И сталъ я любоваться на ихнюю работу. Боже мой, какой сталъ Левъ Николаевичъ! Борода и волосы съ большой просѣдью, морщины, постарѣлъ. Но, смотри, какъ усѣлся на погонную слегу верхомъ и вырубаетъ въ ней мѣсто для перемету.

Рукава рубашки засучены по локоть, грудь разстегнута, оголена, волосы взбудоражены вихрями. Отъ удара топора косицы въ бородѣ такъ и потрясаются. Долото у него за поясъ воткнуто и одна ручная пилка на немъ виситъ. На плетнѣ картузишко парусиновый, не то холщевый, какъ шлюпикъ, тутъ же и утиральникъ съ картузомъ. Похоже, повѣшено вдовой, утирать плотникамъ потъ. На низу стоялъ кувшинчикъ съ питьемъ. Подручный Льва Николаевича тоже тяпалъ топоромъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 28-ми, съ маленькой бородкой и на видъ какъ-будто изнуренный. Головы никуда не поворачивалъ, словно боялся своего старшого. Осмотрѣлъ я все подробно изъ-за угла и подумалъ: «Ахъ, Левъ Николаевичъ. Да не ты ли и есть Бодровъ? На твоей бы бородѣ цѣлый улей пчелъ умѣстился. Да и этотъ твой сподручный, не сапожникъ ли Михайла, что три года жилъ у Семена?»

Долго я стоялъ въ нерѣшимости, а послѣ и пошелъ прямо ко Льву Николаевичу, на ходу снялъ фуражку и сказалъ:

— Здравствуйте, Левъ Николаевичъ! Богъ на помощь вамъ.

Л. Н. поворотилъ голову ко мнѣ, какъ будто недовольный, что я оторвалъ его отъ дѣла.

— Спасибо, — спасибо.

Осмотрѣлся и спросилъ:

— Что вамъ нужно?

— Левъ Николаевичъ, вы меня не узнаете?

И я сталъ волноваться.

— Да кто вы такой?

— Левъ Николаевичъ, я Василій Морозовъ.

— Ахъ, Василій!

Л. Н. воткнулъ топоръ въ слегу узгомъ, перекинулъ ногу и усѣлся бокомъ на слегѣ.

— Василій Морозовъ! Поди сюда. Я тебя не узналъ.

Я подошелъ. Л. Н. протянулъ мнѣ руку.

— Ну, здравствуй, Василій! Ахъ, какъ ты постарѣлъ! Ну, какъ ты поживаешь? Все въ городѣ?

— Да, живу ничего, Л. Н., все въ городѣ.

— Какъ жаль, что ты не живешь въ деревнѣ. Я помню, какой ты былъ мальчикъ въ школѣ. А теперь вотъ ужъ и не узналъ тебя. Ты становишься старикомъ.

И Л. Н. обратился къ своему подручному:

— Вы знаете: это Василій Морозовъ, бывшій мой ученикъ.

— Да, Л. Н., вы разсказывали про Морозова.

— Ну, вотъ этотъ самый и есть Василій Морозовъ.

Человѣкъ съ кроткимъ взглядомъ не спускалъ съ меня глазъ. Л. Н. спросилъ:

— А что, Василій, много у тебя дѣтей?

— Да четверо, Л. Н.!

— Что жъ ты такимъ голосомъ тянешь? Развѣ ты не доволенъ дѣтьми?

— Да нѣтъ, Л. Н.... Я такъ.

— Ахъ, Василій! Я жалѣю, что ты покинулъ деревню. За тебя-то я не боюсь. Ты проживешь и въ

городѣ. Но какъ дѣти твои? Богъ знаетъ, что выйдетъ изъ нихъ? Тамъ развратъ...

И погодя Л. Н. спросилъ:

— А сколько тебѣ лѣтъ, Василій?

— Да вотъ 35 лѣтъ, Л. Н.!

— Я старше тебя на двадцать лѣтъ. Мнѣ 55 лѣтъ.

— Да, Л. Н., но и вы постарѣли, стали уже сѣдѣть...

— Да, да, Василій. Года все бѣгутъ, а добрыхъ дѣлъ мало. Нужно стараться, чтобы не прозѣвать и больше добрыхъ дѣлъ дѣлать. Вотъ, тетка твоя Копылова, что пошла на покосъ, — ей 80 лѣтъ. Отъ дряхлости ей только въ мочь дойти туда. Но она понесла грабли и что-то хочетъ еще сдѣлать необходимое, не хочетъ прозѣвать, а отдаетъ силу послѣднихъ часовъ на благо своимъ внучатамъ или тому, кто пользуется ея восьмидесятилѣтнимъ трудомъ. И я не слыхалъ, чтобы она когда роптала. Ты вотъ, Василій, позаимствуй у твоей тетки Копыловой, какъ нужно жить и не роптать ни на что. А то живемъ мы въ праздности, все стремимся куда-то, достигаемъ какого-то обезпечиванія, забывая, что нынѣ живъ, а завтра въ гробу.

Я стоялъ, какъ статуя, ничего не отвѣчалъ Льву Николаевичу, только старался слушать его. Но онъ оборвалъ рѣчь и перешелъ на вопросъ обо мнѣ:

— А что, Василій, ты читалъ Евангеліе?

— Какъ же, Л. Н., читалъ.

— А какъ ты его читалъ?

Я разсмѣялся на этотъ вопросъ и отвѣтилъ:

— Левъ Николаевичъ, вы смѣшно спрашиваете: «какъ читалъ?» Открою и читаю.

— Вопросъ мой не такъ смѣшонъ, какъ тебѣ показался, — сказалъ Л. Н. — Евангеліе нужно читать такъ, чтобы уяснить, что сказано самимъ Христомъ, а что — апостолами, и стараться болѣе прислушиваться къ ученію словъ Христа: «Любите Бога всей душою и любите другъ друга. Весь вашъ законъ и пророки на этихъ заповѣдяхъ». Вотъ и сущность Евангелія

Л. Н. замолкъ, заложилъ ногу за ногу, вынулъ топоръ и опять воткнулъ. Его что-то безпокоило. Я собрался съ духомъ и возразилъ:

— Вотъ вы, Л. Н., говорите, что нужно читать и жить по Евангелію. Я читалъ Евангеліе не одинъ разъ, а много разъ.

Л. Н. сидѣлъ неподвижно на переметѣ, полуобратившись ко мнѣ и будто какъ не слушалъ моего возраженія. Но я зналъ его школьную привычку и понималъ, что онъ вникаетъ въ мои слова. И я сказалъ:

— Вы вотъ такъ говорите. А въ писаніи сказано, кто прибавитъ или убавитъ изъ Евангелія, тотъ анаѳема, и будетъ проклятъ.

Л. Н. тряхнулъ бородой и съ видомъ жалости посмотрѣлъ на меня.

— Я бы тебѣ, Морозовъ, совѣтовалъ не разбираться далѣе сказанныхъ словъ: «Любите Господа Бога всей душою» и «любите другъ друга». И желать людямъ того, чего желаешь себѣ.

На этомъ словѣ Л. Н. сдѣлалъ удареніе:

— Мнѣ кажется, такая жизнь будетъ безъ проигрыша передъ Богомъ: любить, любить и дѣлать добро. И когда мы сознаемъ эти двѣ заповѣди и усовершенствуемъ ихъ въ себѣ, тогда для насъ не страшны никакія слова и то, что назовутъ анаѳемой. Пущай называютъ... Намъ нужно любить и любить, безъ разбора, всѣхъ и дѣлать добро всѣмъ.

Л. Н. потянулся, расправилъ спину и сказалъ:

— Не пора ли обѣдать, Исаакъ?

— Какъ хотите, Л. Н., — сказалъ подручный. — Вы кончили бесѣду съ Морозовымъ?

— Да, я замѣчаю его несогласіе со мною.

— Нѣтъ, Л. Н., мнѣ нравится, какъ говорите вы и что пишете. Я и всѣ ваши книжки перечиталъ.

Л. Н. опять тряхнулъ бородою.

— Какія же ты мои книжки читалъ?

— «Чѣмъ люди живы?», «Два старика» и другія.

— Ну, что же, тебѣ нравятся онѣ, или нѣтъ?

— Очень даже.

И я ему указалъ на тѣ мѣста, которыя меня затрагивали, разсказалъ, какіе въ городѣ идутъ перебранки противъ него и его книжечекъ.

Онъ сказалъ:

— Что дѣлать, Василій? Надо терпѣть, переносить и молиться за нихъ. Пущай копошатся, какъ хотятъ.

И обратился опять къ Исааку:

— Ну, какъ часы — время?

Исаакъ посмотрѣлъ на плетень и сказалъ:

— Тѣнь вдаряетъ на второе звено — часъ.

Л. Н. посмотрѣлъ на меня съ улыбкой.

— Вотъ какія изобрѣтенія у насъ: часы по тѣни.— Ну, слѣзайте, пойдемте обѣдать.

Исаакъ спрыгнулъ. Л. Н. попросилъ меня воткнуть вилы въ плетень, протянулъ ногу, наступилъ на вилы и слѣзъ на землю.

— Спасибо! Исаакъ — молодой человѣкъ, легко прыгаетъ. А я тяжелъ и старъ. — Ну, до свиданія, Василій! Какъ я радъ, что мы съ тобой побесѣдовали! И буду радъ, если мы съ тобой будемъ чаще видаться и бесѣдовать.

Л. Н. накинулъ какое-то пальтишко на плечи, надвинулъ картузишко на голову и отправился ко двору, къ себѣ на обѣдъ.

Я стоялъ и провожалъ ихъ глазами.

Вонъ пошли плотники — Левонъ и Исаакъ, послѣдній безъ фуражки и босой.

IV.

Бесѣды со Львомъ Николаевичемъ.

Послѣ моего свиданія съ Л. Н. на плотницкой работѣ бесѣда съ нимъ осталась у меня въ памяти. Не буду изъясняться и судить. И безъ меня много толковъ. Что по морю плыветъ, всего не переловишь. Что въ народѣ говорятъ, всего не переслушаешь.

Для меня значеніе графства и сіятельства потерялось. Для меня сталъ яснымъ дядя Левонъ — плотникъ

дядя Левонъ — пахарь, косецъ, печникъ. И слова его насчетъ добра остались во мнѣ. Не прозѣвать бы: время короткое, нынѣ живъ, а завтра въ гробу.

И я привязался ко Л — у Н — у всей душою. И сталъ чаще добиваться свиданія съ нимъ. Но онъ все твердилъ одно и то же: «Любовь и добро». И все расхваливалъ жизнь въ деревнѣ: работу, аппетитъ, сонъ прекрасный. Но мнѣ еще хотѣлось, научиться у него, чего я не могъ разрѣшить, именно о загробной жизни. Объ этомъ я много говорилъ съ знакомымъ старцемъ, который жилъ въ Чулковѣ. Онъ былъ начетчикомъ и съ молодыхъ лѣтъ читалъ разныя книги. А Библію и Евангеліе зналъ наизусть. Не рѣдко у насъ бывали съ нимъ бесѣды, и онъ все высказывалъ желаніе побесѣдовать со Львомъ Николаевичемъ. И я обѣщалъ при случаѣ затащить Л — а Н — а въ Чулково.

Въ первыхъ числахъ ноября мнѣ нужно было ѣхать по кіевскому тракту къ сестрѣ къ празднику. Погода была холодная и заморозокъ, вѣтеръ жестокій. Отъѣхалъ я верстъ 6 отъ Тулы, вижу — по дорогѣ навстрѣчу идутъ два пѣшехода. Ба, да это Левъ Николаевичъ съ какимъ-то мужичкомъ!

Л. Н. въ старомъ пальтишкѣ и кругленькой вязаной шапчонкѣ. Борода у него заиндевѣла и развѣвается на обѣ стороны вѣеромъ. Мужикъ въ русской поддевкѣ, сумочка за плечами и посошокъ въ

рукѣ. Вѣтеръ не даетъ имъ ходу, полы у нихъ раздуваются, и они идутъ противъ вѣтра, какъ-будто лѣзутъ на гору.

Л. Н. наклоняетъ къ мужику голову и о чемъ-то бесѣдуетъ. Мнѣ и пришло въ голову, что вѣдь этотъ случай мнѣ помогаетъ затащить Л. Н. въ Чулково къ моему другу. Я поворотилъ лошадь и преслѣдовалъ за Л. Н. вплоть до города. Здѣсь Л. Н. остановился и сталъ прощаться со своимъ собесѣдникомъ. А я соскочилъ съ пролетки, велѣлъ мальчику ѣхать на квартиру, а самъ подошелъ къ Л—у Н—у.

— Здравствуйте, Левъ Николаевичъ!

— Здравствуйте!.. Ахъ, это ты, Морозовъ? Ну, какъ живешь?

— Ничего, Левъ Николаевичъ... Но, простите меня, я васъ буду просить. Будьте добры — не откажите.

— Что тебѣ нужно, Василій?

— Хочу просить васъ къ моему другу старичку-начетчику, въ Чулково. Ему очень хочется побесѣдовать съ вами. А къ вамъ пріѣхать онъ немощенъ.

— А что ему нужно?

— Какіе-то ему хочется получить отъ васъ отвѣты на вопросы. Будьте такъ добры, Л. Н.! Я обѣщался непремѣнно съ вами притти.

— Скажи твоему другу, что я обѣщаюсь побывать съ тобою въ другое время. А сейчасъ мнѣ, Василій, не время. Я иду къ Давыдову — прокурору. У меня есть дѣло къ нему. Надо справиться.

Но я стоялъ на своемъ.

— Пожалуйста, Л. Н., хоть немного удѣлите времячка.

— А сколько сейчасъ времени, Василій?

Зажигали фонари. Я сказалъ, что 6 часовъ.

— Если ужъ тебѣ такъ желается, то пріѣзжай къ квартирѣ прокурора къ 9-ти часамъ. Мы съ тобой и проѣдемъ къ твоему другу.

Не чуя подъ собою ногъ, добѣжалъ я до Чулкова и сказалъ другу, что приду со Львомъ Николаевичемъ.

Отъ прокурора Л. Н. вышелъ не въ пальтишкѣ, въ которомъ шелъ, а въ енотовой шубѣ. Мы взяли извозчика и поѣхали въ Чулково. По дорогѣ Л. Н. спросилъ:

— Что интересуетъ твоего друга? — Если человѣкъ живетъ хорошо, то я не только въ Чулково, за тысячу верстъ приду и расцѣлую его. Я вотъ иногда ссорюсь со своими. Купили имѣніе и не живутъ съ крестьянами въ ладу. Приказываю, чтобы жили дружнѣе. Говорю: если не хотите съ крестьянами жить по-Божьему, то высасывайте у нихъ кровь послѣднюю, пущай кровь видна будетъ на вашихъ губахъ...

Мы пролѣзли узенькимъ коридорчикомъ. Я велъ за руку Л. Н. и сказалъ ему, гдѣ нагибаться ниже, чтобы не повредить голову. Въ хатѣ у старика было свѣтленько и народу въ достаткѣ. Всѣ сидѣли круж-

комъ по-праздничному, или какъ въ театрѣ дожидаются представленія. Л. Н. разогнулся и сталъ скидывать съ себя шубу. Ему хотѣли помочь. Но онъ сказалъ:

— Не безпокойтесь, я самъ.

Поздоровался со старикомъ, сказалъ всѣмъ: «Здравствуйте» и сѣлъ на свободное мѣсто къ столу, противъ старика; облокотился на столъ и, сдѣлавъ изъ ладони какъ бы козырекъ отъ свѣта, сталъ разсматривать публику. Изъ-подъ густыхъ бровей быстро обвелъ всѣхъ глазами и заговорилъ со старикомъ:

— Это вся ваша семья?

— Да, графъ, только двое чужихъ. А то всѣ мои здѣсь — сыновья, дочери, внуки и внучки.

— А вамъ сколько лѣтъ?

— Да пожилъ, графъ. На восьмой десятокъ пятый годъ.

— Ну, что жъ? Намъ теперь какъ разъ время готовиться къ смерти и уступать другимъ мѣсто.

И Л. Н. опять кинулъ взглядъ на молодыхъ.

— Умирать-то надо, графъ! Но только нужно и приготовить себя, чтобы явиться съ чѣмъ бы туда.

— Да, да. Надо готовить душу. Богъ требуетъ отъ человѣка добрыхъ дѣлъ, а съ добрыми дѣлами и умирать спокойно. Но время бѣжитъ быстро, а мы зѣваемъ. Вотъ я думаю: я, кажется, недавно былъ студентомъ, а между тѣмъ мнѣ уже 65 лѣтъ. Иногда вспоминаешь, что мною сдѣлано для Бога, который меня послалъ въ міръ чистымъ, непорочнымъ? И думается: не такъ я жилъ, какъ слѣдуетъ по ученію

Христа. Все было — праздность, развратъ. Самъ отравлялся и людей отравлялъ своею пошлою жизнью. Хотѣлъ все достигнуть мірского, что мнѣ представлялось хорошимъ. А хорошая жизнь только въ истинѣ, какъ жили мудрецы Сократъ, Эпиктетъ, римскій императоръ Маркъ Аврелій и другіе. Вотъ какъ бы жить нужно и пользоваться ихъ примѣромъ: что Богъ есть Духъ и что въ каждомъ человѣкѣ есть Духъ. И дѣло Его одно. И вѣра Его одна. И любовь Его одна. «Я — Богъ, вы во мнѣ Я въ васъ. Живущій въ Богѣ не умретъ».

Л. Н. остановился и сталъ смотрѣть въ упоръ на молодого человѣка, одѣтаго по-интеллигентному (сынъ старика), какъ бы желая отъ него отвѣта: что ты скажешь?

Молодой человѣкъ полуразвязнымъ тономъ приказчика заговорилъ:

— Такъ точно, Л. Н.! Вы вѣрно говорите. Я вотъ живу въ приказчикахъ. Извините, пожалуйста, украду у хозяина три аршина ситцу, или бархату, или на брюки. И чувствую — я воръ, скрываю свой поступокъ передъ хозяиномъ, вымѣщаю на покупателяхъ, натягиваю на аршинъ, дѣлаю недомѣрокъ, покрываю хозяйскую растрату. Передъ хозяиномъ мы правы. Но передъ покупателемъ чувствуешь грѣхъ. Идешь въ церковь раскаиваться, просить прощенія у Бога. Ну, конечно, свѣчку за ситецъ, за бархатъ, за брюки... Смотря по цѣнности товара краденаго, такую и свѣчку Богу...

И молодой человѣкъ замолкъ. Вижу, Льву Николаевичу понравилось признаніе молодого человѣка. Онъ просіялъ и, наклоняясь въ сторону молодого человѣка, съ улыбкой спросилъ:

— Вы сознаете въ себѣ грѣхъ, когда дѣлаете дурное?

— Конечно. Какъ Богу ни молишься, а все думаешь: «грѣхъ-то съ тобою».

— Это — внутренній голосъ — Богъ, котораго ты и я, и всѣ мы носимъ въ душахъ нашихъ. Онъ-то и говоритъ: «не дѣлайте дурного. Не жертвы я хочу, а милости». Хотя бы ты и 10 свѣчекъ зажегъ, все передъ нимъ меркнетъ. Его свѣтъ и такъ свѣтитъ, обнимаетъ весь міръ и освѣщаетъ тьму...

Старикъ слушалъ невозмутимо, не перебивалъ бесѣду Л — а Н — а съ сыномъ, но видно и съ нетерпѣніемъ ожидалъ. Ему хотѣлось самому начать бесѣду. Левъ Николаевичъ кончилъ разговоръ съ молодымъ человѣкомъ, опять облокотился на столъ и опять обвелъ всѣхъ окружающихъ взглядомъ изъ-подъ руки и обратился къ старику:

— Да, время короткое. Вотъ пробьетъ часъ и насъ не будетъ. И послѣ смерти отъ насъ останется только пустой звукъ.

— Да, графъ, по слабостямъ нашимъ мы не въ силахъ сморить въ себѣ всѣ мірскія дѣла, — сказалъ хозяинъ. — Суета суетъ... Но для спасенія падшихъ Богъ послалъ Сына Своего, чтобы спасти міръ и уничтожить зло. И подражать нужно сподвижникамъ Его

ученій. Просить ихъ нужно. И у насъ, благодаря Творцу, по матушкѣ Россіи много чтимыхъ святыхъ. Напримѣръ: кіевопечерской первопрестольной столицы, мученика Сергія Троицкой Лавры, Воронежскій и Калужскій батюшка Тихонъ... И много еще чудесныхъ, блаженныхъ. Ихними-то молитвами и хлопотами передъ могуществомъ Бога и спасетъ...

Думаю, начнетъ онъ разсказывать про города, про угодниковъ, будетъ описывать каждаго житіе, какихъ лѣтъ, какъ хоронили, какая была церемонія и тому подобное. Это и въ двѣ недѣли не переслушаешь. И я перебилъ разговоръ.

— Иванъ Филипповичъ, вы совсѣмъ не то затянули. Про города, про святыхъ всѣ знаютъ. Мы, кажется, съ вами говорили, что не объ этомъ побесѣдовать...

Старикъ и Л.Н. взглянули на меня. Старикъ укоризненно покачалъ головой и сказалъ:

— Охъ, боюсь угодитъ онъ съ этими словами, гдѣ Макарка телятъ стережетъ. Смотри, Васенька!

Л. Н. вперилъ въ меня острый взглядъ, будто я былъ новичокъ передъ нимъ, а старикъ провелъ пальцами по бровямъ и сказалъ:

— Ну, какіе будете вклады давать этимъ людямъ? Ты свое, они — свое. Какая-то новшена, занесенная западниками: не молиться, не почитать.

Старикъ привсталъ, протянулъ руку, взялъ съ полочки евангелице и, положивъ на столъ, сказалъ:

— Простите меня, графъ, за нѣсколько вопросовъ.

— Ничего, ничего. Очень буду радъ отвѣтить, что знаю.

— Я слышалъ, — сказалъ старикъ, — будто бы вы не ходите въ церковь и не молитесь Богу?

— Да, я не хожу въ церковь. Но Богу я молюсь.

— Какъ же вы молитесь, графъ, если не вѣрите въ церковь, которая основана апостолами? Вѣдь вы когда-то слыхали, какъ дьяконъ провозглашалъ: «Міромъ Господу помолимся». А хоръ пѣвчихъ подымаетъ: «Господи, помилуй». И какое потрясеніе въ человѣкѣ дѣлается, а отъ этихъ словъ и пѣнія! Невольно душою подымаешься съ молитвою къ Богу...

Л. Н. сказалъ:

— И въ театрѣ человѣкъ иногда подымается душою къ какому-то богу. Но мнѣ это не по душѣ. Моленіе мое не въ церкви, а внѣ ея, въ самомъ себѣ, внутренно. Посмотрите, въ Евангеліи сказано: «взойди въ клѣть свою, помолись втайнѣ, и Богъ дастъ тебѣ явно». Вотъ какъ я понимаю. Такъ и дѣлаю. Такъ и молюсь.

Л. Н. посмотрѣлъ на старика и сказалъ:

— Если вамъ хорошо знакомо Евангеліе, прочтите бесѣду Христа у колодца съ самарянкой.

И Л. Н. привелъ нѣсколько текстовъ евангельскихъ. Старикъ не отвѣтилъ возраженіемъ на тексты Евангелія, а сказалъ другое:

— Еще, графъ, одинъ вамъ вопросецъ.

— Пожалуйста! Что хотите?

— Вы вѣрите въ загробную жизнь?

— Это намъ не дано знать. Тѣмъ болѣе въ смыслѣ

адовъ, смолы, истязаній. Вѣдь вотъ если бы ваши дѣти и внуки передъ вами провинились, неужели вы будете вымѣщать имъ это, придумывать наказанія, разжигать котлы со смолою, оловомъ и ввергать прогрѣшившихъ въ котлы на вѣчное мученіе? Скажите, согласитесь вы смотрѣть на такое мученіе вашихъ дѣтей?

Старикъ закрылъ ладонями глаза.

— Что вы? Богъ съ вами! Какъ это можно смотрѣть на такое мученіе?

— Тѣмъ болѣе Богъ не можетъ, въ Которомъ болѣе жалости и любви, нежели въ насъ. Какъ же Онъ будетъ наслаждаться вѣчной мукой своихъ дѣтей?

Старикъ зашевелился. На лицѣ показалась радость.

— Спасибо, спасибо, графъ! Вы разрѣшили вопросъ. Я тоже такъ понималъ: за что Богъ будетъ мучить своихъ дѣтей?..

Я посмотрѣлъ на часы и сказалъ Л—у Н—у, что уже время поспѣшать на желѣзную дорогу.

— Да, да, Василій! На Козловкѣ меня будетъ ожидать лошадь.

Л. Н. всталъ и началъ прощаться со всѣми.

Ему подали шубу. Онъ одѣлъ ее и сказалъ:

— Не люблю такой одежды. Это мнѣ навязалъ прокуроръ, а моя осталась у него.

И мы ушли.

Какое впечатлѣніе оставилъ Л. Н. послѣ себя, не знаю. Дорогой онъ только спросилъ меня, довольно ли я знакомъ со старикомъ и хорошо ли знаю его сына? Я сказалъ.

Послѣ этого сталъ я чаще навѣщать Л—а Н—а. И, какъ ученикъ, когда пишетъ письмо, спрашиваетъ у знающаго, гдѣ поставить точку, запятую или знакъ восклицанія, а знающій, по содержанію письма, указываетъ мѣсто, такъ и мы привыкли къ Л—у Н—у ходить бесѣдовать, узнавать знаки. И чѣмъ больше ходили, тѣмъ больше тянуло къ нему.

Пошли мы однажды трое крестьянъ. Идемъ паркомъ, разговариваемъ между собою, какіе у кого вопросы. Погода была хмурая. Дождичекъ мелкій разсѣивалъ, какъ ситомъ. Идемъ и говоримъ, какъ вдругъ намъ навстрѣчу Л. Н. съ зонтомъ. Идетъ съ деревенской бабой, наклоняясь къ ней вмѣстѣ съ зонтомъ, и что-то говоритъ ей. Поровняясь съ нимъ, мы остановились. Л. Н. поздоровался съ нами и каждаго назвалъ по фамиліи.

— Идите, идите, пожалуйста. Посидите на террасѣ. Я сейчасъ ворочусь. Только провожу. Смотрите же, не уходите.

Л. Н. пошелъ съ бабой, а мы усѣлись на террасѣ. Спустя нѣсколько минутъ Л. Н. возвращается, идетъ быстрыми шагами, проходитъ мимо насъ и на ходу говоритъ:

— Я сейчасъ.

Затѣмъ возвратился и усѣлся съ нами. И началась серьезная бесѣда.

Л. Н. обратился ко мнѣ первому и началъ журить, что я живу въ городѣ, а не въ деревнѣ.

Меня его слова задѣли за живое, и я сказалъ:

— Вы только заладили, Л. Н.: «въ деревнѣ хорошо, хорошо». И я скажу: «хорошо, если по-Божески, а намъ житье въ деревнѣ выходитъ по-дьявольски».

— Что ты, Василій, хочешь сказать?

— А вотъ что: приду въ деревню и стану жить. У меня шесть сыновей, дочери, братъ. Семейка веселенькая, а землицы сколько у насъ? У насъ двѣ души, обрѣзокъ тридцатка. Ну, пришелъ я дѣлать по-Божески. А что дѣлать? Земли мало, а ѣдоковъ много. Хлѣбушка себѣ не хватитъ, а сколько нужно еще и на распылъ.

— На какой распылъ?

— А я разскажу: подати нужно. Это — разъ. Старшинѣ, писарю, старостѣ... Это — два. Урядникъ, сотскій, становой, исправникъ, земскій. — Это — три. Школа, ремонтъ, дрова, учитель, попъ... А тутъ еще причислены два престольныхъ праздника. И бабамъ надо одежду справить, и обуться нужно. И то, и другое, и третье... Что жъ дѣлать въ деревнѣ? Вотъ и придумываешь, какъ налаживать колеса, чтобы къ графу дубы воровать да въ Тулу ихъ отправлять. Ушелъ — Богъ унесъ. А поймали — графъ проститъ. Такъ вотъ, въ деревнѣ добра тоже можетъ быть мало, какъ и въ городѣ. Теперь и рѣшайте, какъ хотите.

Л. Н. пожалъ плечами и обратился къ моему товарищу.

— Зачѣмъ же такія обязанности брать на себя, о которыхъ говорилъ Морозовъ? Вѣдь стоитъ только хорошимъ людямъ одуматься и сбросить ту тяжесть, ко-

торая давитъ плечи. Вотъ Морозовъ наговорилъ цѣлую кучу ненужныхъ расходовъ на «распылъ».

— Да вѣдь если не платить во всѣ учрежденія, что же будетъ?— спросилъ я. — Вѣдь тогда все распродадутъ и отберутъ послѣднюю землю...

Но на этихъ словахъ нашей бесѣдѣ помѣшали. Ко Льву Николаевичу пріѣхали новые посѣтители.

Подобныхъ бесѣдъ съ Л. Н. было много. Я почти всегда ходилъ къ нему съ какимъ-нибудь товарищемъ.

Въ годъ тяжелаго времени со мной познакомился одинъ ссыльный революціонеръ. Я не причастенъ къ смутѣ, къ той или другой сторонѣ. Но насъ соединили книги Льва Николаевича. Онъ прочелъ ихъ, бросилъ свое товарищество и перебрался ко мнѣ на квартиру. И прожили мы въ хорошихъ отношеніяхъ. Однажды рѣшили пойти ко Л—у Н—у.

Онъ былъ дома и сидѣлъ на террасѣ. Было много гостей. Товарищъ мой былъ въ студенческой формѣ. Онъ нерѣшительно шелъ за мною. Дойдя до террасы, онъ прислонился незамѣтно. Л. Н. облокотился обѣими руками на перила террасы, голова лежала на обѣихъ рукахъ, а борода закрывала ему все лицо. Онъ быстро насъ замѣтилъ. Я не успѣлъ поздороваться съ нимъ, какъ онъ спросилъ:

— Морозовъ, ты — революціонеръ?

Много глазъ смотрѣло на меня.

Я отвѣтилъ:

— Что вы, Л. Н.? Куда мнѣ быть революціонеромъ?

Я отживаю свой вѣкъ. Вотъ молодые и тѣ стали отъ этого отпадать. — И я указалъ на своего товарища.

Л. Н. какъ мячикъ вскочилъ и сказалъ:

— Сейчасъ, Морозовъ, я съ вами пройдусь.

Мы обогнули домъ и пошли по дорожкѣ садомъ. Мы шли по бокамъ, онъ въ серединѣ, наклоняясь то къ одному, то къ другому и дотрагиваясь рукой до плечъ. Онъ кротко разспрашивалъ товарища о его ссылкѣ. Товарищъ передалъ ему, за что онъ былъ сосланъ, т.-е. какъ онъ говорилъ о грѣхѣ убійства, а его обвинили, будто онъ пропагандировалъ между солдатами.

Л. Н. сказалъ:

— Если вы такъ говорили, то прекрасно. Вы только подтверждали слова заповѣди Христа. Ну, а вы не совращали солдатъ въ сторону революціи?

— Нѣтъ.

— А какъ же вы познакомились съ Морозовымъ?

— Я только у Морозова могъ достать ваши книги и поселился у него. Мы вмѣстѣ читали и бесѣдовали.

— Я радъ, что вы вмѣстѣ живете.

— Л. Н., — сказалъ я. — Мнѣ очень понравилась одна ваша книга. Я читалъ, какъ стали вѣшать одного осужденнаго... забылъ фамилію, кажется, Сологубова... Очень трогательны сказанныя имъ слова палачу, когда тотъ подходилъ къ нему съ веревкой: «Неужели тебѣ не жалко меня?». «Много васъ такихъ», отвѣтилъ палачъ. И сдѣлавши свое дѣло, палачъ пошелъ домой,

Но его не покидали слова, сказанныя Сологубомъ. «Неужели тебѣ не жалко меня?» Слова эти мучили его. И къ вечеру онъ напился пьяный, распродалъ и роздалъ свои вещи, пошелъ къ начальнику и сказалъ: «Я не буду болѣе давить людей. Мнѣ жалко». И запилъ во всю, пропилъ весь послѣдній пожитокъ. Вотъ какія мнѣ нравятся слова изъ книгъ, — сказалъ я Л—у Н—чу.

— Да, да, Морозовъ, такія слова искренняго человѣка мягкостью своей души убиваютъ зло въ другомъ человѣкѣ. Такъ и намъ съ тобой, старикамъ, нужно жить и учить молодыхъ людей добру. Мнѣ вѣдь скоро 80 лѣтъ. А какъ мало я сдѣлалъ добрыхъ дѣлъ! Надняхъ я получилъ письмо отъ молодого человѣка изъ Манчжуріи. Онъ проситъ совѣта стать ему на поприще писателя, чтобы поучать людей. Не странно ли: 17—18-лѣтній мальчикъ хочетъ поучать міръ, не познавши самого себя!

И Л. Н. обратился къ молодому человѣку:

— А вы читали «Кругъ Чтенія»?

— Нѣтъ, Левъ Николаевичъ!

— А ты, Морозовъ?

— Тоже нѣтъ.

— Это премилая книга. Подождите, я вамъ дамъ.

И Л. Н. вынесъ много книгъ.

— Вотъ вамъ «Кругъ Чтенія». Пожалуйста, читайте каждый день. А вотъ въ этой книжечкѣ — письмо къ китайцу... Это—Генри Джорджа о земельномъ вопросѣ... Это — крестьянина Бондарева... Прекрасная кни-

жечка. А вотъ это, — сказалъ Л. Н., тряся книжечкой, — письмо Льва Толстого къ крестьянину.

Мы поблагодарили Льва Николаевича и, попрощавшись съ нимъ, пошли. Онъ въ догонку крикнулъ намъ:

— Не забудьте же «Кругъ Чтенія» читать каждый день.

В. Морозовъ.

Тула. 1907.

Луи Моротъ.
(Испанія).

ДУША ЭПОХИ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1905 года, прибывъ въ Россію, я имѣлъ счастье познакомиться съ Толстымъ и бесѣдовать съ нимъ...

Пріѣхалъ я въ Ясную Поляну въ одиннадцатомъ часу утра.

Сани остановились около небольшого крыльца. Наконецъ-то!

Но я чувствую, что меня охватываетъ волненіе, какого я еще никогда не испытывалъ. Сознаніе, что я сейчасъ предстану предъ настоящимъ великимъ человѣкомъ, лишило меня самообладанія...

Одна изъ дочерей графа Толстого проситъ меня подождать, пока ея отецъ будетъ въ состояніи принять меня. По утрамъ онъ пишетъ и не любитъ прерывать свою работу...

Наконецъ, меня зовутъ наверхъ. Мы поднимаемся, проходимъ черезъ огромную столовую и входимъ въ рабочій кабинетъ писателя.

Вотъ и Толстой!

Я жму ему руку и всматриваюсь въ его черты.

Съ длинной сѣдой бородою онъ напоминалъ скорѣе крестьянина, нежели знатнаго барина. Но чистота и порядокъ въ одеждѣ (темная блуза и бѣлая рубаха) — устраняютъ мысль о крестьянствѣ. Ввалившіеся глаза на загорѣломъ лицѣ говорятъ о глубокихъ думахъ и пребываніи на воздухѣ.

По временамъ въ глазахъ Толстого вспыхивалъ огонь, но не прежній огонь «Казаковъ», а огонь христіанской любви.

Въ рабочемъ кабинетѣ Толстого, около письменнаго стола — портретъ Генри Джорджа, автора книги «Прогрессъ и бѣдность». Эта книга посвящена Толстому.

Толстой принялъ меня очень привѣтливо и сейчасъ же началъ разспрашивать меня объ Испаніи:

— Много ли у васъ соціалистовъ и кто они? Сколько анархистовъ? Въ какихъ газетахъ и журналахъ они пишутъ? Поддерживаетъ ли ваша газета нужды рабочихъ? и т. п.

Я посильно отвѣчалъ на эти вопросы.

Толстой заговариваетъ о своихъ анархическихъ идеяхъ и объ общечеловѣческомъ мирѣ. Ссылаясь на Испанію, которую онъ знаетъ по исторіи, Толстой говоритъ, что душу испанскаго народа можно найти въ произведеніяхъ испанскихъ писателей.

— Интересуетъ меня Испанія, — говорилъ онъ, — и въ ея современномъ видѣ. Главный и жгучій вопросъ Испаніи, какъ и вездѣ, — земельный...

Толстой прерываетъ рѣчь и предлагаетъ мнѣ раздѣлить его скромный завтракъ.

Онъ продолжаетъ говорить, а я съ благоговѣйнымъ чувствомъ слушаю его.

— Все, что относится къ аграрному движенію, — говоритъ онъ, — все, что заключается въ соціальномъ вопросѣ, составляетъ мое занятіе въ Россіи и за границей. Европа меня интересуетъ не своими политическими организаціями, ни партіями, ни революціей, которая можетъ вспыхнуть изъ-за политическаго принципа, но всѣмъ тѣмъ, что относится къ земельному вопросу, потому что земля должна принадлежать всѣмъ и никому. Изъ всѣхъ событій, которыя произошли въ Испаніи за послѣдніе годы, болѣе всего поразили меня безотвѣтная жизнь крестьянъ Хереса и возникшее возстаніе съ «Черной рукой». Вотъ тѣ всемірные вопросы, которые смываютъ границы и являютъ дѣйствительность Востока и Запада. И что бы ни сдѣлала власть парламента или деспотизма, земельная проблема останется всегда во всей своей жгучести... Русскій крестьянинъ, освобожденный еще только отъ внѣшнихъ цѣпей, протягиваетъ руку черезъ десятки тысячъ верстъ вашему несчастному работнику подъ знойнымъ южнымъ солнцемъ... Соціализмъ—это только ступенька большой лѣстницы Іакова въ человѣческомъ стремленіи къ истинному прогрессу. Если же понимать соціализмъ, какъ его понимаютъ теперь въ Европѣ, то онъ остановитъ и затормозитъ освобожденіе рабочихъ. Вообразите только, что соціализмъ, вышедшій изъ

принциповъ коммунистовъ и воздвигнутый въ ученіе, обратится въ борьбу противъ власти, въ экспропріацію господствующаго класса, чтобы увѣковѣчить жестокую борьбу за «мое» и за «твое» между народомъ и отдѣльными личностями!.. Соціализмъ Международнаго Общества Рабочихъ, имѣющаго главой Бакунина, увлекающагося въ безумныхъ мечтахъ за борьбу противъ власти, за голосованіе при выборахъ, за присутствіе при обработкѣ гражданскихъ законовъ, которые вѣдь чѣмъ болѣе будутъ внушены соціалистами, тѣмъ долговѣчнѣе закрѣпятъ соціалъ-буржуазную организацію... И что станетъ со старыми послѣдователями всемірнаго братства, которые, отрицая власть и насиліе, будутъ все-таки, какъ члены парламентовъ, участвовать въ обсужденіи военныхъ и морскихъ бюджетовъ? Гдѣ будетъ проповѣдуемое равенство, разбивающееся на рабочихъ конгрессахъ криками бѣшенства и взаимными противорѣчіями? Можно только отчаиваться, видя такой прогрессъ въ стремленіи къ идеалу любви и мира... Нѣтъ, нѣтъ, всѣ эти политическіе и эволюціонные процессы правъ, голосованій и выборовъ будутъ имѣть только одинъ результатъ — приручить и закабалить наибольшую часть рабочихъ, лишивъ ихъ когтей и зубовъ. Соціализмъ, господствующій теперь, есть только ближайшій постъ къ революціи, окруженный во время битвы непріятельскимъ войскомъ — буржуазіей...

Толстой воодушевляется и возвышаетъ голосъ.

— Каждое столѣтіе имѣетъ свою проблему въ исто-

ріи человѣчества. XIX-й вѣкъ разрѣшилъ вопросъ о рабствѣ, уничтоживъ это зло, существовавшее въ Россіи, Америкѣ, Африкѣ и не исчезнувшее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до сихъ поръ. Теперешній вѣкъ долженъ разрѣшить вопросъ о земельномъ рабствѣ. Въ 1902 году я писалъ царю, что въ каждый періодъ человѣческихъ жизней есть ближайшая ступень осуществленія лучшихъ формъ жизни. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ такой ближайшей ступенью было уничтоженіе рабства. Въ наше время такая ступень есть освобожденіе рабочихъ массъ отъ того меньшинства, которое властвуетъ надъ ними, — т.-е. то, что называется рабочимъ вопросомъ. Въ Западной Европѣ достиженіе этой цѣли считается возможнымъ черезъ передачу заводовъ и фабрикъ въ общее пользованіе рабочихъ. Вѣрно или невѣрно такое разрѣшеніе вопроса, и достижимо ли оно или нѣтъ для западныхъ народовъ,— оно, очевидно, непріемлемо въ Россіи, какова она теперь. Въ Россіи огромная часть населенія живетъ на землѣ и находится въ полной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, освобожденіе рабочихъ, очевидно, не можетъ быть достигнуто переходомъ фабрикъ и заводовъ въ общее пользованіе. Для русскаго народа такое освобожденіе можетъ быть достигнуто только уничтоженіемъ земельной собственности и признаніемъ земли общимъ достояніемъ, — тѣмъ самымъ, что уже съ давнихъ поръ составляетъ задушевное желаніе русскаго народа, осуществленіе чего онъ все еще ожидаетъ отъ русскаго правительства... И вѣрю, что мы

увидимъ, если Богъ продлитъ нашу жизнь, что человѣчество еще освободится отъ теперешняго безсословнаго земельнаго рабства, дѣлающаго однихъ господами земли, а другихъ рабами. И тщетны всѣ учредительныя собранія и конвенты, объявляющіе декларацiи человѣческихъ правъ, до тѣхъ поръ, пока трудъ рабочаго будетъ кормить собственника земли, а земля будетъ представлять замаскированное рабство...

— Великая реформа уничтоженія частнаго владѣнія землей имѣетъ въ нашей, русской исторіи глубокія традиціи. О чемъ всегда говоритъ крестьянскій «міръ»? Какъ возникла община? Всѣ эти идеи существуютъ у насъ съ первыхъ же страницъ нашей исторіи... А развѣ самыя лучшія эпохи процвѣтанія не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не совпадали съ коллективнымъ владѣніемъ землей?.. Да и какая можетъ быть другая исторія человѣчества, кромѣ борьбы за землю? Народъ процвѣталъ или приходилъ въ упадокъ, смотря по тому, кто управлялъ землей, одно или нѣсколько лицъ. «Демократія» — ложь и «республика» — фарсъ, если существуютъ родовыя имѣнія и частная земельная собственность. Почему существовалъ феодализмъ? Отъ какихъ причинъ происходили всѣ войны, начиная отъ древней Индіи, Ассиріи, Карѳагена, Рима и др. и кончая трансваальской и русско-японской войной? Изъ-за земли и ради земли, превращающей человѣка въ волка... Россія приготовлена болѣе, чѣмъ какая другая страна, къ соціальной реформѣ... Я знаю, что многіе, смотрящіе на исторію человѣчества, какъ

на размѣщеніе симметрическихъ фигуръ, не согласятся съ моими взглядами. Говорятъ: «Необходимо слѣдовать примѣрамъ Франціи и Англіи развитіемъ парламентаризма»...

Но какъ-будто причина соціальнаго зла устранена во Франціи или въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя тамъ управляетъ не одинъ, а множество... И ваша прекрасная страна — Испанія — должна будетъ оплакивать еще долгіе годы свои гражданскія мечты, похороненныя на Антильскихъ и Филиппинскихъ островахъ. Сколько жертвъ и ради чего? Говорятъ, что теперешнія войны не тѣ, какими были раньше. Но измѣнились только формы зла, а не само зло. И лавровый вѣнокъ попрежнему есть въ то же время и терновый вѣнецъ для народа-побѣдителя. Мы, русскіе, въ войнѣ съ Японіей потеряли очень много, какъ и испанцы. Но развѣ японцы пріобрѣли благо и свободу? Увеличилась ли сумма счастья въ Японіи послѣ ея побѣды? Не думаю. И ошибка Японіи есть та же самая, что и ошибка Германіи или Соединенныхъ Штатовъ. Ошибка состоитъ въ достиженіи цѣли — насиліемъ. И конецъ этой ошибки будетъ одинаковый съ концомъ всѣхъ странъ, жившихъ насиліями...

* * *

Толстой дѣлаетъ перерывъ и приглашаетъ меня сопровождать его на прогулкѣ. Мы садимся въ экипажъ. Онъ правитъ лошадью и знакомитъ меня съ живопис-

ными окрестностями Ясной Поляны. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ говоритъ, какъ бы продолжая прерванную рѣчь:

— Насиліе еще никогда не разрѣшило ни одной серьезной проблемы и не подвинуло человѣчества ни на одинъ шагъ впередъ. Терроръ существуетъ въ Россіи годами. Но развѣ онъ хоть немного уменьшилъ нужду рабочихъ и число кнутовъ, гуляющихъ по спинѣ народа? Единственное спасеніе человѣчества — въ идеѣ братства. Путь прогресса одинъ и тотъ же для всѣхъ народовъ. Онъ былъ тотъ же и для Испаніи, которая, вмѣсто того, чтобы воевать сначала съ колоніями, а потомъ съ Соединенными Штатами, должна была бы присоединиться къ Америкѣ и въ братскомъ единеніи работать на общую пользу...

Толстой дѣлаетъ паузу. Лицо его обвѣяно грустью. Черезъ минуту онъ заговорилъ тихо и сосредоточенно, точно на исповѣди:

— Совершеннаго человѣка еще нѣтъ. Его надо создавать... И развитіе формъ общежитія можетъ быть достигнуто только развитіемъ человѣка. Я, говорящій вамъ противъ войны, на которую я смотрю, какъ на ужасное бѣдствіе, я почти рыдалъ при извѣстіи о сдачѣ Портъ-Артура...

И, выяснивъ передо мною полную невозможность никакого прогресса, пока человѣчество не проникнется христіанскими принципами, Толстой закончилъ горячей надеждой, что побѣда, въ концѣ-концовъ, все-

таки останется на сторонѣ Христа, и земля сдѣлается общей.

Стало вечерѣть. Мы вернулись въ Ясную Поляну. Было морозно. Но я не чувствовалъ холода, какъ бы согрѣтый близостью съ Толстымъ... Надо было уѣзжать. Когда мы прощались, Толстой поцѣловалъ меня, я ему руку!..

Слава же ему—мудрецу и сѣятелю добраго сѣмени, изъ котораго вырастаетъ правда по всей землѣ. И чествуя его, какъ душу нашей эпохи, мы способствуемъ его великой миссіи, подавая надежду обездоленнымъ: часъ освобожденія приближается...

Luis Morote.

Madrid,
1908. VII.

И. Ф. Наживинъ.

О ЛЬВѢ НИКОЛАЕВИЧѢ.

(Изъ личныхъ впечатлѣній.)

Въ суровый осенній вечеръ — 1-го сентября 1901 г.— я впервые подъѣзжалъ къ бѣлѣвшимъ башнямъ у въѣзда въ яснополянскій паркъ. Мысль, что еще нѣсколько минутъ, и я увижу Л. Н. Толстого, дорогого мнѣ еще со школьной скамьи учителя, приводила меня въ такое смущеніе, что я готовъ былъ сказать ямщику, чтобы онъ повернулъ обратно...

Но достаточно было нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ со Львомъ Николаевичемъ, чтобы почувствовать себя хорошо и тепло.

Только что оправившійся отъ тяжелой болѣзни, Л. Н. казался сильно похудѣвшимъ и усталымъ. И мнѣ трудно передать мое первое впечатлѣніе: я ждалъ встрѣтить что-то необыкновенное... а предо мною былъ сухенькій, сгорбленный, сѣдой старичокъ, съ беззубымъ, шамкающимъ ртомъ. Особенно это старческое шамканье поразило меня...

Онъ заговорилъ о своей болѣзни, о близости смерти... А на лицѣ его была ясная — ясная улыбка.

— Вотъ сегодня, на прогулкѣ, — сказалъ онъ,—чувствую вдругъ, что мнѣ нехорошо, что сердце какъ-будто останавливается... Это у меня теперь бываетъ. Присѣлъ на поваливщуюся березу, сижу. «Вотъ, вотъ она», — думаю. И сперва жутко стало. А потомъ хорошо и легко. Но это была еще не смерть, а только предупрежденіе. Смерти я не зову, сказалъ онъ потомъ,— но и не бѣгу отъ нея. Христіанинъ не долженъ и не можетъ бояться смерти, — этого перехода отъ временнаго къ вѣчному.

Я спросилъ Льва Николаевича, надъ чѣмъ онъ въ данное время работаетъ. Онъ отвѣтилъ:

— Только что кончилъ небольшую статью о положеніи рабочаго народа. Я стараюсь въ ней показать, что рабочій, борясь противъ капиталиста и ненавидя его, самъ въ сущности, въ душѣ капиталистъ: онъ готовъ перебить кусокъ хлѣба у товарища, готовъ раздавить его, стать надъ нимъ... Представится случай, и онъ самъ станетъ такимъ же, какъ и тотъ капиталистъ, котораго онъ ненавидитъ. Для того, чтобы рабочимъ избавиться отъ зла, нужно, чтобы они воспитали въ себѣ другого человѣка, христіанина...

Во время бесѣды Льву Николаевичу принесли большую пачку писемъ. Тутъ были письма съ разныхъ концовъ міра. Было и нѣсколько иностранныхъ газетъ, замазанныхъ цензурной краской, Левъ Николаевичъ усмѣхнулся:

— Какъ замазали!.. Видно, боятся, чтобы я не испортился...

Среди писемъ было одно отъ молодого болгарина, отказавшагося, изъ христіанскихъ убѣжденій, отъ военной службы. На неправильномъ русскомъ языкѣ онъ сообщалъ о своемъ пребываніи въ тюрьмѣ (онъ и писалъ изъ тюремной больницы), о своихъ душевныхъ страданіяхъ въ связи съ страданіями, которыя вызвалъ его поступокъ въ семьѣ: болѣзнь матери, умственное разстройство отца и пр. Но, несмотря на все это, онъ остался вѣренъ требованію своей совѣсти и заканчивалъ письмо теплыми словами по адресу Льва Николаевича.

— А вотъ письмо отъ одного врача — профессора, — сказалъ съ улыбкой Л. Н. — Онъ убѣждаетъ меня, что безсмертіе — это вздоръ и что наша душа въ концѣ-концовъ представляетъ лишь химическую формулу, H_2O... или какъ тамъ? Онъ совѣтуетъ мнѣ, чтобы поправиться, ѣсть устрицы, цыплятъ, пить мадеру и т. д. Вкусныя все вещи!..

* * *

Послѣ моего знакомства съ Л. Н. мнѣ приходилось не разъ бывать въ «Ясной Полянѣ» и отъ времени до времени обращаться ко Льву Николаевичу письменно съ различными наболѣвшими вопросами.

Привожу нѣкоторые отрывки изъ его писемъ, представляющіе, какъ мнѣ думается, и общій интересъ.

«Рѣшить вашего вопроса не могу, отвѣчалъ Л. Н. на одно изъ моихъ писемъ. — Знаю только, что ищущій

духовнаго блага находитъ его: оно всегда въ нашей власти. Исканіе его есть уже обрѣтеніе его. А мнѣ кажется, что вы искренно ищете его. То, что вамъ кажется, что вы идете назадъ, лучше, чѣмъ, если бы вамъ казалось, что вы быстро идете впередъ. Для меня есть только одна жизнь: служеніе Богу и людямъ черезъ само самосовершенствованіе или совершенствованіе (себя) черезъ служеніе Богу и людямъ; и потому, какъ бы далекъ я ни былъ отъ того, чѣмъ я хотѣлъ бы быть, я не могу не желать жить тою жизнью, которую я призналъ...

«То же и для всѣхъ людей, если они поймутъ, въ чемъ жизнь.

«Не робѣйте и не уставайте; сначала и опять сначала». (1901 г. IX).

«...Хорошо то, что вы пишете о томъ, какъ люди начинаютъ быть лишаемы воздуха и солнца, но лучше всего то, что вы пишете про себя, про свое душевное состояніе. Это особенно радуетъ меня... Это душевное состояніе я знаю, потому что испытывалъ его; оно дастъ истинное, неотъемлемое благо...

«Вы спрашиваете, почему невозможно, по моему мнѣнію, исполненіе задуманной вами работы? *) Невозможно написать біографію, исторію, жизнь Іисуса потому, что то, что мы знаемъ изъ этой жизни, есть самое высокое въ духовной области изъ всего, что мы можемъ знать. Его слова, его ученіе есть то божествен-

---

*) Большой трудъ о Христѣ.—Н.

ное откровеніе, которое черезъ Него стало намъ доступно. Для того, чтобы описать Его жизнь, надо объяснять источникъ, изъ котораго возникло это. Какъ же я могу сдѣлать это, когда я только еле-еле понимаю то, что Онъ сдѣлалъ это для меня доступнымъ, открылъ мнѣ? Я не только не желалъ бы прибавить подробности о жизни Христа, но желалъ бы откинуть и тѣ, которыя есть...» (1903 г. XI, 1).

«Оба вопроса ваши... мнѣ очень близки. Я самъ себѣ отвѣтилъ на нихъ и, можетъ быть, вы прочтете эти отвѣты когда-нибудь, теперь же отвѣчу кратко, надѣясь, что вы поймете и неполно выраженное. Все живо и во всемъ живетъ одно, и все отдѣлено одно отъ другого. Предки каждаго существа и насъ самихъ познаются нами, какъ вещество въ пространствѣ и движеніе во времени. Каждое существо есть органъ Бога и не только отдѣльно, но есть особенное, единственное въ своемъ родѣ существо и можетъ производить единственную, только ему свойственную работу. Отъ этого мы своимъ высшимъ существомъ и противимся убійству и тому, что ведетъ къ нему. Кромѣ того, когда мы страдаемъ за страданія другихъ — мы большею частью невольно обманываемъ себя, думая, что страдаемъ за заставляющихъ страдать. Мы страдаемъ за нарушеніе закона единенія, къ которому стремится все, и страданія указываютъ намъ на это нарушеніе и вызываютъ въ насъ борьбу съ нимъ для установленія единенія любви.

«Второй вопросъ я для себя разрѣшилъ такъ: за-

конъ жизни есть уясненіе, расширеніе, просвѣтлѣніе сознанія того вѣчнаго начала, которое есть въ каждомъ существѣ. Съ болѣе высокихъ ступеней сознанія, наблюдая жизнь существъ, стоящихъ на низшей ступени, ихъ дѣйствія, представляющіяся для нихъ добрыми, для высшаго сознанія представляются зломъ, т.-е. борьба съ болѣе темнымъ сознаніемъ возможна только черезъ свѣтъ, черезъ все большее и большее просвѣтлѣніе своего сознанія. И потому справедливо, что если бы не было зла, т.-е. темноты, то не было бы добра, свѣта...» (1904 г. I, 19).

«...Какъ всегда — радъ получить ваше письмо, но, простите меня, письмо это ваше меня огорчило. Въ немъ я увидалъ недоброе отношеніе къ людямъ, — осужденіе. И, кромѣ того, — неясность и внутреннее противорѣчіе. Вы пишете о томъ, какъ должно быть исполнено ученіе Христа, а потомъ говорите, что самое важное то, чтобы въ настоящемъ, въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя вступаешь съ человѣкомъ, руководиться только любовью. Если это такъ (а я думаю, что это такъ), то нельзя впередъ опредѣлять форму христіанской жизни. Служеніе Богу и людямъ — любовь, это тотъ клубокъ, который въ сказкѣ волшебница даетъ юношѣ, чтобы онъ шелъ туда, куда, разматываясь, покатится клубокъ.

«Такъ и въ жизни итти надо туда, куда поведетъ разматывающійся клубокъ любви, а куда онъ приведетъ, мы знать не можемъ, а если будемъ воображать, что знаемъ, то собьемся съ дороги...». (1904 г. II, 27).

«...Я думаю, что вы ошибаетесь, полагая, что христіанство, т.-е. религія имѣетъ какія-либо внѣшнія цѣли и что о нихъ можно судить по мѣрѣ достиженія или недостиженія этихъ представляющихся намъ общихъ цѣлей. Христіанство, истинное христіанство, по моему мнѣнію, тѣмъ и отличается отъ религій, — которыя можно назвать общественными, какъ католичество, — православіе, магометанство, я думаю даже: конфуціанство, что оно обращается къ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, разрѣшаетъ его вопросъ жизни, указываетъ ему его назначеніе, состоящее въ исполненіи воли Бога, въ сліяніи въ ней своей воли, въ служеніи для Бога Богу и людямъ, и тѣмъ даетъ ему спокойствіе и благо. Правда, что одно изъ невольныхъ подтвержденій христіанской истины и какъ бы маленькое поощреніе къ ней состоитъ въ томъ, что исполненіе воли Бога—лучшее, что можетъ сдѣлать для себя человѣкъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществляетъ царствіе Божіе. («Царствіе Божіе внутри васъ есть»). Но сущность христіанства и то, что привлекаетъ къ нему и даетъ истинное благо, не въ этомъ внѣшнемъ осуществленіи царства Божія, которое никогда вполнѣ не осуществится, а къ которому человѣчество всегда будетъ приближаться (какъ асимптота къ кривой), а въ томъ, что жизнь человѣка въ этомъ мірѣ, въ короткій срокъ этой жизни, получаетъ вѣчный радостный смыслъ.

«Такъ вотъ и я думаю, что человѣкъ, понимающій такъ христіанство, никакъ не будетъ думать о томъ.

что дѣлаютъ другіе, хорошо ли это или дурно, приближаетъ ли это на его близорукій взглядъ осуществленіе царства Божія, или отдаляетъ, а зная то, что его задача и смыслъ жизни состоитъ въ работѣ надъ той одной частью міра, которую составляетъ его тѣло, будетъ дѣлать всѣми силами это дѣло, вполнѣ увѣренный, что обѣщанное царство Божіе наступитъ, хотя и не такъ, какъ онъ воображаетъ (царство Божіе наступитъ невидимымъ образомъ), но непремѣнно наступитъ. Содѣйствовать же ускоренію этого наступленія онъ будетъ только работая надъ собой, гдѣ все въ его власти, и сердиться и упрекать никого не будетъ, кромѣ себя, которому всѣ упреки всегда во благо». (1904 г. III, 17).

«... О забываніи въ себѣ Бога я не огорчаюсь, потому что, поглядѣвъ назадъ, вижу, что было время, когда я никогда даже и не вспоминалъ Его. Вѣдь въ этомъ жизнь, чтобы замѣнять сознаніе своей личной жизни сознаніемъ Бога. И потому этимъ огорчаться не надо...»

«О воспитаніи можно много сказать, но мнѣ очень понравилось то, что сказалъ объ этомъ, кажется, Эмерсонъ, что самое важное вызвать въ ребенкѣ сознаніе его божественной природы, заставить наклюнуться этотъ ростокъ...» (1905 г. II, 22).

«... Спасибо вамъ... за письмо и за трогательныя свѣдѣнія о Куртышѣ. Не могу жалѣть его. Могу только радоваться и бояться...»

«То, что вы недовольны своей жизнью, только хо-

рошо. Когда истинно хочешь итти по прямой дорогѣ и видишь свое уклоненіе отъ нея, то неизбѣжно выйдешь опять на нее. Романъ вашъ, вѣроятно, много мѣшалъ, и я радъ, что вы его кончили. Я давно уже думалъ, что эта форма отжила, — не вообще отжила, а отжила, какъ нѣчто полезное. Если мнѣ есть что сказать, то не стану я описывать гостиную, закатъ солнца и т. п. Какъ забава, невредимая для себя и другихъ, — да. Я люблю эту забаву. Но прежде на это смотрѣлъ, какъ на что-то важное...» (1906 г. IX, 25).

«Спасибо вамъ... что помните обо мнѣ и сообщаете такія радостныя извѣстія. Помогай имъ Богъ*). Впрочемъ, всѣ слова, которыя сказаны Куртышемъ, суть выраженія не мыслей и чувствъ Куртыша, а проявленіе Бога. (Заключенный въ тюрьму Куртышъ сказалъ, что онъ не только не сердится за это на начальниковъ, но жалѣетъ ихъ и буетъ молиться, чтобы ихъ Богъ просвѣтилъ).

«Все яснѣе и яснѣе сознаю послѣднее время, что жизнь не счастливая, а блаженная, какъ это вѣрно подраздѣляетъ Фихте, достигается только замѣной своей воли волей Бога, предоставленіемъ Ему жить черезъ тебя. Испытываю это временами и чаще, чѣмъ старше и ближе становлюсь къ тому таинственному, новому состоянію, которое мы называемъ смертью. Желаю вамъ этого единственнаго блага. Только держите себя открытымъ и чистымъ для продолженія чрезъ васъ воли Бога,

*) А. И. Иконникову и Ив. Марк. Куртышу, заключеннымъ въ тюрьму.

и вы перестанете быть недовольнымъ собою, за что я васъ не осуждаю, а жалѣю...». (1906 г. X).

«... Только отрѣшиться хорошенько отъ славы человѣческой, установить твердыя, всегда чувствуемыя отношенія съ Богомъ, съ хозяиномъ моей жизни, хорошенько, вполнѣ отказаться отъ осуществленія какихъ бы то ни было желаній, хорошенько проникнуться великимъ словомъ: «fais ce que doit, advienne que pourra», или по-русски: «человѣкъ ходитъ, Богъ водитъ», и не будетъ заботы о томъ, Закхей я, или Будда. Я, Толстой, или Наживинъ, хочу только одного, истинно хочу дѣлать Его волю, а что выйдетъ изъ моего хотѣнія, — не мое дѣло. Все это ясно, когда есть полная искренность. Если же я не только Закхей, но фарисей въ глазахъ людей, то это только тѣмъ лучше, чтобы я устанавливалъ свое отношеніе съ однимъ Богомъ. Не представляйте себѣ никакого своего внѣшняго положенія, а только какъ можно чаще, особенно при сношеніяхъ съ людьми, отъ жены до генералъ-губернатора и нищаго, вспоминайте, кто вы, что вы обязаны, не обязаны, а что вамъ истинно хорошо для вашего блага дѣлать, и вы будете совершенно спокойны: можетъ быть, вырѣжете свое мясо для голодной тигрицы, а можетъ быть будете сажать яблони и ѣсть яблоки въ своемъ саду. Говорю вамъ отъ всей души, по опыту, милый другъ! Главное, хорошенько отрѣшиться отъ заботы о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ. Посылаю вамъ письмо С—ого. Я прослезился, читая его...» (1906 г. XI, 14).

Вотъ это письмо:

«...Я теперь чуть не съ каждымъ днемъ все дальше ухожу отъ политики и начинаю уже бояться, что не слишкомъ ли далеко ушелъ отъ нея. Мнѣ начинаетъ казаться, что критика и правительства, и революціонеровъ, и духовенства, да пожалуй и, вообще, всякая критика — дѣло не христіанское.

«Указывать человѣку его ошибки можно только тогда, когда любишь его, когда не имѣешь никакой другой цѣли, какъ только помочь ему освободиться отъ нихъ, когда критика проникнута такимъ доброжелательствомъ, которое должно обезоружить его. Только такая критика несомнѣнно полезна, такъ какъ не можетъ озлобить ни того, ни другого. Вообще намъ надо не критиковать другихъ, а всѣми силами отдаваться положительной работѣ — уясненію и проведенію въ жизнь высшей истины, которая уже сама, безъ нашего вѣдома, будетъ освѣщать всѣ окружающія заблужденія, при чемъ этотъ свѣтъ будетъ встрѣчать при этомъ наименьшее сопротивленіе. Однимъ словомъ, я все болѣе прихожу, къ тому, что надо забыть рѣшительно о всякой политикѣ и всѣ силы сосредоточить на томъ, чтобы постоянно растить въ себѣ любовь ко всѣмъ людямъ, особенно къ врагамъ. Любовь — это безконечная сила, надо только сумѣть воспитать ее въ себѣ. Я даже не знаю, можетъ ли быть такой злодѣй, который устоялъ бы передъ тобой, у котораго бы поднялась рука на тебя, если только онъ живо почувствуетъ, что ты его любишь, осуждаешь его только ради его же

пользы. Я не знаю, какъ далеко зайду въ этомъ направленіи, но чувствую, что все больше расхожусь даже съ самыми мирными политиками, знаю, что имъ это уже совершенно станетъ непонятно, и все-таки радуюсь, такъ какъ чувствую, что подхожу къ чему-то гораздо болѣе важному, прекрасному и несомнѣнному. Мнѣ кажется, я все больше подхожу къ вѣрѣ въ чуждую всякой политикѣ, всепрощающую и всепобѣждающую любовь. И я чувствую, что тутъ открываются такія возможности, предъ которыми блѣднѣетъ все, что я прежде зналъ, чему придавалъ значеніе. Такъ, напримѣръ, анархизмъ, которымъ я раньше интересовался, или даже джорджизмъ кажутся мнѣ теперь такой маленькой частицей той огромной истины, что все спасеніе вълюбви, въ отказѣ отъ всякой собственности, вражды, насилія. Но неужели такъ и ограничиться проповѣдью (конечно, прежде всего личнымъ примѣромъ) одной любви? Неужели такъ и не указывать людямъ на все безуміе ихъ жизни и на возможныя, хотя и частичныя улучшенія ея? Пока я такъ отвѣчаю себѣ на этотъ вопросъ: да, старайся всѣ силы сосредоточить на любви и отклоняйся отъ этой высшей дѣятельности лишь постольку, поскольку чувствуешь себя неспособнымъ къ ней, поскольку тебѣ измѣняютъ духовныя силы, поскольку утрачиваешь вѣру въ всепобѣждающую любовь...»

Дальше Л. Н. продолжаетъ:

«... Вполнѣ понимаю, какъ непріятно (не хочу сказать: больно), что трудъ большой и задушевный, пред-

назначенный для людей, не дошелъ еще (а, можетъ быть, и совсѣмъ не дойдетъ) до нихъ. Но во всякомъ настоящемъ трудѣ (а такимъ считаю вашъ) послѣдствія несомнѣнныя и всегда благотворныя всегда для самого трудящагося. Такъ это для васъ, и примиритесь съ этимъ. Примиреніе съ этимъ — другое благотворное послѣдствіе...» (1907 г. IV, 24).

«... Я — странно сказать — что дальше живу, то все лучше и лучше мнѣ. Казалось бы, некуда больше, а все лучше...» (1908 г. III, 9).

«... Для насъ съ вами не можетъ быть вопроса о томъ, что важнѣе всего на свѣтѣ: мы знаемъ очень хорошо, что важнѣе всего то, чтобы не нарушать любви. А о томъ, насколько нарушается любовь тѣмъ или другимъ поступкомъ, есть ли возможность выйти изъ извѣстнаго положенія, не нарушая любви, — это знаетъ тотъ, кому предстоитъ это испытаніе....»

«... То, что вы пишете о моемъ ужасномъ юбилеѣ, навѣрное не такъ тяжело для васъ, какъ это тяжело для меня. Я дѣлаю все, что могу, чтобы прекратить это, но вижу, что я безсиленъ....» (1908 г. III, 12).

* * *

Въ кругу семьи я видѣлъ Льва Николаевича и веселымъ и сильно разстроеннымъ (какъ послѣ ужаснаго 9-го января), и нездоровымъ, но всегда, неизмѣнно, въ его обращеніи со всѣми была ласка, теплота и терпимость.

Всегда ясно чувствовались два совершенно различныхъ міра: міръ богатой великосвѣтской семьи и міръ мудреца-христіанина. Но черезъ пропасть, раздѣляющую эти два міра, перекинутъ золотой мостъ любви. Только разъ, помню, Левъ Николаевичъ во время оживленнаго разговора о Генри Джорджѣ, волнуясь, замѣтилъ одному изъ спорщиковъ:

— Чѣмъ больше человѣкъ говоритъ, тѣмъ меньше онъ знаетъ, и наоборотъ.

Но тутъ же, сейчасъ быстро спохватившись, Л. Н. притихъ. И, когда общій разговоръ перешелъ на другой предметъ, тихонько, со своей милой улыбкой, сказалъ:

— Вотъ видите, и прорвался. И поневолѣ вспомнишь Паскаля, который носилъ всегда поясъ съ гвоздями: какъ только почувствуетъ, что идетъ не туда, прижметъ его локтемъ, гвозди уколятъ тѣло, и боль сейчасъ же отрезвитъ и напомнитъ, что надо дѣлать...

И весь вечеръ послѣ этого Л. Н. былъ со всѣми особенно кротокъ и ласковъ...

Но какъ ни кротко сноситъ Л. Н. тяжесть богатой обстановки, все же иногда онъ выражаетъ тоску по иной жизни.

— Вотъ сегодня, — разсказывалъ онъ, — встрѣтилъ на шоссе одного странника. — Немножко развѣ помоложе меня. Былъ въ Кіевѣ, теперь идетъ къ Серафиму Саровскому, а тамъ думаетъ къ Тихону Задонскому пройти. Кормится тѣмъ, что подадутъ ради Христа, иногда работаетъ. И видно, что на душѣ у него спо-

койно, свѣтло, хорошо, — это рѣдко теперь бываетъ, теперь всѣ недовольны, всѣ набаловались жаловаться. Идемъ съ нимъ по дорогѣ, разговариваемъ, и я думаю: вѣдь вотъ живетъ же человѣкъ. Чѣмъ же я-то хуже его?..

И на глазахъ Л—а Н—ча заблестѣли слезы.

Въ другой разъ Л. Н. за общимъ обѣдомъ разсказывалъ, какъ однажды зашелъ къ нему въ Москвѣ сынъ извѣстнаго Сютаева, тверского крестьянина, имѣвшаго, по словамъ самого Льва Николаевича, большое на него вліяніе.

Послѣ бесѣды сынъ Сютаева сталъ собираться домой...

— А было уже поздно, — говоритъ Левъ Николаевичъ. — Я оставляю его ночевать, но онъ жмется и отказывается.—Что такое? Почему?—«Да, признаться,— говоритъ, — Левъ Николаевичъ, въ банѣ давно не былъ. Очень вошь замучила». — Ну, вотъ, — говорю,— пустяки какіе. Оставайся. Я очень буду радъ, если въ моемъ домѣ рабочая вошь заведется.

* * *

Былъ однажды Л. Н. на вокзалѣ въ Тулѣ.

Подлетаетъ курьерскій поѣздъ. Изъ вагона 1-го класса выскакиваетъ какой-то господинъ и торопливо бѣжитъ къ буфету. Черезъ секунду на площадкѣ показывается молодая женщина и кричитъ: «Жоржъ, Жоржъ!..» Но Жоржъ исчезъ.

— Дѣдушка, сбѣгай, пожалуйста, вороти того господина, — обращается встревоженная дама ко Льву Николаевичу, — я тебѣ на чай дамъ.

Левъ Николаевичъ нашелъ Жоржа и привелъ его къ дамѣ. Та подала пяточокъ за трудъ.

Въ это время послышались голоса:

— Смотрите, смотрите: — Толстой!

— Гдѣ, гдѣ Толстой? — спрашиваетъ дама.

Ей показываютъ на Льва Н—ча. Она соскакиваетъ съ площадки и подбѣгаетъ къ нему.

— Ради Бога, графъ, простите... Мнѣ такъ совѣстно... Пожалуйста, простите....

И сконфуженная дама проситъ возвратить ей пятачокъ.

— Э, нѣтъ, пятачка я не отдамъ, — говоритъ весело Левъ Николаевичъ. — Я его заработалъ...

Раздается третій звонокъ. И растерянная въ конецъ барыня исчезаетъ въ вагонѣ...

* * *

Въ мартѣ 1907 года мнѣ пришлось присутствовать на занятіяхъ Л—а Н—ча съ крестьянскими дѣтьми. Занятія эти состояли въ томъ, что онъ разсказывалъ дѣтямъ изъ Евангелій, а потомъ заставлялъ ихъ пересказывать. Главная цѣль этихъ занятій была — составленіе «Круга Чтенія» въ примѣненіи къ дѣтямъ. Объ этихъ своихъ занятіяхъ Л. Н. иногда не могъ говорить безъ слезъ и часто повторялъ:

— Дѣти приходятъ заниматься, и я учусь съ ними...

На одномъ изъ такихъ уроковъ и посчастливилось присутствовать мнѣ. Чтобы не смущать дѣтей, мы — я и домашній докторъ Ясной Поляны, Д. П. Маковицкій,— сидѣли тихонько въ сосѣдней комнатѣ, дверь которой Левъ Николаевичъ оставилъ нарочно полуоткрытой. Поговоривъ о Евангеліи, Левъ Николаевичъ, какъ-то къ слову, началъ разсказывать дѣтямъ легенду:

— Жилъ въ старину въ пустынѣ одинъ отшельникъ и проводилъ все свое время въ молитвѣ. И пошелъ онъ разъ къ своему наставнику, еще болѣе благочестивому отшельнику, и спросилъ его, что онъ могъ бы еще сдѣлать, чтобы заслужить передъ Богомъ. И послалъ его наставникъ въ сосѣднюю деревню, къ мужикамъ, которые всегда приносили пищу ему.

— Поди къ нимъ, — сказалъ старецъ, — поживи съ ними денекъ: можетъ быть, и научишься у нихъ чему-нибудь....

Пошелъ отшельникъ въ деревню, къ мужикамъ, — видитъ, всталъ со сна мужикъ, пробормоталъ; «Господи!» и скорѣе за работу. И такъ проработалъ мужикъ до вечера, а вечеромъ, вернувшись съ поля, опять только пробормоталъ: «Господи!» и скорѣе спать.

И вернулся отшельникъ къ старцу, и говоритъ:

— Нечему у нихъ поучиться.... Они и Бога-то всего два раза въ день вспомнили, утромъ да вечеромъ....

Взялъ тогда старецъ чашу, налилъ ее до самыхъ краевъ масломъ и подалъ отшельнику.

— На, — говоритъ, — возьми эту чашу и за день

обойди съ ней вокругъ деревни, да такъ, чтобы ни одной капли не пролить....

Взялъ отшельникъ чашу, ушелъ и вечеромъ воротился.

— Ну, хорошо... — сказалъ старецъ. — Теперь скажи мнѣ, сколько разъ за день ты о Богѣ вспомнилъ?

— Ни одного... — смутившись, отвѣчалъ отшельникъ. — Я все на чашу глядѣлъ, пролить боялся...

— Ну, вотъ видишь, — сказалъ старецъ. (Голосъ Льва Николаевича осѣкся и задрожалъ). — Ну, вотъ видишь: ты только о чашѣ думалъ и то Бога ни разу не вспомнилъ, а онъ, мужикъ-то, и себя кормитъ, и семью, да еще и насъ съ тобою въ придачу, онъ два раза Бога вспомнилъ....

И растроганный Левъ Николаевичъ съ трудомъ договорилъ послѣднія слова, вѣрнѣе: ихъ договорили дѣти, эти маленькіе мужики, сумѣвшіе воспринять легенду съ особенной душевной чуткостью....

* * *

Изъ посѣщеній «Ясной» особенно помнится мнѣ одно, бывшее вскорѣ послѣ 9 января 1905 г.

Мы съ женой и однимъ художникомъ-народникомъ застали Льва Николаевича одного за завтракомъ. На столѣ стояла печеная картошка, печеная рѣпа и размазня изъ гречневой крупы.

Онъ уже слышалъ о томъ, что произошло въ Петербургѣ, и былъ, видимо, очень разстроенъ слышан-

нымъ. Со мной было письмо отъ одного изъ свидѣтелей петербургскихъ событій. Я прочелъ это письмо Льву Николаевичу и разсказалъ, что слышалъ по этому поводу.....

Вдругъ у Л—ва Н—ча задрожали губы, и впалые старческіе глаза налились слезами. Горечь и страданіе овладѣли имъ и въ отношеніи къ проливающимъ человѣческую кровь, и къ поднимающимъ рабочій народъ на безумныя предпріятія...

И, затрогивая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ю. вопросъ о политической борьбѣ, Л. Н. писалъ:

«...Вы пишете, чтобы я сказалъ вамъ, что я думаю и чувствую о вашей дѣятельности. Думаю, что она несвойственна человѣку, поставившему въ основу своей жизни ученіе Христа, и чувствую боль за васъ, желаніе помочь вамъ, выбраться изъ ложной дѣятельности, и страхъ огорчить васъ, и почти увѣренность, что слова мои не будутъ услышаны вами.

«Стоитъ только помнить, что я не Ю., не Толстой, не ветеринаръ, не писатель, не русскій, не политическій дѣятель, а человѣкъ (сынъ Божій), появившійся въ этомъ мірѣ вчера для того, чтобы завтра умереть, помнить, что мнѣ надо какъ можно лучше умирать (то же, что жить), и интересы о томъ какъ и съ кѣмъ тебѣ бороться сейчасъ въ Тулѣ или Саратовѣ, и кто какія дѣлаетъ дурныя дѣла, и какъ и что обо мнѣ думаютъ и говорятъ, — интересы эти тотчасъ же займутъ далекое мѣсто, и рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ въ ту или другую сторону представится совер-

шенно безразличнымъ, а поднимется одинъ, поглощающій всѣ эти вопросы и выключающій ихъ: дѣлаю ли я, я, я (а не другіе), то, что хочетъ отъ меня Тотъ, Кто послалъ меня въ міръ. Знаю, что вы все это знаете не хуже меня, но думаю, что васъ захватила свирѣпствующая эпидемія общественной дѣятельности. А дѣятельность эта дурная. Это борьба, осужденіе, ненависть и все это — пахнетъ кровью. Встрѣчаясь съ этой дѣятельностью, мнѣ кажется, христіанину возможно только одно: умиротворять по мѣрѣ силъ въ себѣ вражду, не становясь ни на какую сторону и отвлекая людей отъ борьбы и ненависти.... Желаю вамъ отъ всей души того религіознаго подъема, къ которому вы способны, который освободитъ васъ легко и просто изъ того соблазна, въ который вы попали — временно, я увѣренъ...»

По такому же поводу Л. Н. писалъ другому лицу:

«Дѣло главное жизни — очищать себя отъ тѣлесныхъ наслѣдственныхъ мерзостей — всегда, при всякихъ условіяхъ возможно и необходимо и одно нужно намъ, а форма жизни должна быть послѣдствіемъ этой нашей работы просвѣтлѣнія. Смущаетъ насъ то, что внутренняя работа совершенствованія вся въ нашей власти, и намъ кажется отъ этого не важна, устройство же внѣшней жизни связано съ послѣдствіями жизни другихъ людей, и намъ кажется самымъ важнымъ...

«Только тогда можно жаловаться на дурныя условія внѣшней жизни, когда положишь всѣ силы на внутреннюю работу. И какъ только положишь всѣ силы, то или внѣшняя жизнь сложится, какъ ты желаешь,

или то, что она не такова, какъ мы желаемъ, перестанетъ тревожить насъ...»

* * *

Однажды на станціи «Засѣкѣ» я встрѣтилъ молодого учителя одной изъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской губерніи. Онъ возвращался отъ Льва Николаевича недовольный и разочарованный. Мы разговорились, и онъ разсказалъ мнѣ, что ему какъ-то пришлось выдрать за ухо одного изъ своихъ питомцевъ. Но родители зашумѣли и написали на него жалобу, что будто онъ надорвалъ ухо мальчику. Теперь ему грозитъ потеря мѣста. Вотъ онъ и пріѣхалъ ко Льву Николаевичу съ просьбой о защитѣ.

— Ну, и что? — спросилъ я.

Учитель уныло махнулъ рукой.

— «Ничего не могу» — сказалъ Л. Н., — «идите къ архіерею»... — съ недоумѣніемъ заявилъ учитель и продолжалъ свой разсказъ:

— Я опять: такъ и такъ. Разсказываю, съ другой стороны захожу. «Нѣтъ» — говоритъ графъ, бѣгая по террасѣ: — «Ничего, ничего не могу... Идите къ архіерею. Что я могу тутъ сдѣлать?» Такъ и ушелъ я ни съ чѣмъ. И, главное, ни помыться съ дороги графиня не предложила, ни закусить....

Я спросилъ его, читалъ ли онъ хоть что-нибудь изъ написаннаго Толстымъ.

— Нѣтъ, признаться, не доводилось, — отвѣтилъ

онъ. — А только слышалъ, что есть графъ Толстой, который... ну, словомъ, стоитъ за правду и всѣхъ защищаетъ... Я и поѣхалъ... А тутъ вонъ какая исторія!....

* * *

Однажды послѣ завтрака Л. Н. пригласилъ насъ съ собою на свою обычную прогулку...

Мы ходили часа два по живописнымъ лѣсистымъ и холмистымъ окрестностямъ Ясной Поляны. Въ концѣ прогулки Л. Н. подвергъ меня экзамену:

— А, ну, бывшій охотникъ, — проговорилъ онъ, вдругъ останавливаясь среди лѣса, — гдѣ нашъ домъ?

Мое вниманіе было, разумѣется, поглощено тѣмъ, что говорилъ Левъ Николаевичъ, дороги я совсѣмъ не замѣтилъ и сказалъ, что не знаю, гдѣ домъ.

— Ну, какой же вы охотникъ? Посмотрите, сообразите.

Я посмотрѣлъ, сообразилъ и, ко всеобщему смѣху, указалъ какъ разъ въ противоположную сторону.

Когда мы пошли, я сказалъ Л. Н—чу, что, ставши вегетаріанцемъ и бросивъ охоту, я никогда больше не испытывалъ того чувства жизни заодно съ природой, какое испытывалъ раньше на охотѣ, никогда уже не видалъ жизни природы такъ близко и такъ подробно.

— Да, да, — проговорилъ Левъ Николаевичъ. — Но я потомъ снова нашелъ эту связь, когда началъ работать на землѣ: пахать, сѣять, косить. А вотъ это, смотрите,

колодезь Кудеяра, — сказалъ онъ, указывая въ сторону отъ дороги на небольшой ключъ. — А тамъ дальше замѣтны еще слѣды какъ бы земляныхъ укрѣпленій гдѣ, будто бы, жилъ Кудеяръ....

Мы остановились и замолчали. Кругомъ — неподвижный весь въ снѣгу лѣсъ и безконечная зимняя тишина. И среди этой тишины было слышно лишь, какъ Кудеяровъ ключъ слагалъ свою гармонію изъ хрустально-чистыхъ звуковъ....

— Я часто прохожу здѣсь одинъ, и всякій разъ остановишься и послушаешь... — тихо проговорилъ Левъ Николаевичъ.

И невольно въ воображеніи возникла картина: снѣжная, лѣсная пустыня, небо, тишина. И среди всего этого — одинокая фигура Льва Николаевича, чутко прислушивающагося къ дыханію природы и, подъ прелестно хрустальные звуки ключа, сливающагося съ ней въ одно...

* * *

Вечеромъ, по обыкновенію, собирались въ большой столовой. Послѣ общаго разговора рѣчь какъ-то перешла на давно минувшее. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Это было подъ Севастополемъ во время Крымской войны. Съ четвертаго бастіона, гдѣ я находился, меня назначили зачѣмъ-то командиромъ горной полубатареи. Забралъ я свои пушки и поѣхалъ. Мѣсто бы-

ло отъ боя удаленное и совсѣмъ безопасное. Разстановили пушки на горѣ. Смотрю, впереди растетъ великолѣпный, толщиной въ обхватъ, орѣхъ. Намъ онъ не мѣшалъ нисколько, тѣмъ болѣе, что мнѣ было совершенно ясно, что стрѣлять отсюда мы никогда не будемъ, но.... надо же было показать свою власть. «Руби!»... И орѣхъ срубили... До сихъ поръ не могу я забыть этого орѣха.

И Л .Н. задумался....

* * *

Однажды мнѣ пришлось попасть въ Ясную Поляну въ угнетенномъ состояніи духа и, не поднимаясь наверхъ, я послалъ Льву Николаевичу записку, что мнѣ очень хотѣлось бы поговорить съ нимъ наединѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній послышались знакомые торопливые шаги, и на верху лѣстницы показался Левъ Николаевичъ.

— И. Ф., что такое? Съ вами случилось что-нибудь?..

— Нѣтъ, особеннаго ничего не случилось. Только хотѣлось поговорить съ вами,—отвѣчалъ я, поднимаясь къ нему навстрѣчу.

— Ну, слава Богу, слава Богу!.. Здравствуйте... Ну, идемте, идемте. Вотъ сюда, ко мнѣ...

И въ душѣ у меня сразу посвѣтлѣло.

За стѣной слышалась музыка: графиня Софья Андреевна играла съ кѣмъ-то въ четыре руки одну изъ симфоній Бетховена... А въ небольшой, полуосвѣщенной

комнатѣ Левъ Николаевичъ тихо и вдумчиво говорилъ о высочайшихъ проблемахъ человѣческой жизни...

Бесѣда касалась тѣхъ черныхъ, иногда только пугающихъ, а иногда страшныхъ низахъ человѣческой природы, тѣхъ низахъ, гдѣ до поры до времени лежитъ скрытымъ всякій грѣхъ.... И откуда, какъ отвратительные гады, ползутъ темныя желанія.

— Въ такихъ случаяхъ, — сказалъ я, — стараюсь, какъ можно скорѣе и какъ можно ярче вспомнить о смерти.

— Да, это хорошо, — проговорилъ Левъ Николаевичъ, — но, наблюдая, вы скоро замѣтите, что одно и то же оружіе въ борьбѣ скоро притупляется, и нужно найти другое, перемѣнить его. Я иногда въ такихъ случаяхъ вспоминаю, что я человѣкъ, посланъ на землю Богомъ по дѣлу: и какъ же, тебя послали съ великимъ порученіемъ, а ты позволяешь себѣ унижать и себя и порученное тебѣ дѣло...

Черезъ нѣкоторое время рѣчь перешла на любовь къ людямъ, и Л. Н. сказалъ:

... Любить дальнихъ, «человѣчество», «народъ», — не хитрое дѣло! Нѣтъ, ты ближнихъ, ближнихъ твоихъ сумѣй полюбить, тѣхъ, съ которыми ты встрѣчаешься каждый день, которые раздражаютъ тебя и причиняютъ тебѣ огорченія. Вотъ ихъ-то полюби и прости имъ все. Это очень трудно. Чуть только позабудешься — глядишь и уже сбился съ дороги. На-дняхъ иду по парку, думаю. Смотрю, идетъ за мной какая-то

баба и что-то проситъ. А мнѣ какъ разъ пришла въ голову цѣнная для работы мысль. «Ну, что тебѣ нужно? Что тебѣ нужно?» говорю нетерпѣливо бабѣ. «Что ты пристала?»... Но хорошо, что на этотъ разъ вовремя спохватился и поправился. А то бываетъ или не спохватишься совсѣмъ, или спохватишься, да поздно. Вотъ тоже недавно ѣду верхомъ по шоссе и думаю... И чувствую, что что-то словно мѣшаетъ, что-то какъ-будто не такъ. Что не такъ? Остановился, припомнилъ. Оказалось, «не такъ» то, что нѣсколько минутъ назадъ я проѣхалъ мимо знакомаго мнѣ нищаго-калѣки, которому всегда подаю. А тутъ въ задумчивости только поклонился ему разсѣянно. Повернулъ лошадь, поскакалъ. Но его ужъ не было. И я, можетъ быть, упустилъ дѣло, несравненно болѣе важное, чѣмъ всѣ мои писанія. Писанія—это такъ, пустяки, а тутъ живой человѣкъ... Въ сношеніяхъ съ людьми надо постоянное строгое вниманіе къ себѣ; чуть ослабѣешь, и уже ошибся, уже согрѣшилъ... Надо дѣлать добро и не только не ждать себѣ никакихъ похвалъ за это, но, напротивъ, быть готовымъ къ тому, что тебя будутъ поносить, гнать и презирать»...

«Это всегда такъ было и такъ должно быть, а то ты добро дѣлаешь, да еще чтобы тебя всѣ хвалили — это ужъ очень много, — улыбнулся Л. Н. — И очень хорошо дѣлать такъ нарочно, чтобы твое добро не встрѣчало одобренія, какъ тотъ человѣкъ, который, притворяясь юродивымъ дурачкомъ, дѣлалъ видъ, что сердится на нищихъ, и кидалъ въ нихъ серебряными ру-

блями. Они подбирали его рубли и смѣялись надъ его глупостью. Такъ и намъ надо дѣлать...

* * *

Весною 1907 г. мнѣ пришлось переѣхать съ моею семьею въ Тульскую губ. на хуторъ, принадлежащій дочери Льва Николаевича, Т. Л. Сухотиной, отстоящій верстахъ въ 4-хъ отъ Ясной Поляны. Здѣсь мы и поселились въ сосѣдствѣ съ милой старушкой М. А. Ш. Это рѣдкой души существо. Родомъ она изъ мѣстной помѣщичьей семьи. Была классной дамой, но нѣкоторыя писанія Льва Николаевича произвели въ ней полный духовный переворотъ. Она бросила свою обезпеченную жизнь и перешла на землю, начавши дѣйствительно въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой.

Здѣсь, на хуторѣ, она живетъ въ крохотной избенкѣ, крытой соломой, и кормится отъ своихъ двухъ коровъ и небольшого огорода. Лѣтомъ здѣсь живутъ близкіе люди на дачѣ, но съ осени до весны старушка живетъ лишь въ обществѣ своей работницы и несчастной Шавочки, собаки съ отмороженными передними лапами, которая такъ привязана къ своей хозяйкѣ, что когда та уѣзжаетъ иногда въ Ясную Поляну, Шавочка отказывается отъ ѣды и все время лежитъ на дорогѣ, глядя въ ту сторону, откуда должна появиться М. А.

Необходимо сказать, что окрестные крестьяне, находящіеся подъ пагубнымъ вліяніемъ города и деше-

выхъ заработковъ отъ дачниковъ,—въ огромномъ большинствѣ совершенно не понимаютъ ни М. А., ни ея миссіи. И эта трудовая, суровая, высоко честная и полная лишеній жизнь нисколько не тяготитъ старушку.

— Ахъ, душенька, какъ хорошо! Прямо рай здѣсь,— часто повторяетъ она.

Левъ Николаевичъ относится къ М. А. съ глубокой душевной пріязнью и часто навѣщаетъ старушку. И трогательны бываютъ ихъ встрѣчи!

— Ну, что, умираемъ, Марья Александровна? — поздоровавшись, но не выпуская ея руки, съ мягкой улыбкой, дружески говоритъ Левъ Николаевичъ.

— Умираемъ, душенька Левъ Николаевичъ! — такъ же радостно отвѣчаетъ старушка.

— Что жъ, хорошо?

— Хорошо, Левъ Николаевичъ!..

И оба, старенькіе, радостные, смѣются тихимъ, счастливымъ смѣхомъ.

— Вотъ, посмотрите, какой мнѣ подарокъ привезъ сегодня Левъ Николаевичъ, — съ улыбкой говоритъ разъ М. А., проводивъ дорогого гостя и показывая намъ темную вязаную кофту. — Говоритъ: «Вамъ холодно, М. А., а у меня ихъ двѣ, вотъ я вамъ одну и привезъ. Совсѣмъ новая...» А она вся заштопана да перештопана, — смѣется старушка, — должно быть не ту ему дали...

Рѣдкую недѣлю не заглядывалъ къ намъ на хуторъ Левъ Николаевичъ. То верхомъ пріѣдетъ, то пѣшкомъ придетъ, посидитъ немного, поговоритъ и домой.

— Вотъ сегодня какой случай со мною былъ,—разсказываетъ онъ однажды, сидя въ крохотной избенкѣ М—и А—ны.—Приходятъ ко мнѣ сегодня утромъ двѣ бабы. Мужья у нихъ на войнѣ, нужда, дѣти. Коровы ни у той, ни у другой нѣтъ. Разспросилъ я ихъ, далъ имъ кое-что, а насчетъ коровы говорю: «на-дняхъ самъ пріѣду, посмотрю». Но только онѣ простились и ушли, какъ является одинъ мужикъ, который хорошо знаетъ обѣихъ. Разспрашиваю — онъ все подтверждаетъ: коровы нѣтъ ни у той, ни у другой, но у одной есть восемь человѣкъ дѣтей, а у другой трое. Я попросилъ его тотчасъ воротить ту, у которой восемь человѣкъ дѣтей, чтобы дать ей 30 рублей... Недавно группа какихъ-то русскихъ, живущихъ въ Шанхаѣ, прислала мнѣ для помощи семьямъ, пострадавшимъ отъ войны, около 400 руб., изъ которыхъ осталось какъ разъ 30 рублей. Я наказалъ ему воротить только одну бабу. «А то, думаю, будутъ эти косые взгляды, неудовольствіе, жадность разыграется». А онъ не дослышалъ, должно быть, и воротилъ обѣихъ. Очень непріятно было. Но дѣлать нечего. Далъ я одной 30 рублей, а другой говорю, что больше пока нѣту, что пусть она не завидуетъ, и вдругъ... (Голосъ Л. Н. оборвался, и глаза наполнились слезами), и вдругъ та, другая, не получившая, говоритъ: «Вотъ и слава Богу!.. И хорошо... зачѣмъ завидовать. Что ты? Ей нужнѣе... А когда у ней будетъ, она и моимъ ребятишкамъ молочка дастъ... Слава Богу...» Надо знать ихъ жизнь, чтобы понять, что значитъ это!

И глубоко растроганный и умиленный Левъ Николаевичъ умолкъ.

И всякій разъ, когда онъ заглядывалъ къ намъ, въ Овсянниково — онъ приносилъ съ собою какой-нибудь лучъ.

Прощаясь однажды съ нами, онъ взглянулъ на нашу девятимѣсячную дѣвочку, которая вслѣдствіе нашей уединенной жизни очень дичилась людей. Но, встрѣтившись съ глазами Льва Николаевича, она весело раскрыла свой беззубый ротъ и, вѣроятно въ избыткѣ удовольствія, потянула ноги ко рту.

— А я вотъ ужъ такъ не могу, — сказалъ онъ, весело обращаясь къ нашей дочери.

И, выйдя, Л. Н. легко вскочилъ, несмотря на свои 78 лѣтъ, въ сѣдло и, сопровождаемый нашими привѣтствіями, быстрой рысью скрылся изъ вида.

* * *

Послѣдній разъ мнѣ пришлось быть въ Ясной Полянѣ въ мартѣ 1908 г. Левъ Николаевичъ передъ этимъ перенесъ тяжелую болѣзнь и, хотя послѣднія свѣдѣнія о его здоровьѣ были успокоительны, но я нашелъ его значительно измѣнившимся. По утрамъ онъ еще бывалъ и свѣжъ, и бодръ. Но къ вечеру перенесенный недугъ и годы брали свое. Онъ чувствовалъ себя не крѣпко и не скрывалъ, что физически ему плохо и что у него слабѣетъ память. Однажды онъ говорилъ по этому поводу:

— Я забываю все, что мнѣ не нужно помнить, но очень хорошо помню то, чего не надо забывать. Ахъ, какъ хорошо!

И временами чудилось, что онъ уже не совсѣмъ нашъ, а отошелъ отъ насъ въ своей духовной сосредоченности. И тоскливо сжималось сердце...

Возникалъ разговоръ и о готовящемся чествованіи Льва Николаевича по случаю его 80-тилѣтія. Юбилей этотъ былъ непріятенъ ему.

— Раньше, бывало, если мелькнетъ гдѣ: «Л. Н. Т.» остановишься и прочтешь, — сказалъ Левъ Николаевичъ. — А теперь, какъ только увидишь: «Л. Н. Т.», скорѣе прочь...

Льву Николаевичу подали визитную карточку какого-то иностраннаго посѣтителя съ фамиліей на «эсъ». Одни рѣшили, что грекъ, другіе, что португалецъ или испанецъ. Левъ Николаевичъ ушелъ и, поговоривъ съ посѣтителемъ около получаса, возвратился и разсказалъ намъ, что это не португалецъ и не грекъ, а нѣмецъ изъ остзейскихъ провинцій, что у него опасная болѣзнь сердца и что доктора предсказываютъ ему скорую смерть.

— Онъ пріѣзжалъ спросить меня, — сказалъ Л. Н., — какъ лучше употребить ему небольшой остатокъ жизни. Я разсказалъ ему притчу о яблонѣ... Она какъ-то мало замѣтна въ Евангеліи среди другихъ притчъ, но смыслъ ея глубокъ. Садовникъ пришелъ къ хозяину сада и говоритъ, что одна изъ яблонь не даетъ плода и что поэтому ее надо срубить и сжечь. Хозяинъ отвѣ-

чалъ, что надо подождать еще годъ и еще, а тогда можно будетъ и срубить, если она не принесетъ яблоковъ. Каждый день нашей жизни — это только отсрочка, данная намъ *хозяиномъ*. И мы должны торопиться, чтобы принести плоды...

И Л. Н. умолкъ. Но черезъ нѣкоторое время опять заговорилъ:

— Да, между прочимъ, еще онъ разсказывалъ, — что проф. Виндельбандтъ — онъ у него слушалъ философію — профессоръ Виндельбандтъ, какъ только, бывало, начнетъ цитировать Канта, такъ и заплачетъ... Какъ это хорошо!..

— Надо бы популяризировать Канта, — замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. — Такъ онъ мало доступенъ...

— Да, да, — съ оживленіемъ сказалъ Левъ Николаевичъ. — Это было бы очень, очень хорошо, хотя языкъ у Канта совершенно невозможный... Очень умный молодой человѣкъ, — проговорилъ Л. Н., возвращаясь къ посѣтителю. — Жалъ только, что онъ... пишетъ.

— Въ послѣднее время почти нѣтъ ужъ людей, которые не писали бы, — сказалъ одинъ изъ гостей.

— Да, да, это ужасно... — подхватилъ Левъ Николаевичъ. — Я думаю, что если бы общественное мнѣніе смотрѣло на людей, получающихъ деньги за писательство, съ презрѣніемъ, — какая масса писателей, какая масса пошлости и глупости исчезла бы!.. Исчезли бы газеты... А почему это вы тутъ смѣялись, когда я вошелъ?

Льву Николаевичу вкратцѣ разсказали содержаніе письма одного духобора, который описывалъ, какъ канадскіе духоборы, посѣтивъ образцовую свинятню, увидали тамъ индѣйцевъ, пѣвшихъ за извѣстную плату исключительно для удовольствія свиней, отчего послѣднія лучше жирѣли...

— Да, какъ же, знаю... читалъ, — сказалъ засмѣявшись Левъ Николаевичъ. — Совсѣмъ какъ у насъ: наши композиторы, піанисты и проч. — все это наши *индѣйцы*. А мы—откормленныя свиньи, слушаемъ ихъ и жирѣемъ...

И долго еще и заразительно смѣялся Л. Н. надъ «индѣйцами» и «свиньями»...

* *

Заканчивая эти отрывки изъ воспоминаній о Львѣ Николаевичѣ, невольно вспоминается одинъ случай, неизгладимо запечатлѣвшійся въ моей памяти.

Однажды зимою, направляясь къ станціи, Левъ Николаевичъ увидѣлъ на снѣгу около дороги непристойныя надписи.

Онъ зачеркнулъ непристойности концомъ палки и написалъ на снѣгу слова изъ ап. Іоанна о любви къ ближнимъ.

И какъ прекрасна должна быть картина: великій

старецъ, склонившись къ землѣ и вычерчивающій на снѣгу для прохожихъ святыя, вѣчныя слова:

«Любите, братья, другъ друга!»

Ив. Наживинъ.

Колокша.
1908.

А. М. Новиковъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И И. И. РАЕВСКІЙ.

Толстой былъ на «ты» съ Раевскимъ, хотя Раевскій былъ моложе Толстого лѣтъ на 12. Сближеніе между ними произошло въ Москвѣ въ залѣ гимнастическаго общества. Раевскій былъ прирожденнымъ атлетомъ, и о его силѣ еще недавно ходили преданія среди народа въ Каширскомъ уѣздѣ, гдѣ протекла его юность.

Л. Н. Толстой не былъ атлетомъ, но стремился развить мышечную силу и ловкость въ молодыхъ годахъ и никогда не прочь былъ до послѣднихъ лѣтъ, при случаѣ, показать достигнутые имъ результаты въ этомъ отношеніи.

Лѣтомъ 1890 г. пріѣхалъ въ Ясную Поляну французъ, прикосновенный къ литературѣ. Бесѣдуя съ Толстымъ и графиней на кругу, передъ домомъ, французъ подошелъ къ реку, на которомъ упражнялись сыновья Толстыхъ съ учителемъ-французомъ, и продѣлалъ какой-то нетрудный туръ.

— Вотъ это искусство вамъ, графъ, ужъ, навѣрное,

незнакомо, — обратился онъ любезно-заискивающе къ Толстому.

Л. Н. засмѣялся и началъ наглядно показывать французу, какъ надо обращаться съ рекомъ. Только энергичный протестъ графини положилъ конецъ гимнастикѣ 63-лѣтняго писателя. А французъ лишь покачивалъ головой и восклицалъ на всѣ лады: «Ого! Ага!» при видѣ, какъ чисто и отчетливо продѣлывалъ Л. Н. различныя упражненія на рукахъ.

Въ то время, когда я познакомился съ Раевскимъ, отношенія его съ Толстымъ не были, повидимому, особенно дружественны. Когда и какъ совершилось охлажденіе, не знаю. Раевскіе жили зимою въ Тулѣ, лѣтомъ въ своемъ имѣніи, въ Бѣгичевкѣ, на Дону. Между прочимъ въ верстѣ отъ нихъ было имѣніе Бѣгичевыхъ, *Екатерининское*, въ которомъ часто гостилъ Грибоѣдовъ. Раевскій рѣдко упоминалъ о Толстомъ, какъ о человѣкѣ. Но художественнымъ талантомъ Л—а Н—ча Раевскій не уставалъ восхищаться, хотя и дѣлалъ иногда критическія замѣчанія. Однажды, восхищаясь «Холстомѣромъ», онъ сказалъ:

— А это невѣрно: на росистой травѣ луга остается темная полоса слѣда, а не свѣтлая.

Изъ того же времени я помню одинъ разсказъ Раевскаго изъ молодыхъ лѣтъ Толстого.

— Однажды, — разсказывалъ Раевскій, — въ клубѣ подходитъ ко мнѣ Толстой и съ такой досадой и негодованіемъ разсказываетъ, что его братъ играетъ въ карты и уже проигралъ 7,000 рублей въ нѣсколько

часовъ. «Какъ это можно?» удивлялся Толстой. Но черезъ полчаса гляжу, — Толстой играетъ на китайскомъ билліардѣ и уже проигралъ болѣе 1,000 рублей....

Разсказывая о творчествѣ Толстого, Раевскій говорилъ, что только одинъ сюжетъ никогда не удавался Толстому, это — семейное счастье.

— Онъ не умѣлъ ясно воплотить семейное счастье. Но онъ искренно горевалъ объ этомъ и выражалъ надежду, что когда-нибудь еще появится въ Россіи истинный пѣвецъ семейнаго счастья и заполнитъ большой пробѣлъ въ русской литературѣ. Когда Л. Н. написалъ «Крейцерову Сонату», Раевскій сказалъ ему:

— Я соглашусь съ твоими положеніями въ повѣсти при одномъ условіи, если ты прибавишь въ концѣ, что дѣти Позднышевыхъ погибли раньше, нежели выросли.

Иногда Раевскій разсказывалъ о прежнихъ увлеченіяхъ Толстого: то Левъ Николаевичъ съ женой на пчельникѣ и увлекается сельскимъ хозяйствомъ, то опредѣляетъ maximum земли для успѣшной помѣщичьей культуры: «интенсивное хозяйство можно вести успѣшно только на 30 десятинахъ, при большемъ количествѣ земли она всегда будетъ давать меньше, чѣмъ то же количество на маленькихъ хозяйствахъ»... то, наоборотъ, рѣшаетъ, что капиталъ наиболѣе выгодно помѣстить только на окраинныя предпріятія, и пріобрѣтаетъ самарскія земли; то сосредоточиваетъ все свое вниманіе на томъ, чтобы по-крестьянски соблюдать всѣ обряды православія: посты, праздники и т. п.

Когда начался переломъ въ міросозерцаніи Толстого (хотя въ сущности это былъ не переломъ, а дальнѣйшее логическое развитіе идей юноши-Толстого), Раевскій относился къ этому съ большимъ интересомъ.

— И все-таки онъ не можетъ выйти изъ Евангелія, — воскликнулъ онъ, однажды возвратившись послѣ посѣщенія Толстого.

———

Раевскій былъ равнодушенъ къ вопросамъ обрядовой религіи и въ православіи дорожилъ сущностью христіанства, а отчасти и нашей русской исторіей. Но къ Раевскому никакъ нельзя было приложить того опредѣленія, которое однажды сдѣлалъ Толстой.

— На желѣзной дорогѣ встрѣтилъ Раевскаго, — сказалъ онъ, — вотъ настоящій атеистъ!

Но этотъ добродушный на видъ атеистъ преображался, когда споръ касался Бога или христіанскаго ученія. Христа онъ считалъ Богочеловѣкомъ.

Была еще одна область, въ которой Раевскій рѣзко расходился съ Толстымъ. Это была область современной науки. Для Толстого все, или почти все, чему учатъ и что изучаетъ современная наука, не нужно или невѣрно.

Наукѣ онъ иногда ставилъ въ вину и то, что ею можно воспользоваться для убійства, для войнъ, для экономическаго гнета. «Еще рожь на корню, а телеграфъ уже трещитъ: урожай большой, скупайте хлѣбъ у мужиковъ по дешевой цѣнѣ».

Раевскій кончилъ московскій университетъ кандидатомъ чистой математики, зналъ систематически, насколько современная наука и вѣрна, и точна, и насколько, оставаясь наукой, она изучаетъ важные для человѣка вопросы.

Вопросы личной морали и общественной этики также вносили оттѣнки въ отношенія между Толстымъ и Раевскимъ.

Толстой стремился къ самосовершенствованію — и это стремленіе, захватывая всѣ его мысли и чувства, вносило въ его бесѣды съ окружающими почти исключительно этическія темы, постоянный самоанализъ и самоисповѣдованіе. Раевскій избѣгалъ разговоровъ о морали. Онъ и охотился, и ѣлъ мясо, и курилъ, и могъ казаться слишкомъ ужъ толстымъ для человѣка съ тонко развитымъ моральнымъ міромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него было и полное пренебреженіе къ качествамъ ѣды, и равнодушіе къ жизненнымъ удобствамъ.

Личность И. И. Раевскаго, для знавшихъ его, была неотразимо привлекательна. Огромная фигура и добродушное, всегда ласковое отношеніе ко всѣмъ.

Однажды, въ началѣ новаго періода въ жизни Льва Николаевича, онъ навѣстилъ Раевскаго въ тульской гостиницѣ, гдѣ послѣдній остановился проѣздомъ. Раевскій въ это время обѣдалъ. Левъ Николаевичъ сталъ говорить о томъ, что не слѣдуетъ ѣсть мясо и чревоугодничать, что естественной пищей человѣка является хлѣбъ и вода. Подали сладкое. Л. Н., продолжая

разговоръ, потянулся къ блюду, чтобы положить себѣ сладкаго.

— Э, нѣтъ! — шутливо запротестовалъ Раевскій, — это тоже чревоугодіе.

Толстой отодвинулъ блюдо и выразилъ раскаяніе въ своемъ намѣреніи.

Стремленіе къ самоусовершенствованію въ Толстомъ шло параллельно, и не могло не итти, съ обличительной проповѣдью. Разъ строишь новое, трудно вѣдь избѣжать осужденія старому. Но обличеніе и нѣкоторая враждебность трудно отдѣлимы. Живой человѣкъ съ болью чувствуетъ, прежде всего, враждебность. Оттого обличенія часто и уничтожаютъ результатъ проповѣди надолго, затрудняя дорогу къ человѣческой душѣ.

Однажды Раевскій, вернувшись изъ Москвы и передавая о своемъ посѣщеніи Толстыхъ, не могъ успокоиться, вспоминая о выраженіи Толстого: «упитанный телецъ», которое Л. Н. употребилъ по отношенію къ своему маленькому сыну.

— Ну, какихъ добродѣтелей онъ хотѣлъ отъ двухлѣтняго ребенка? — восклицалъ Раевскій.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для Толстого была невыносима система упитыванія и обоготвореніе упитыванія. Но Раевскій видѣлъ прежде всего ребенка и за нимъ не думалъ о системѣ.

Толстой готовился сдѣлать еще одинъ шагъ. Послѣ своего обращенія къ женщинамъ — обращенія, въ которомъ онъ сорвалъ съ полового сближенія всю мишуру «возвышенной любви» и раскрылъ реальное его содержаніе, — Толстой совершенно послѣдовательно по пути самоусовершенствованія пришелъ къ идеѣ полнаго воздержанія, выраженной въ «Крейцеровой Сонатѣ». Съ этого времени въ разговорахъ Толстого появился постоянный разспросъ собесѣдниковъ на эту тему.

Не избѣгъ этой темы и Раевскій. Возвратившись изъ Ясной Поляны, Раевскій однажды сказалъ о Толстомъ: — Вѣдь какіе вопросы задаетъ, разбойникъ! Объ отношеніяхъ къ женѣ!

Когда появилась «Крейцерова Соната», хоръ негодующихъ, а вѣрнѣе — близорукихъ людей съ яростью набросился на Толстого. Извѣстный тогда одесскій епископъ Никаноръ, какой-то профессоръ казанской духовной академіи (кажется, Гусевъ), старикъ А. Суворинъ, Леонидъ Оболенскій (редакторъ тогдашняго полуфилософскаго-полубеллетристическаго журнала «Русское Богатство»), выражавшій, между прочимъ, Толстому постоянно свои горячія симпатіи («Крейцерова Соната» даже предназначалась для его журнала), наконецъ, Н. Михайловскій — всѣ набросились на Толстого, доказывая то безнравственность «Крейцеровой Сонаты», то безсмысленность воздержанія, то просто сумасшествіе автора. «Совсѣмъ съ ума сошелъ», звучало въ каждомъ отзывѣ критиковъ всѣхъ лагерей. Наша ин-

теллигентная публика относилась еще проще: «Старъ молъ, сталъ — силъ нѣтъ».

Если бы эти люди знали Толстого, они безъ особенныхъ усилій поняли бы, какъ долженъ былъ бороться Толстой съ самимъ собою и чего ему стало, чтобы стать самому своимъ собственнымъ послѣдователемъ! Какъ сильно волновалъ Толстого этотъ вопросъ, я понялъ изъ разсказа одного близкаго Толстому лица. Когда Л. Н. узналъ, что этотъ молодой человѣкъ женится, онъ, оставшись съ нимъ наединѣ, взволнованно окликнулъ его изъ сосѣдней комнаты. Тотъ направился было на зовъ, но Л. Н. остановилъ его:

— Оставайся тамъ и скажи мнѣ, если можешь: позналъ ты уже женщинъ?

— Нѣтъ, еще, — просто отвѣтилъ молодой человѣкъ и услышалъ рыданія за перегородкой....

У Раевскаго во всю его жизнь было только два увлеченія: первое — въ молодыхъ годахъ, оставалось чисто платоническимъ и чуть не закончилось дуэлью съ мужемъ. Второе и послѣднее увлеченіе окончилось женитьбой. Во всю свою жизнь Раевскій зналъ, повидимому, только одну женщину — свою жену. Женился онъ вскорѣ послѣ окончанія курса, т.-е. очень молодымъ. И до самой смерти они оставались съ женой двумя любящими друзьями.

Таковъ былъ человѣкъ, съ которымъ когда-то, во дни молодости, Толстой былъ друженъ, но подъ ста-

рость они стояли далеко другъ отъ друга и въ своей интимной, и въ общественной жизни.

Весной 1899 года Толстой, въ сопровожденіи двухъ своихъ пріятелей отправился изъ Москвы пѣшкомъ въ Ясную Поляну. Тотчасъ всѣ газеты оповѣстили объ этомъ своихъ читателей. Но новость оказалась сенсаціонной не для однѣхъ газетъ: по словамъ Льва Николаевича, мужики тоже удивлялись на странныхъ путешественниковъ, на бѣлую фуражку графа, и при его приближеніи кричали:

— «Май, май идетъ!»

И вотъ на 5-й или 6-й день путешествія у крыльца дома Раевскихъ позвонилъ старикъ. Выглядываю въ окно, вижу Левъ Николаевичъ Толстой, котораго раньше я видѣлъ только на портретахъ. Но узнать Толстого было не трудно: «Пашущій Толстой» Рѣпина не украшалъ тогда рѣдкій кабинетъ или гостиную.

Спутники Льва Николаевича остановились гдѣ-то за городомъ. За ними былъ посланъ молодой студентъ духовной академіи, жившій у Раевскихъ въ качествѣ воспитателя дѣтей и не перестававшій креститься отъ восхищенія, что удалось увидѣть Толстого.

Я собрался отнестись отрицательно къ писателю за его мистическое направленіе и хорошенько отчитать его за отрицаніе наукъ (я былъ навоиспеченнымъ кандидатомъ чистой математики). Но повода осадить Толстого все не выходило. Заговорили о темахъ экзаменаціонныхъ сочиненій въ VIII классѣ гимназій, разсылае-

мыхъ изъ округа. Темой того года было: доказать на какомъ-нибудь литературномъ образцѣ, что истинно художественное произведеніе носитъ на себѣ отпечатокъ своего времени и своей національности.

— Удивительная чепуха! — воскликнулъ Толстой. — Прежде считалось, что писатель тѣмъ славнѣе, чѣмъ больше онъ отражаетъ общечеловѣческаго и вѣчнаго, а теперь хотятъ заставить оцѣнивать наоборотъ.

И эта реплика была мнѣ совершенно по сердцу. Но рекомендовалось доказать тему на сочиненіяхъ Пушкина или Гоголя. Какимъ-то переходомъ Толстой задѣлъ Пушкина, замѣтивъ, что у Пушкина только повѣсти хороши (и то только языкъ хорошъ), а все остальное незначительно. И все потому, что Пушкинъ не религіозенъ. Тогда я съ высокомѣріемъ спросилъ:

— Кто же это не признаетъ Пушкина великимъ писателемъ? Я такихъ не знаю.

— Да вотъ, напримѣръ, я, — отвѣтилъ Л. Н.

— Вы и ваши послѣдователи — это вѣдь кружокъ, секта (я не прибавилъ даже «въ данномъ случаѣ»). И это нисколько не отражается на распространеніи произведеній Пушкина и оцѣнкѣ его среди русскаго народа...

Дальше я ужъ не зналъ удержу и не помню, какъ дѣло шло, но помню, конецъ этого разговора. Л. Н. почмокалъ, покачалъ головой и проговорилъ, обращаясь къ смѣявшейся Раевской:

— Какой спорщикъ! Ахъ, какой спорщикъ!

Затѣмъ поднялся и сталъ прощаться.

Послѣднее слово было за мной. Тѣмъ не менѣе, несмотря на свою во всѣхъ отношеніяхъ выгодную позицію, я не чувствовалъ себя побѣдителемъ, и щеки мои пылали отъ пережитаго волненія.

Мы простились безъ выраженія симпатіи и безъ предчувствія, что проживемъ три года вмѣстѣ. А я, кромѣ того, совершенно не предчувствовалъ, что не не только пойму выдающуюся личность Толстого, но и самъ попаду подъ его прямое вліяніе, самъ буду трезвенникомъ и вегетаріанцемъ, хотя все-таки останусь самимъ собою.

Провожать Толстого пошелъ уже упомянутый мной молодой академикъ. Есть что-то трогательно-хорошее въ нѣкоторыхъ юношахъ-семинаристахъ: вмѣстѣ съ юностью, со всѣми ея привлекательными чертами, на васъ вѣетъ отъ нихъ искренностью, наивностью и непочатой силой. Таковъ былъ и молодой академикъ. Вернувшись, онъ началъ разсказывать не то съ ужасомъ, не то съ восхищеніемъ о революціонныхъ, въ области религіи и христіанской философіи, идеяхъ Толстого; и все не могъ притти въ себя отъ высокаго счастья, что онъ провелъ почти цѣлый день въ разговорѣ съ Толстымъ.

Осенью того же года я поселился въ Ясной Полянѣ, какъ учитель Андрея и Михаила Львовичей. Когда я жилъ у Толстыхъ, семья Раевскихъ бывала въ Ясной Полянѣ; бывалъ тамъ и И. И. Раевскій, хотя очень рѣдко. Но отношенія между двумя старыми друзья-

ми, по внѣшности, оставались на степени отчужденности, чуть не безразличія со стороны Толстого. Онъ вскользь справлялся о комъ-нибудь изъ Раевскихъ, не входя ни въ какіе дальнѣйшія разговоры. Его интересовало только человѣчество въ цѣломъ.

Однажды Н. Н. Ге привезъ въ Ясную Поляну свою картину «Христосъ и Пилатъ». Толстой горячо одобрилъ картину Ге и съ посѣтителями часто заводилъ разговоры на эту тему:

— Христосъ страдалъ на крестѣ, а страданіе не могло не отзываться на Его внѣшнемъ видѣ. Ге и изобразилъ именно *страдающаго* Христа.

Толстой очень дорожилъ этой картиной, потому что въ ней онъ чувствовалъ собственныя внутреннія страданія. На него глядѣло лицо, измученное постоянной борьбой, и такіе же глаза, примирившіеся съ необходимымъ и неизбѣжнымъ.

— Вѣдь передъ этимъ Христосъ не спалъ двѣ ночи, — говорилъ Толстой, — его терзали допросомъ, онъ былъ голоденъ и утомленъ — а мы хотимъ чистенькаго, миловиднаго, приглаженнаго и спокойно улыбающагося.

Реставраторъ христіанства своимъ человѣческимъ существомъ понималъ и признавалъ только Христа картины Ге.

— А дѣло просто: Христосъ и Пилатъ — соціалистъ и Бисмаркъ, — пояснялъ свою идею художникъ.

На одномъ изъ такихъ собесѣдованій присутствовалъ и И. И. Раевскій.

— Я бы могъ привести еще примѣръ, — обратился онъ къ Ге. — Я недавно видѣлъ у доктора больного съ заворотомъ кишекъ... Ну, вотъ вашъ Христосъ очень мнѣ напомнилъ этого мужчину.

Толстой промолчалъ и отошелъ отъ разговаривающихъ. Раевскому нуженъ былъ *другой* Христосъ.

Постоянные разговоры въ Ясной Полянѣ на этическія темы держали неофитовъ въ повышенномъ настроеніи. Борясь ежеминутно съ собою и постоянно анализируя себя, Толстой давалъ постоянные толчки въ окружающую среду; и эти толчки, расходясь кругами, достигали очень отдаленныхъ мѣстъ. Раевскіе жили слишкомъ близко, чтобы эти толчки не отдавались и въ ихъ домѣ. И сами они, и сыновья, возвращаясь изъ поѣздокъ въ Ясную Поляну, и я, при своихъ посѣщеніяхъ Ревскихъ, вносили отголоски того постояннаго самоанализа, которымъ жилъ Толстой, и тѣхъ вопросовъ, о которыхъ постоянно говорилось въ Ясной Полянѣ. Помню, Толстой далъ мнѣ однажды прочитать въ рукописи книгу д-ра Алексѣева противъ алкоголя; затѣмъ предложилъ перевести рѣчь проф. Фореля противъ обычая употреблять алкогольные напитки, изданную потомъ «Посредникомъ». Въ результатѣ я съ восторженностью проповѣдовалъ Раевскому о вредѣ алкоголя. Раевскій, который никогда не пилъ ни винъ, ни водки, внимательно выслушивалъ мои горячія проповѣди, разспрашивалъ и иногда шутилъ, что послѣ моей проповѣди онъ-де съ женой въ ротъ больше не возьметъ хмельного.

Но съ табакомъ обстояло иначе. Раевскій тяготился и раньше куреніемъ, какъ очень плохимъ примѣромъ для дѣтей. И среди нашихъ постоянныхъ разговоровъ о куреніи И. И. вдругъ бросилъ курить. Толстой не обращалъ особеннаго вниманія на наше воздержаніе: онъ зналъ, что оно скоро пройдетъ, но очень серьезно принялъ извѣстіе, что Иванъ Ивановичъ пересталъ курить.

Эти мелочи характеризуютъ то вліяніе, какое въ повседневной жизни оказывалъ Толстой на людей сложившихся, не расположенныхъ быть его послѣдователями, но прислушивающихся внимательно къ тому, что онъ говорилъ.

* * *

Раевскаго, видимо, задѣвали и болѣе глубокія идеи Толстого, вопросы богатства и бѣдности, личнаго труда и капитала. Онъ задумывался, очевидно, и надъ мотивами своего соціальнаго положенія. Оправданіе своему положенію онъ стремился, кажется, найти въ культурномъ вліяніи помѣщиковъ на крестьянъ, въ житьѣ въ деревнѣ и въ общественной (земской) службѣ. Но все же, повидимому, онъ чувствовалъ недостаточность этихъ мотивовъ, тяготился своей барской разобщенностью отъ крестьянъ и страдалъ, не находя выхода изъ своего положенія.

Но настали событія, и для Раевскаго сверкнула надежда, сулившая ему счастливый выходъ. Раевскій съ

юношескимъ жаромъ ухватился за нее и не выпускалъ до конца своей жизни...

Такимъ лучомъ, какъ это ни странно, было общественное бѣдствіе — надвигавшійся голодъ. Раевскому показалось, что наступило время расплаты, настало время напряженной работы интеллигентныхъ силъ, чтобы спасти свой народъ.

Смыслъ его соціальнаго положенія предсталъ передъ нимъ въ томъ, чтобы быть страховымъ капиталомъ народа. И, волнуясь отъ новыхъ чувствъ, Раевскій сплелъ мечту съ дѣйствительностью и ринулся на работу, не переставая ни одной секунды работать и мечтать. Въ этой *мечтѣ-работѣ* и сладостномъ ожиданіи наступающаго братства Раевскій и сошелъ въ могилу.

* * *

Возвратясь въ половинѣ іюля, 1890 г., съ экстреннаго епифанскаго земскаго собранія, И. И. Раевскій пригласилъ меня и 3-хъ своихъ сыновей ѣхать переписывать одну изъ сосѣднихъ волостей.

Переходя изъ дома въ домъ, мы заносили свѣдѣнія объ ожидаемомъ урожаѣ и имущественномъ положеніи хозяевъ. Дружно, легко и весело шла работа. И эти нѣсколько дней до сихъ поръ вспоминаются мнѣ, какъ дни и пріятнаго утомленія (съ 8 утра до 8 — 10 час. вечера, почти безъ передышки) и почти полнаго нравственнаго удовлетворенія.

Въ августѣ я пріѣхалъ въ Ясную Поляну. Здѣсь

было гораздо тише; о голодѣ говорили рѣдко, больше о нищихъ, о погорѣльцахъ. Левъ Николаевичъ спросилъ о голодающихъ и сталъ говорить, что голодающихъ всегда много, что единственное средство помочь коню везти возъ—это *слѣзть съ него.*

Въ этихъ словахъ для меня тогда слышались скука и безжизненность. Я зналъ, что И. И. Раевскій метался въ верховьяхъ Дона, въ округѣ своихъ имѣній, изъ одного земскаго собранія въ другое, а Л. Н. Толстой сидитъ у себя въ Ясной Полянѣ и пишетъ или собирался писать о голодѣ, что голодъ всегда есть и что безнравственно собираться кормить голодныхъ и думать, что это — хорошее и нужное дѣло, въ то время, какъ каждымъ шагомъ своимъ дѣлаешь еще больше голодныхъ. И какъ все это было красиво, убѣдительно и замѣчательно вѣрно, когда все это намъ излагалъ Левъ Николаевичъ!..

Но черезъ мѣсяцъ все измѣнилось.

Перелетая съ собранія на собраніе, И. И. Раевскій, между 2 сессіями завернулъ и въ Ясную Поляну. Онъ задумалъ подвинуть и Л. Н., чтобы тотъ сталъ въ ряды кормильцевъ голоднаго народа. Но началъ Раевскій съ того, что разсказалъ о картинахъ голоднаго края и уговорилъ Льва Николаевича проѣхаться и посмотрѣть. Л. Н. любилъ такія поѣздки.

И онъ поѣхалъ въ голодный край, чтобы съ наибольшимъ знаніемъ дѣла написать статью о голодѣ. Поѣхалъ на 1—2 дня и остался тамъ 2 года.

Раевскій уже раскинулъ рядъ учрежденій для кор-

мленія голодающихъ, хотя и въ незначительномъ размѣрѣ и на небольшомъ пространствѣ, когда Толстой согласился поселиться въ Бѣгичевкѣ у Раевскихъ. Пріѣхавъ туда, онъ началъ въ скромныхъ размѣрахъ — на деньги, вырученныя отъ своихъ статей и на пожертвованія — оказывать помощь крестьянамъ и открывать столовыя.

Извѣстно, какъ потомъ разрослась эта помощь.

Пока совершалось это разрастаніе, Л. Н. Толстой, его двѣ дочери, племянница и И. И. Раевскій мирно, бодро и необыкновенно дружно жили въ Бѣгичевкѣ. Казалось, между старыми пріятелями вновь вернулась прежняя дружба, и одно и то же дѣло снова сдѣлало ихъ друзьями.

Покойная дочь Л-а Н-ча, Марія Львовна, разсказывала, съ какимъ необыкновеннымъ удовольствіемъ онѣ наблюдали «двухъ старичковъ», какъ она выражалась, хотя Раевскому было только 52 года, — ходившихъ постоянно вмѣстѣ и всю дорогу дружески разговаривавшихъ и пересмѣивавшихся между собою. По ея словамъ, ни одно сухо или натянуто сказанное слово не омрачало этихъ бесѣдъ. Отъ другихъ бесѣдъ эти прогулки отличались тѣмъ, что обыкновенно Л. Н. говорилъ и развивалъ свои мысли, а собесѣдникъ только вслушивался и отъ поры до времени вставлялъ свои замѣчанія.

Несомнѣнно, что это время было для Раевскаго временемъ необычайнаго внутренняго подъема. Борьба съ народнымъ бѣдствіемъ рука объ руку съ Толстымъ

придала ему еще большее одушевленія. А тутъ еще неистощимый притокъ пожертвованій, хлынувшій со всѣхъ сторонъ къ Толстому, который говорилъ, что въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ «что-то вдругъ растаяло, забилось и закипѣло».

То же случилось и съ Раевскимъ.

Въ ноябрѣ, въ слякоть и непогоду, онъ возвращался съ епифанскаго земскаго собранія въ Бѣгичевку. Деревенская нищета бродила въ это время по дорогамъ, перебираясь изъ деревни въ деревню за милостыней. И вотъ по дорогѣ Раевскій одного за другимъ неимущихъ сажаетъ къ себѣ. На гору ему приходится сойти съ экипажа и взбираться пѣшкомъ. Онъ промачиваетъ ноги и съ мокрыми ногами ѣдетъ почти полдороги...

На другое утро И. И. почувствовалъ, что ему нездоровится. Но надо было ѣхать въ Данковъ, на земское собраніе — еще верстъ 40 въ непогоду на телѣжкѣ. Поторопившись вернуться изъ Данкова, онъ пріѣхалъ уже больной съ сильной инфлюэнцей.

На 2-й или 3-й день болѣзни онъ написалъ своей женѣ, въ Тулу. Врѣзались въ памяти первыя строчки изъ этого письма.

«Мой милый ангелъ! Простишь ли ты меня? Первый разъ въ жизни я скрылъ отъ тебя, не написалъ тебѣ, что я боленъ».

Получивъ письмо, Е. П. Раевская съ первымъ же отходящимъ поѣздомъ помчалась въ деревню, но застала мужа уже въ агоніи, въ безсознательномъ состояніи....

Черезъ нѣсколько дней его не стало.

Я пріѣхалъ наканунѣ похоронъ и былъ слишкомъ потрясенъ, чтобы что-нибудь замѣчать. Помню только растерянное, полуплачущее, смущенное лицо Льва Николаевича, ходившаго тутъ же, среди другихъ плакавшихъ лицъ.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ смерти Раевскаго Л. Н. просилъ у Елены Павловны Раевской позволенія написать въ газеты некрологъ Ивана Ивановича, но та отклонила предложеніе: всю жизнь свою ея мужъ стремился теряться въ заднихъ рядахъ, и шло бы въ разрѣзъ у гроба И. И. Раевскаго нарушить его принципы, интересуя міръ его личностью.

Прошелъ день погребенія. На 2-й или 3-й день Левъ Николаевичъ позвалъ меня проѣхаться съ нимъ. По дорогѣ Л. Н. разсказывалъ мнѣ, какъ хорошо и дружно текла ихъ жизнь и работа, и рѣшительно ничего не было, что бы смущало эту дружескую, тѣсную связь.

— Ну, иногда слушаешь, бывало, какъ И. И. долго и пространно толкуетъ съ мужиками, повторяя имъ все одну и ту же мысль, становилось досадно отъ этихъ повтореній; выйдешь къ нему. А онъ увидитъ, улыбнется своей доброй улыбкой, — и сразу все непріятное исчезнетъ.

Л. Н. слѣдовалъ безъ всякаго колебанія всѣмъ практическимъ совѣтамъ Раевскаго по организаціи помощи.

Прошелъ мѣсяцъ.

Толстой не прекращалъ дѣла кормленія и снова вернулся въ Бѣгичевку.

Настало лѣто. И снова неурожай. И снова голодъ.

И Толстой снова остался жить въ Бѣгичевкѣ, продолжая кормить почти 4 уѣзда. И только слѣдующимъ лѣтомъ, давшимъ урожай, Левъ Николаевичъ покинулъ Бѣгичевку.

Такъ онъ докончилъ дѣло и своего покойнаго друга, и собственное.

А. Новиковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

П. Д. Боборыкинъ. Въ Москвѣ у Толстого 1
Болтонъ—Голль. Толстой и Генри Джорджъ 15
Бьернстьерне—Бьернсонъ. Изъ письма къ Г. 19
С. Васюковъ. Популярность Толстого 20
Петръ Веригинъ. Изъ писемъ 25
Уилльямъ Ллойдъ Гаррисонъ. „Гражданинъ міра“ . . 30
П. П. Гнѣдичъ. Изъ записной книжки 34
Ю. Веселовскій. Бесѣда съ Толстымъ 45
В. Давыдовъ. Изъ воспоминаній автора 56
Хр. Досевъ. Вблизи Ясной Поляны 64
Мар. Здзѣховскій. Голосъ изъ Польши 86
Наоши Като. Толстой въ Японіи 99
Н. Кашкинъ. Л. Н. Толстой и его отношеніе къ музыкѣ. 102
Конисси. Изъ письма 112
Генри Крауфордъ. Учитель 113
В. М. Лопатинъ. Изъ театральныхъ воспоминаній . . 117
Люси Малори. Вождь человѣчества 131
В. Маргеритъ. Изъ письма 133
П. Маргеритъ. Изъ письма 134
Маццони. Изъ письма 135
Л. Міеропъ. Герои 136
Б. Мироновъ. Свиданіе съ Толстымъ 139
Е. В. Молоствова. Въ часъ заката 153
В. С. Морозовъ. Изъ исповѣди 155
Луи Моротъ. Душа эпохи 193
И. Ф. Наживинъ. О Львѣ Николаевичѣ 202
А. М. Новиковъ. Л. Н. Толстой и И. И. Раевскій . . 236

7
27 50
07388/364

MK-281010 C
2
2-5
8510

PG
3385
S392
1911
t.1

Sergeenko, Petr Alekseevich
O Tolstom

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 06 02 13 012 0